

Вольфганг  
Акунов

СКАЗАНИЕ  
О НАШИХ  
ГОТСКИХ  
ПРЕДКАХ



Документы и материалы древней и новой истории  
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

**Сказание о наших готских предках**

«Алетейя»

**Акунов В. В.**

Сказание о наших готских предках / В. В. Акунов — «Алетейя»,  
— (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного  
Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-00165-009-6

Во второй половине IV в. п. Р. Х. Римская «мировая» держава была потрясена вторжением германского племени готов, едва не приведшим ее к гибели. Но со временем именно готам было суждено не только вписаться в античный мир, но и стать решающим фактором его выживания и подготовки к переходу в мир феодализма. О судьбе готов, внесших свой вклад и в создание древнерусской государственности, повествует новая книга Вольфганга Акунова. Книга выходит в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма», ибо в готскую эпоху уходят корни рыцарства, архетипом которого стал Орден бедных соратников Христа и Храма Соломонова.

ISBN 978-5-00165-009-6

© Акунов В. В.

© Алетейя

## Содержание

Предисловие	6
1. В начале долгого пути	10
Всего три корабля?	10
Через сухопутный океан	25
Спалы, скифы и другие	41
Истина, скрытая в могилах	51
Готы под стенами Трои	63
Загадочный царь Германарих	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

# **В. В. Акунов**

## **Сказание о наших готских предках**

*Светлой памяти моих родителей*

*«Среди наиболее сложных проблем древней истории Восточной Европы готская является едва ли не самой сложной»*  
**Вера Буданова**

*«От голода пришлось им выйти из лесов  
И стать владыками Вселенной»*

*Эмиль Верхарн*

*«Готы ныне – народ, затерявшийся в туманах истории, и раскрытие их таинств – серьёзный вызов, к которому нельзя отнестись легкомысленно»*  
**Эдред Торссон**

## Предисловие

*Прах мудрецов – уныл, мой юный друг.  
Развеяна их жизнь, мой юный друг.  
«Но нам звучат их гордые уроки!»  
А это – ветер слов, мой юный друг.*

*Омар Хайям*

Помнится, мой добрый друг еще со школьных времён Александр Рубенович Шавердян как-то сказал: «Наше настоящее в плену у прошлого, как наше будущее – в плену у настоящего». Эта «максима сентенция», как сказали бы древние римляне, вспоминается мне всякий раз, когда я, сидя за своим «письменным столом» (в действительности же – компьютерным рабочим местом), погружаюсь, волею судеб, в наше общее прошлое. Пытаясь извлечь из него уроки для нашего общего настоящего и будущего. Как для себя, так и для уважаемых читателей.

При работе над своей предыдущей книгой, посвящённой поискам следов гуннского народа между современными реками Доном, Дунаем и Марной (известными в античную эпоху под совсем иными, хотя, возможно, звучащими с определённой степенью схожести названиями – Танаис, Дануб и Матрона, или Матерна), автор настоящих строк, в очередной раз, как бы переживал наяву далёкое прошлое. В моих ушах пугающе отчетливо звучали яростные боевые кличи, лязг оружия, свист стрел, военные команды, крики торжества и боли, конский топот эпохального сражения на Каталаунских равнинах, под нынешним французским городом Шалон-на-Марне, в 451 г. после Рождества Христова. Там, где многие тысячи, если не десятки тысяч павших в той «битве народов» спят, по сей день, вечным сном на полях провинции Шампань, засеянных сахарной свеклой. Когда тема по-настоящему захватывает автора, он забывает обо всём и как бы переносится в мир, который пытается воскресить из небытия. Этот мир становится для него второй (если не первой) реальностью. Ни днём, ни ночью я не знал покоя. В моих видениях и снах гунны под предводительством свирепого Аттилы представлялись мне так явственно, будто я видел их на экране кинозала, телевизора или компьютера. А вот гуннские союзники-германцы – остготы («восточные готы»), франки и гепиды -, ускользая почему-то от моего мысленного взора, казались мне скорей бесплотными и молчаливыми тенями. Так же, как и римские союзники-германцы – вестготы («западные готы»), другие франки и бургунды, спасшие от гуннов Римскую державу, слышную на протяжении тысячелетия оплотом и венцом всего, созданного волею и силой человека.

Между тем, на самом деле яркая, зловещая, кровавая звезда Аттилы, прежде чем, словно «кристалл багряный, раздробиться в небе» (используя образ из стихотворения Эмиля Верхарна «Полководец»), лишь несколько лет озаряла собственные исторические судьбы готы. В начале и в конце V века от Рождества Христова, кульминацией которого стала «битва народов» под Каталауном во «главе угла» мировой (т.е., по тогдашним понятиям – римской) истории стояли не гунны, а готы. Рискую впасть в некоторое преувеличение, можно даже сказать, что незабвенный гуннский «Батюшка-царь», прозванный римлянами «Флагеллум Деи», а готами – «Годегизель» (и то, и другое значит по-русски «Бич Божий»), ухитрившийся сравить восточных готы с западными, был лишь героем интермедии, разыгранной между уходом с исторической арены царя вестготов Алариха, взявшего «Вечный Город» – Первый (Ветхий, или, говоря церковным языком, Старейший) Рим на Тибре, и выходом на нее царя остготов Теодориха – «регенератора» Западной Римской империи. Впрочем, готы и до гуннского нашествия, в III

—IV вв. «представляли собой весьма активную историческую силу на северо-восточных рубежах Римской империи. Событиями, связанными с их деятельностью, буквально заполнен весь период поздней античности. Именно готы выступали в тогдашних источниках основным элементом в сложной цепи, именуемой Великим переселением народов». (Вера Павловна Буданова. «Готы в эпоху Великого переселения народов»).

В своей книге «Таинства готов» Эдред Торссон (Стефан Э. Флауэрс), ссылаясь на «традицию», возводит этноним «гот» к имени самого отдаленного (мифического?) предка готского народа – Гаут(с) а. Указывая, что, по мнению многих, эпоним был спроецирован на миф, исследователь приводит кажущееся ему наиболее вероятным значение слова «гаут(с)» – «отец». В языке отдаленных родственников готов – исландцев – «Гаут(р)» является одним из прозвищ бога Одина (соответствующего В(у)отану (Водену, Водану, Воданазу) материковых германцев). В древнеисландском руническом стихотворении об асе (боге) Одине сказано:

Ass er aldin-gautr (Асс эр алдин гаутр), т.е. «Ас (Бог) есть древний отец».

При этом Гаут(с) «не обязательно идентичен Воданазу, потому что это имя означает только «отец», а в этимологическом смысле – «тот, кто изливает из себя», т.е. «исток, к которому восходят поколения отпрысков» («Таинства готов»).

В англосаксонской героической поэме «Беовульф» упоминается северное племя геатов (по-древненорвежски: «гаутар»), чей этноним, возможно, восходит к тому же истоку, что и этноним «готы».

Александрский географ и астроном, создатель геоцентрической картины мира Клавдий Птолемей (годы жизни: 100–170 п.Р.Х.) упоминает в своей фундаментальной «Географии» (написанной между 150 и 170 гг.) в числе скандинавских народов гаутов (греч. гаутой), надежно подтверждая этим, по мнению Максима Жиха и др., скандинавское происхождение континентальных готов.

«В описании Скандинавии в "Гетике" (историческом труде готского, или, точнее, готаланского историка на восточноримской службе Иордана, о котором ещё пойдет речь далее – В.А.) упоминаются и некие гаутиготы/Gautigoth < ... > вероятно, тождественные гаутам < ... >, которые < ... > очевидно являются родственниками "континентальных" готов» (Максим Жих).

«Более того, весьма вероятно, что одной из ветвей готов (самоназвание ёт) является племя ютов, так что, во-первых, к исходному готскому варианту следует отнести полуостров Ютландию («страну ютов» = ётов=гётов=готов – В.А.), а во-вторых, готскую компоненту следует признать не только у шведов, но и у датчан, а, значит, и норвежцев» (В.Б. Егоров. «Русь и снова Русь»).

В то же время этноним «г(у)от» явно сближается по значению со словом «Бог» (нем. «Готт», англ. «год» и т.д.). И со словом «добро» – как в значении «благо» (нем. «Гут»), так и в значении «имущество» (нем. «гут»). Не случайно и по-русски слово «добро» (в значении «имущество») является синонимом слова «богатство» (также связанного с понятием «бог»).

Обо всем этом будет подробнее сказано далее...

Оговоримся заранее, что будем придерживаться традиционной версии о северном, нордическом, скандинавском происхождении готов, хотя она отвергается или, по меньшей мере, ставится под вопрос многими авторами (например, Иваном Анатольевичем Анфертьевым и другими). Как правило, указывающими, в обосновании своей точки зрения, прежде всего, на малонаселенность Скандинавии в древние времена и оспаривающими, на этом основании, свойственные еще древним представлениям о ней как о «кузнице народов», «мастерской народов» или «лоне, рождающем народы». Мы не намерены вступать с ними в полемику, ибо не это является целью нашего повествования.

Идя по следам готов, автору настоящей книги поначалу пришлось мысленно блуждать по туманному Северу, «Вечному Норду», внушавшему непреодолимое отвращение еще Мефистофелю из II части «Фауста» моего тезки Вольфганга Гёте. Надо сказать, что с гётевских

времен этот суровый Север не стал щедрее к археологам. Раскопки предыдущих столетий обогатили историческую науку лишь сравнительно немногочисленными находками древних заколок-фибул, наконечников копий и тому подобного. Но современные методы полевых археологических исследований позволили ученым сделать важные выводы о жизни и развитии древних народов в этой молчаливой и сумрачной зоне. Правда, даже археологи первой половины XXI в. п. Р.Х. во всеоружии самых продвинутых и прогрессивных методов не в силах вызвать из небытия на территории нынешних Скандинавии, Польши, Северной Германии, Прибалтики руины храмов и дворцов. Но оскудение важных археологических находок в столь щедрой на них еще совсем недавно, но перекопанной вдоль и поперек Передней Азии заметно оживило интерес к предыстории Северной и Центральной Европы. А также обмен результатами исследований и их обсуждение научной общественностью. Конечно, археология заметно изменилась со времен Генриха Шлимана, Леонарда Вулли, Артура Эванса и множества других, посвятивших своим и чужим изысканиям очень и не очень толстые книги. Находки вроде идолов богов давно забытых культов или солнечных колесниц, «кладов Приама» или «скифского золота» стали большой редкостью, а во многих районах вообще не встречаются, как глубоко ни копай. Зато главным предметом исследований стали не столько боги и цари древних народов, а сами эти древние народы. Как они жили, чем питались, что выращивали на своих полях, что за корм давали своему скоту, на каких зверей охотились, что за рыбу ловили, как разрастались и почему приходили в упадок их поселения.

Да и что за интерес живописать остатки чудом сохранившихся до наших дней убогих глинобитных хижин или т.н. «культурный слой» – доисторические кучи мусора, копившиеся тысячами лет и привлекательного лишь для археологов! Да и непросто их описывать – в отсутствие живых людей, без исторического фона, или, говоря «по-новорусски», без «бэкграунда»...

И все-таки нам придется начать именно с них, ибо лишь в этой области изучения первобытной и ранней истории готы и других германских народностей были сделаны достойные упоминания находки, проливающие свет на их генезис. Ведь весь фонд античных свидетельств и исторических источников, римских и греческих авторов, давно изучен маститыми учеными, еще сто лет тому назад в восторге упоенно воспевавшими германцев времени Великого переселения народов. С того момента, когда солнце античной историографии впервые озарило готы, появившихся на дальних подступах к границам римской Экумены (греческой Ойкумены, т.е. обитаемого, в смысле – «цивилизованного» мира), на Агалинге (так германцы в древности именовали реку Днестр) и на Евксинском понте (современном Черном море), сведения древних источников о них становятся все более подробными. Однако эти источники были известны еще нашим отцам, дедам, прадедам и так далее. Поэтому автор настоящей книги решил не ограничиваться ими, а, с учетом этих сохраненных нам античными и раннесредневековыми историками фактов и наряду с ними, сообщить читателю и о том, что нам известно о готах с современной точки зрения.

При написании своей предыдущей книги о неукротимых и неутомимых гуннах, о которых нам известно, в общем-то, не так уж много достоверного, автору пришлось изрядно попотеть, заполняя многочисленные пробелы в их истории, незаполненные историками прежних лет, десятилетий и веков. При работе же над настоящей книгой, посвященной «заклятым друзьям» гуннов – готам, мне пришлось столкнуться с противоположной проблемой. А именно: как в доступной и занимательной форме изложить историю готского народа широкому кругу читателей, не перегружая его органы восприятия информацией чрезмерным избытком фактов. Сведений, многие из которых важны и интересны лишь специалистам. Вынужденно обходя молчанием те или иные моменты готской истории (долгой, переменчивой и извилистой, словно полет летучей мыши), я утешал себя тем, что ныне наши россияне и другие русскоязычные читатели могут свободно путешествовать по всему миру. И те из них, что не успеют дочитать

мою книжку до отпуска и, заинтересовавшись «готской темой», действительно решат отправиться по следам древних готов, смогут использовать для своих поисков отпускное время. И таким образом самим пополнить запас своих знаний о готах. Следы готов они без труда найдут на солнечной Адриатике, где их, во всем величии своей древней красоты, ждет столица остготов – Равенна. А если их больше интересуют вестготы, то советую им провести отпуск в солнечной Испании. Запасись дорожной картой, взять напрокат машину – и поехать по стране, чтоб насладиться видом маленьких вестготских каменных церквушек, затерявшихся на хранящих первозданное молчание равнинах, как в свое время – автор этих строк.

А пока – в путь, уважаемый читатель!

## 1. В начале долгого пути

*«Готы, как появились из тумана веков, так в нем же, кажется, и исчезли».*  
(*Стефан Флауэрс*)

### Всего три корабля?

Мне почему-то думается, что дело было раннею весной. Лет этак две тысячи «с гаком» тому назад. В начале апреля Янтарное море, вероятно, уже не было сковано льдом. И в то же время подошли к концу запасы корма для домашнего скота. После долгой скандинавской зимы в области обитания готов (нынешнем Гёталанде-Готаланде, буквально – «Готской земле», на юге современной Швеции) царила беспросветная нужда. То, что обсуждалось членами отдельных родов долгими зимними вечерами, стало неизбежным. Части готского народа предстояло сняться с насиженных мест и отправиться на поиски новых земель, чтобы там поселиться.

Существует древнее сказание о том, как это делалось. Ему, конечно, можно верить или нет. Но оно представляется нам достаточно достоверным и убедительным. Именно в силу своей суровой, неприкрашенной простоты. По этой легенде, народ в подобных случаях разделялся на три большие группы, включавшие каждая в примерно равном количестве молодых и старых, богатых и бедных, земледельцев и скотоводов. А потом жеребьевкой решалось, какой из этих трех одинаково сильных и состоятельных групп надлежит покинуть родную землю. Чтобы своим уходом дать возможность выжить остальным.

Когда обитателям Гёталанда (подобно многим другим народам между Тихим и Атлантическим океанами – например, древним грекам и римлянам, аналогичным путем основывавшим новые колонии для избыточного населения) пришлось тянуть жребий, Европа давно уже не была малонаселенной частью света. По которой когда-то бродила всего пара тысяч охотников на многочисленные стада мамонтов. Находя убежища в пещерах. Покрывая стены этих пещер разноцветными изображениями животных. Конечно, численность тогдашнего населения территорий, занимаемых сегодня Швецией и другими странами, прилегающими к Балтийскому морю, была далека от современной. Но в те далекие времена человеку требовалось гораздо больше места, чем сегодня. Тогда человек поддерживал свое существование тремя способами. Либо полеводством, которым занимался преимущественно на пригодных для обработки земли свободных пространствах, чтобы не тратить слишком много времени и сил на рубку и корчевку леса (дело весьма долгое и трудоемкое). Либо животноводством, для занятия которым требовались обширные пастбища. Или же полеводством в сочетании с животноводством. В последнем случае земли, само собой, требовалось еще больше.

При столь экстенсивном и неэкономном, с точки зрения использования земельных угодий, образе жизни, земли должно было постоянно не хватать. Особенно с учетом подтвержденной многими источниками привычки северных германцев предпочитать захват новых земель рубке и корчевке лесов с целью превращения земли в пашни для растениеводства и луга для скотоводства. Эти «норманны» («северные люди»), как их стали называть впоследствии жертвы их набегов и миграций, старались по возможности щадить свои леса, немалая часть которых сохранилась и доныне. И охотнее брались за мечи, чтобы завоевать себе новые земли под пашни, поселения и пастбища.

Однако, прежде чем начать сражаться, готам предстояло сесть на корабли и переплыть Янтарное море. Это звучит фантастичнее, чем было на самом деле. Потому что число переселенцев вряд ли было слишком большим. В готском сказании о переселении с «острова Скандинавия»

дза» (Скандинавского полуострова), донесенном до нас античными историками, речь идет всего о ТРЕХ кораблях. «ТРИ» – любимое, сакральное, число сказаний и легенд. Так что на самом деле кораблей у готов, несомненно, было больше. В отличие от генуэзца Христофора Колумба, отплывшего в 1492 г. из средневековой Испании (основанной фактически вестготами и свято почитавшей память своих готских основателей) пролагать морской путь в Индию (и открывшего «попутно» Новый Свет) действительно всего лишь на трех кораблях. Возможно, за легендарными «тремя кораблями» готских мигрантов скрываются три флота, или три флотилии. А может быть, один флот, совершивший три рейса, пока не перевез всех переселенцев. Впрочем, это не так уж и важно.

Важно другое. Была ли в то далекое время у «северных варваров» историческая и техническая возможность совершить подобное вторжение? Ведь переправа целого народа (пусть и не слишком многочисленного, с современной точки зрения) через Янтарное море была именно вторжением.

Ответ один. Все говорит в пользу возможности, осуществимости такого предприятия. Древнегреческий мореплаватель Пифей из средиземноморского порта Массалии (Массилии, нынешнего Марселя) за триста лет до описываемых нами событий вышел из устья Гарумны (нынешней Гаронны), в месте ее слияния с Дуунной (нынешней Дордонью) и обогнул Оловянные (Британские) острова. В далеких каледонских (или, говоря по-нашему, шотландских) гаванях потомок Одиссея выведал у местных мореходов сведения об оживленном морском сообщении между Британией и Скандзой. Моряки указали греку путь, предупредили об опасностях. Предупрежден – значит, вооружен. Пифею – в IV в. до Р.Х. удалось доплыть до Туле (Тиле, Фуле, Филе, Тулы, Фулы – крайней северной точки обитаемого мира, то ли Оркнейских, Шетландских или Гебридских островов, то ли Норвегии, то ли Исландии, то ли даже Гренландии). Соответствующие сведения дошли до нас в сохранившихся отрывках бесценного Пифея «перипла» – описания плавания на край света – содержащего данные о жизни в Западной Скандинавии, о полярной ночи, приливах, отливах и многом другом.

Следовательно, мореплавание в этих широтах было распространено задолго до Великого переселения народов. На территории нынешней Швеции сохранились подобия древних ладей, выложенные из необтесанных камней. Мореходное искусство скандинавских народов уже в давние времена стояло на таком высоком уровне, что перспектива переплыть Янтарное море их несколько не страшила. Ведь они были привычны к плаванию по гораздо более опасному и суровому Северному морю (или «Дышащему океану», если выразиться языком массалийца Пифея). Да и корабельного леса было сколько угодно. Поэтому то, что писал упомянутый выше историк готоаланского происхождения Иордан (Иорнанд), служивший нотариусом (секретарем) у (восточно)римского военачальника в ранге военного магистра Гунтигиса Базы (отпрыска царского готского рода Амалов), и, соответственно, хорошо знавший родовые предания Амалов, в своем труде «О происхождении и деяниях гетов», сокращенно именуемом «Гетика», запечатлевший на тысячелетия начало перелома в судьбах всего античного мира, несомненно, следует рассматривать как нечто большее, чем просто древнюю легенду:

«...на просторах северного океана расположен большой остров по имени Скандза, подобный лимонному листу, с изогнутыми краями, вытянутый в длину и закругляющийся. О нем же сообщает и Помпоний Мела, говоря, что Скандза расположена в Коданском заливе моря и что берега ее омывает океан. Скандза лежит против реки Вистулы (нынешней Вислы – В.А.), которая, родившись в Сарматских горах (Карпатах – В.А.), впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию. Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро, откуда река Вагн, волнуясь, извергается, как некое порождение чрева, в океан. С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим океаном...».

То, что «Скандза», т.е. Скандинавия (у некоторых авторов – «Скатинавия», «Скандзия» или «Скандия») воспринималась людьми античного мира в качестве острова, не должно нас удивлять.

Сильно вытянутый Скандинавский полуостров примыкает к европейскому матерiku лишь на относительно узком участке между Ботническим заливом и заполярной норвежской областью Финнмарк.

Поскольку же Ботнический залив стал судоходным не ранее 900 г. п. Р.Х., античные географы считали полуостров Скандзу островом.

Однако Иордан совершенно правильно описывает Каттегат, как омывающий «прилегающую к океану» сторону нынешней Южной Швеции. Он также верно указывает на существование на «Скандзе» большого внутреннего озера, практически делящего современную Швецию пополам между городами Стокгольмом и Гётеборгом («Готским замком»), лежащим в устье реки Гёта-Эльв (Гота-Альв, «Готской реки»). После нескольких типичных для античных географов замечаний о волках, лишаящихся от мороза зрения на льду замерзающего Янтарного моря, и о суровой скандинавской зиме, жестокой не только для людей, но даже для диких зверей, готский историк продолжает:

«С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза (Gutisk andja, т.е. «Готский берег» – В.А.).

Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов («островных ругов», от «холм», holm/holmr= «остров»); по мнению ряда авторов, германцы-руги в те давние времена занимали остров в Балтийском море, названный в память о них Руга-Рюген, и переименованный пришедшими туда впоследствии славянами в Руян – «остров Буян» позднейших легенд, сказаний и былин – В.А.), которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений (согласно гипотезе Всеволода Игоревича Меркулова, готы на своем пути проследовали через остров Ругу-Рюген и прилегающие к нему земли; да и на карте готской миграции, составленной Марком Борисовичем Шукиным на основе археологических данных, путь готов также пролегает мимо Руги – именно близ этого острова, по мнению ученого, подчеркивает Максим Жих в своем исследовании «Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и "племени" (gens) Spali», высадились на материковый берег первые готские мигранты из Скандинавии, представленные т.н. густовской группой памятников – наиболее ранней из идентифицируемых с материковыми готами). Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам. Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда (по смыслу текста, через море – В.А.).».

В этом месте нам представляется необходимым сделать следующее замечание.

Традиционно германских и других «варварских» (например, гуннских) царей времен Великого переселения народов именуют по-русски «королями». Нам это представляется неверным. И вот почему. Слово «король» («кароль», «краль», «круль»), как титул верховного правителя (аналогичный германским словам «кунинг», «конунг», «конге», «кёниг», «кинг») вошло в славянские языки (и в венгерский – в форме «кираль») не ранее IX в. п. Р.Х. Как производное от германского имени «Карл». Карлом звали царя германского племени франков, коронованного в 800 г. в италийском «Вечном Городе» Риме на берегах Тибра папой (епископом) римским венцом (западного) римского (а не «франкского» или «германского») императора и вошедшего в историю как Карл Великий. Само древнегерманское имя «Карл» происходит от слова «карл» («керл»), означающего «муж(чина)». Изначально оно пришло из

древненорвежского (скандинавского) языка («нуррён»), в котором «карл» означало «свободный человек», в отличие от «ярла» – аристократа, представителя родоплеменной знати, и «трелла» («дрелла») – раба. Поэтому мы в дальнейшем будем именовать в нашей книге «варварских» правителей, живших до Карла Великого, не «королями», а царями (за исключением цитируемых источников, переведенных на русский язык не нами). Но это так, к слову. «Мы же на прежнее возвратимся» (выражаясь языком средневековых русских летописцев).

Предприятие готского царя Филимера было чем-то явно новым для высокоразвитой римской Европы. Народы, населявшие берега Средиземного моря (именуемого римлянами Внутренним или просто «нашим морем», по-латыни – «маре нострум»), давно забыв тягу своих далеких предков к дальним странствиям, ко времени готского «прыжка» через Балтику уже давно оседло жили в городах, занимались земледелием. На протяжении столетий они существовали в рамках прочно устоявшихся государственных форм. Привычно обращая свои взоры лишь на «вечный» Рим, только от него ожидали они добра или зла. Янтарное море тоже можно назвать «средиземным». Но там все происходило не «цивилизованно», не в духе порядков высокоразвитой Римской империи, а все еще очень «по-варварски». Народы переселялись, куда хотели. Оседали, где им нравилось. Расчищали себе жизненное пространство силой меча, копья, ножа (а иногда – простой дубины). Более слабый, поневоле, уступал место более сильному. Даже цари (или, точнее говоря, царьки) нисколько не догадывались о том, что готовят изменение судеб не только своего, но и множества других народов. Что сражаются за земли, за которые другие народы будут сражаться после них, на протяжении двухсот веков. Что они поселяются в устье Вистулы (в «Гетике» Иордана – Висклы), реки, где через два тысячелетия разразится величайшая из войн в истории человечества. Всех их, селившихся там друг рядом с другом в те давние годы, занимали гораздо более скромные, приземленные мысли. Они думали о гораздо более простых вещах. О пище и о жизненном пространстве для людей и для скота.

В труде «Размышления о французской революции» англо-ирландского консервативного мыслителя Эдмунда Бёрка содержится следующая сентенция: «Чтобы мы любили свою страну, она должна обладать чем-то, за что ее возможно любить» (другой вариант перевода: «она должна быть милой нашему сердцу»). Вероятно, в пору седой готской древности «скатинавскую» родину готов любить было особенно не за что. Не была она «милой готскому сердцу» – и все тут. Не могли готы отнести к себе пословицу: «Где родились, там и пригодились»...

О том далеком времени до нас не дошло ни одного готского сказания, ни одной героической песни, сложенной в честь переправы готов через море. Или в честь обретения ими новой родины. В отличие, скажем, от подробных, содержательных саг, сложенных тысячу лет спустя о заселении другими северными германцами Исландии (возможно, Туле, до которой доплыл массалиец Пифей) и сохранившихся до наших дней. Видно, не достигли еще древние германцы уровня своих исландских потомков. А если и достигли, то... уж слишком беспокоен и подвижен был окружающий их мир. Так что ни у кого из готов не было ни времени, ни сил вырезать рунами на дереве или, тем более, на камне, длинные песни и сказания.

Так что остается нам, дав волю фантазии, самим попытаться представить себе, как целая треть готского народа переплывала Янтарное море (именуемое у Иордана также Германским). Вероятнее всего, никто из готов не думал, что плывет «на авось», «в никуда», или «куда глаза глядят». Торговцы – вечные первопроходцы и «разведчики земель» у всех народов – несомненно, и до готского переселения курсировали между устьем Вистулы-Вислы и Скандзой. Ведь река Вистула традиционно была торговой артерией между Евксинским понтом и восточным Средиземноморьем, на юге, и землями, прилегающими к Янтарному морю, на севере. Устья рек, особенно столь важные, как дельта Вистулы-Висклы – были с древнейших времен населены гораздо гуще, чем другие части суши. Ибо торговля давала куда больше возможностей. И обеспечивала куда лучшие условия жизни и заработка. Да и рыболовство было в то время не слишком трудным и весьма доходным ремеслом. Рыба служила дополнительным

питанием и товаром для меновой торговли с жителями поселений, расположенных выше по реке.

Вряд ли готские мигранты ожидали найти дельту Вистулы полностью незаселенной. Скорей наоборот. Переселенцы из Гёталанда в «Готискандзу» предполагали, что смогут жить там без чрезмерного вложения сил и средств. Без инвестиций (выражаясь современным языком). Без необходимости самим валить и корчевать леса. А потом долго ждать урожая. Нет, это заселение готами первой освоенной ими территории на европейском материке было заранее просчитанным и спланированным захватом. Ибо в «Готискандзе» – стране, чьи житочные обитатели – к примеру, те же упомянутые Иорданом ульмеруги (руги, ругии) или их соседи, давно занимались весьма прибыльным мореходством и торговлей, завоевателям наверняка было чем поживиться. Там готских переселенцев ожидали не убогие селенья бедных пахарей. И не кочевья легких на подъем, подвижных, как песок, номадов, способных быстренько откочевать со своим скарбом на колесах табунами и стадами мелкого и крупного скота подальше от свалившихся им на головы неожиданно пришельцев. А, так сказать, уютное и теплое «гнездо» для готских «кукушат».

Но это «гнездо» очень скоро оказалось им мало. Ибо из-за моря в «Готискандзу» прибывали все новые готы. Ведь до них очень скоро дошли известия об удачном захвате новой земли, завоеванной (как видно, без особого труда – хотя, кто знает?) воинственным передовым отрядом готского народа. Мигранты прибывали с семьями. Заключались все новые браки. В условиях наступившего в «Готискандзе» мира и обретенного изобилия готский народ стал плодиться и размножаться.

Свидетельства более поздних, лучше известных ученым времен, говорят, что подобный, вообще-то достаточно типичный, процесс, занимает, при наличии определенных обстоятельств и условий, относительно немного времени. Передовой отряд потомков (хоть и отдаленных) готов Филимера – викингов-норманнов, более поздних выходцев из «Скандзы», поселившихся в западной части королевства франков (получившей в честь них название Нормандии), насчитывал на первых порах всего пару сотен мигрантов. Очень скоро они стали получать подкрепления из Скандинавии. Всего через несколько лет «северные люди» во франкских владениях стали настолько многочисленными, что смогли перейти к все более глубоким рейдам и обширным завоеваниям в центральных областях Франкской державы. Аналогичным образом обстояло дело с норманнскими вооруженными мигрантами в южной Италии и на Руси. Да и с арабами, принявшими в VII в. ислам. Молниеносно переправившись через Геракловы столпы (получившие, в честь арабского полководца Тарика ибн Зияда название Джебель аль-Тарик, «Горы Тарика», или, по-нашему, поевропейски – Гибралтар), воины ислама быстро покорили южноиспанские области, а вслед за тем – и другие части Испании (разбив ее предыдущих покорителей – вестготов).

По какой же причине готы на протяжении нескольких десятилетий оставались в этих первых покоренных ими прибрежных областях дельты Вистулы? Вероятно, переправа через Янтарное море занимала больше времени, чем переправа через Британский океан или Геркулесовы столбы. К тому же норманны и арабы были, видимо, более воинственными и подвижными, чем готы. Германские переселенцы с «острова Скандзы» готского периода предстают мысленному взору позднейших историков довольно медленно странствующими племенами, не привыкшими еще к образу жизни вооруженных грабителей, как к чему-то само собой разумеющемуся. В отличие от более поздних морских (и сухопутных) разбойников – стремительных арабов и норманнских викингов.

У Иордана и его предшественника Кассиодора, записавших готские сказания, говорится, что в «Готискандзе», на новой родине, обретенной готами на южном побережье Янтарного моря, успели смениться пять готских царей, прежде чем переселенцы со «Скандзы» в «Готискандзу» решились покинуть это насиженное «гнездо» и отправиться дальше. Что может

с равным успехом означать: готы прожили в Южной Прибалтике и сорок, и пятьдесят, и восемьдесят и даже сотню лет. Но это – с одной стороны. С другой же стороны, надо учитывать следующее. Готские переселенцы, несомненно, пребывали, на захваченных ими в «Готискандзе» прибрежных плацдармах, в состоянии перманентной войны Теснимые туземцами, стремившимися сбросить незваных гостей в море, из-за которого те приплыли, готские «вооруженные мигранты» нуждались в энергичных и молодых царях (или, точнее говоря, военных предводителях – «войсковых царях», «гееркёнигах»). А значит, готские цари самой силой вещей сменялись довольно часто.

Все это может разочаровать уважаемого читателя. Ибо звучит слишком уж неопределенно и туманно. Особенно если сравнить эти первые сообщения о готах с тем, что нам известно, например, о ранней истории Рима. Итальянского города-государства, разросшегося до размеров «мировой» державы. Все подробности и перипетии развития которого – в том числе, в период первых десятилетий пребывания готских мигрантов в устье Вистулы – известны нам не только из современных – преимущественно бульварных – романов и повестей. Но и из немалого числа античных литературных памятников. Тщательно фиксировавших даже самые мельчайшие события в жизни «потомков Ромула». И все-таки нам очень повезло, что мы знаем о первых шагах готов по европейской «Большой Земле» хотя бы столько, сколько знаем. Ибо вся обширная территория Германии в начале христианской эры представляла собой, с точки зрения «цивилизованных людей», «терра инкогнита». Т.е. «неведомую землю».

Землю, недоступную для изучения и описания образованными людьми античного мира, в силу своей непроходимости. Люди греко-римской Экумены давно уже проложили караванные пути через пустыни, и даже горные дороги через Альпы. Но обширные, дремучие леса и болотные трясины казались им по-прежнему непреодолимыми препятствиями. А древняя Центральная Европа была настолько переполнена болотными трясинами и дремучими лесами, что мы сегодня просто не можем себе этого представить.

А между тем, нам хорошо известно, что греческий историк и географ римской эпохи Страбон уже вскоре после Рождества Христова, в годы правления принцепса Октавиана Августа оставил на страницах своего труда упоминание о готах. Значит, была на то причина.

И этой причиной было наличие, и даже изобилие в балтийской «Готискандзе» уникального по своей ценности товара. Т.н. «солнечного камня». «Электр(он)а» (по-гречески), «электр(ум)а» (по-латыни), или, по-нашему, по-русски – янтаря. Из-за своего золотистого цвета янтарь назывался по-гречески и по-латыни так же, как и сплав золота с серебром. По мнению ряда историков – например, Юргена Шпанута, янтарь упоминается Платоном в диалоге «Критий», повествующем об Атлантиде, под названием «орихалк» («желтая медь»).

Кстати, этому же Страбону мы обязаны приведенным в его «Географии» любопытным пассажем о географе Эратосфене (прекрасно знавшем, между прочим, о шарообразности Земли), свидетельствующим о том, что не все носители античной культуры смотрели на «варваров» свысока: «В конце своей книги Эратосфен критикует тех, кто делит все человечество на две группы – на греков и варваров, а также и тех, кто советовал Александру (Македонскому – В.А.) считать греков друзьями, варваров – врагами; было бы лучше, продолжает он, делить людей по хорошим и дурным качествам, ибо есть не только много дурных греков, но и много образованных варваров – например, индусы и арианы (под «арианами» античный автор подразумевает не христиан-еретиков, в его время еще не существовавших, а иранцев, т.е. в первую очередь персов и мидян-мидийцев – В.А.), кроме того, существуют римляне и карфагеняне с таким удивительным государственным устройством». Увы! – люди столь широких взглядов составляли в то время незначительное меньшинство. И все-таки они были! Но довольно об этом. Вернемся к «солнечному камню» и его добытчикам.

Украшения и материалы для их изготовления – любимые находки археологов. Они остаются неизменными на протяжении тысячелетий. Нередко изделия древних ювелиров столь

миниатюрны, что укрываются от жадных взоров и цепких рук кладоискателей. Как легкий и простой в перевозке товар, их находят вдоль всех древних торговых путей. Можно сказать, что именно украшения ведут нас по Древнему миру, как световые сигналы.

Из янтаря, этой легкой и хорошо поддающейся обработке окаменелой смолы хвойных деревьев, начиная с Каменного века, изготавливали не только подвески, бусы и другие украшения, но и художественно оформленные предметы домашнего обихода. Об этом свидетельствуют археологические находки, причем не только на побережье Балтийского моря, получившего название Янтарного, по встречавшемуся на его побережье в изобилии «солнечному камню». В древности янтарные амулеты и фигуры животных отличались довольно внушительными размерами. Судя по этому, запасы янтаря были тогда еще очень далеки от истощения. До нас дошла чаша для питья диаметром семь с половиной сантиметров, выдолбленная из цельного куска янтаря.

Когда массалиец Пифей, как новый Одиссей, плыл меж Геркулесовых столбов, на Крайний Север, т.е. в IV в. до Р.Х., янтарь уже ценился так высоко, что считался священным. Священным почиталось и место наибольшего скопления «электрона» – остров Абал в устье Виадра (нынешнего Одера). Море выносило на берега Абала целые глыбы янтаря. Впоследствии этот остров получил у немцев название Свантевустров (вероятно, искаженное славянское «Святой остров»); в раннем Средневековье на острове жили сменившие готов славяне, поклонявшиеся там богу Свантевиту-Святовиту). В этой местности был найден крупнейший известный в истории кусок янтаря весом почти десять килограммов. По рекам Видуе и Вистуле издавна пролегли пути в «Страну янтаря». Но только после того, как римляне начали приобретать янтарь в больших количествах, чем греки и другие средиземноморские народы (особенно в императорский период римской истории), наряду с упомянутыми выше «янтарными реками», стали приобретать все большее значение «янтарные пути», проходившие по суше. Главный «янтарный путь» вел из «Готискандзы» и области расселения силингов (которых некоторые считают частью вандалов, другие же – отдельной восточногерманской народностью) на юг, по территории римской провинции Норик, через Виндобону (нынешнюю Вену) или Карнунт. Последний отрезок Янтарного пути проходил по Эмилиевой дороге – главной дороге Северной Италии – и вел в прославленный, богатый город Аквиле(й)ю. Важный стратегический и торговый центр, основанный древними римлянами в 183–181 гг. до Р.Х. на побережье Адриатического моря, чтобы держать в повиновении тамошних венетов (о венетах еще будет сказано далее). Соединительный пункт римских дорог, ведущих в Паннонию, Норик, Далмацию, Истрию. Дорожный узел, именуемый порою (как впоследствии – Венеция) «царицей Адриатики». Из данного, не подлежащего никакому сомнению, исторического факта можно сделать следующий вывод. После непродолжительного периода упадка торговли янтарем (вызванного, возможно, уничтожением римлянами контролировавших «янтарный бизнес» древних этрусских торговых династий, в ходе римско-этрусских войн) торговля «солнечным камнем» пережила новый взлет. Ибо спрос, как всегда, определял предложение. В императорский период римской истории янтарь пользовался все большей популярностью. Этот рост популярности «электрона» – дорогостоящего, но тем более желанного «солнечного камня» привел к его широкому распространению не только в самой Италии, сердце Римской «мировой» империи, но и в завоеванных римлянами землях (провинциях). Как среди представителей древней родовой знати, разорявшихся, но не желавших соразмерять свои доходы с расходами. Так и среди тщеславных «нуворишей». «Новых римлян» (выражаясь современным языком), или «новых людей» («гоминес нови», как их именовали сами римляне). Выбивавшихся «из грязи в князи» хундорных «скоробогачей». Сплошь и рядом – вчерашних рабов. Вольноотпущенников-либертинов, выкупившихся на свободу у своих разорившихся хозяев – выродившихся потомков аристократических фамилий. Но, несмотря на свое «низкое» происхождение, не желавших ни в чем уступать своим прежним господам. Потомкам бессмертных богов, или, по меньшей мере – Энея и дру-

гих легендарных троянских героев (к которым возводили свое происхождение преисполненные фамильной спесью отпрыски древних патрицианских римских родов, не представлявшие себе жизни без привычной роскоши). Широчайшее распространение «электра» по всей территории Римской державы подтверждается многочисленными находками ювелирных украшений и других изделий из «солнечного камня», доставляемого (по тогдашним понятиям), с самого края света. Наибольший «урожай» произведений ювелирного (и не только ювелирного) искусства, изготовленных из янтаря, дали раскопки Аквилеи. Древнего, гордого своим богатством торгового города, являвшегося южной конечной точкой протяженного сухопутного торгового пути, начинавшегося на южном побережье Янтарного моря, в «варварских» землях готов, герулов и вандалов.

Наряду с янтарем, основными товарами, вывозимыми в Римскую «мировую» державу из «варварской» Германии, были пчелиный мед, воск, меха, кожи, рабы, а также... белокурые косы германских женщин и девушек для париков богатых римских модниц (к описываемому времени – преимущественно брюнеток). Среди высших сословий древнеримской державы царил форменный культ «нордической» внешности...

Во время своего многотрудного плавания на Север около 140 г. до Р.Х. массалиец Пифей еще не встречал на побережье Янтарного моря готов. Вместо готов в будущей «Готискандзе» жил германский народ лугов (лугиев, лигиев, луйев, лугийцев, лигийцев), ассоциируемых большинством археологов с носителями пшеворской культуры и соотносимых рядом современных историков с вандалами. Лишь римский ученый-энциклопедист (или, как сказали бы древние греки, «полигистор») I в. п. Р.Х. Гай Плиний Секунд (Плиний Старший) заменил эти устаревшие географические данные актуальными, приведя в своей «Естественной истории» этноним новых обитателей Янтарного берега – гут(т)онов (т.е. готов). Римский историк I–II вв. п.Р.Х. Публий (Гай?) Корнелий Тацит, автор фундаментального труда «О происхождении, расположении, нравах и населении Германии» (сокращенно – «Германия»), именовал их готонами:

«За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям».

Из данного отрывка «Германии» Тацита можно заключить, что готы не истребили лугиев, а лишь оттеснили их вглубь материка, на юг (впоследствии ассимилировав лугиев, по мнению ряда современных авторов). Известный нам из готского сказания факт исхода готов с территории нынешней Южной Швеции и захват ими земель в устье Вистулы был осуществлен под руководством царей, также подтверждается Корнелием Тацитом. В другом его известном сочинении – «Анналах» – изложение римского историка становится подробнее, он даже приводит имя одного из готских предводителей:

«Был между готонами знатный молодой человек по имени Катувальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом (царем маркоманов и других народностей – членов германского племенного союза свебов, или свевов, предков современных швабов, завладевших Бойгемом, или Богемией – нынешней Чехией -, неоднократно воевавшим с римлянами – В.А.) насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление. Тут были обнаружены захваченная свебами в давние времена добыча, а также маркитанты и купцы из наших (римских – В.А.) провинций, которых – каждого из своего края – занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины < ... > Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию (римскому принцепсу Тиберию Юлию Цезарю Августу, пасынку императора Октавиана

Августа – В.А.) < ... > И Маробода поселили в Равенне < ... > Сходной оказалась и судьба Катувальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный позже силами гермундулов (древнегерманского племени, родственного свевам и проживавшего на территории современной немецкой федеральной земли Тюрингия – В.А.), во главе которых стоял Вибиллий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии...».

Данное сообщение Тацита также представляется нам весьма интересным. Из него явствует, что европейская трансконтинентальная торговля продолжала процветать, несмотря на военные действия. Мало того! Несмотря на затяжную войну, в которую Маробод (в других источниках – Марбод), отсиживавшийся в своей созданной самой природой, окруженной горами бойгемской естественной крепости, вовлек римлян, основные торговые пути между Средиземным и Янтарным морями оставались, как и прежде, оживленными. Римские купцы стали «своими людьми» среди населявших южную Прибалтику германцев. Не только не угрожавших жизни римских выходцев, но и не чинивших регулярно посещавшим «Готискандзу» римлянам никаких препятствий в бизнесе (выражаясь по-современному). Очевидно, готские переселенцы из Скандии пришли в самый центр области, где издавна процветала интенсивная международная торговля. Нам думается, это было не случайно. В боях с местными уроженцами готы силой копья и меча завоевали себе жизненное пространство в дельте Вистулы, как области высокого, в сравнении со скудной «Скандзой», благосостояния и уровня жизни. И теперь занялись его обороной. Ибо на просторах древней Европы центров оживленного товарообмена, подобно «Готискандзе», открывавших перед теми, кто их контролировал, все новые возможности обогащения, было все еще очень немного.

Почему готы мигрировали именно в такую область, а не в какую-либо живописную и тихую лесную зону, нам становится ясно из краткого сообщения об их появлении в земле лугиев. А также из того факта, что почти все античные географы обозначают готов осень схожими этнонимами, указывающими на их принадлежность к одной и той же германской народности. Независимо от различий в написании этих этнонимов. С учетом путаницы названий, царящей в античной географии, да и в географии вообще, данное обстоятельство представляется далеко не случайным совпадением. Частичное объяснение ему мы находим в «Естественной истории» Плиния Старшего:

«Ныне вполне установлено, что янтарь ввозят с определенного участка прибрежной полосы Германии, отстоящего почти на шестьсот миль от паннонского Карнунта (в районе нынешнего Петронелля в Австрии на полпути из Вены в Братиславу – В.А.). Еще жив римский всадник, которого Юлиан, надсмотрщик над играми гладиаторов при императоре Нероне, посылал для изучения [пути, по которому ввозят янтарь] . Этот Юлиан изучил все пути торговли (commercía) янтарем и все побережье, откуда он происходит, и привез такое его множество, что янтарными привесками стали украшать сети, с помощью которых загоняли зверей на подиум...». А в другом переводе: «... привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр».

Ничего себе уровень жизни, наверняка подумает всякий, прочитавший эти строки! Но одновременно и: ничего себе уровень государственного расточительства! Вот на что шли средства, высасываемые из подданных «мировой» державы жадными щупальцами имперского фиска! Но это так, к слову...

Вес самого большого куска из числа привезенных Юлианом достигал, если верить Плинию Старшему, тринадцать фунтов. Уже цитировавшийся нами Тацит в «Германии» рассказывает о приобретаемом римлянами у германцев необработанном янтаре: «...нетрудно понять, что это – древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заклю-

ченными в ней, превратившейся в твердое вещество». А в эпиграмме римского поэта Марка Валерия Марциала говорится о муравье: «...капнул янтарь и обвил тонкое тельце его. Так, при жизни своей презираемый всеми недавно, / Собственной смерти ценой стал драгоценностью он». Но дело не в этом. А в том, что готские мигранты получили в свои руки «золотую жилу» (хоть и была она в действительности не золотой, а янтарной, но уж так говорится)...

В «Естественной истории» Плиний Секунд, со ссылкой на Пифея, сообщает о гут(т)онах, бродящих по Балтийскому побережью, собирающих янтарь и продающих солнечный камень» тевтонам. Если верить «Германии» Тацита, они «обшаривают и море, и на отмелях единственные из них собирают янтарь, который они называют глезом (это готонское название янтаря – *glesum* – явно родственно немецкому названию стекла «глас» = *Glas*, английскому названию стекла «гласс» = *Glass*, латинскому названию льда «глаций» = *glacies*, французскому названию льда «гляс» = *glace*, да и русскому слову «глаз» – все их объединяет свойство прозрачности – В. А.). Но вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену».

Согласно Плинию, германцы привозили янтарь главным образом в римскую Паннонию (включавшую южную часть нынешней Нижней Австрии и современную Венгрию). Иначе говоря – в район «Янтарного пути», прилегающий к Адриатике. По сведениям римского энциклопедиста, Коданский залив до Кимврского мыса (т.е. до нынешнего мыса Скаген на северной оконечности датского полуострова Ютландия) полон островов, самый знаменитый из которых – Скатилавия, размеры которого еще не изучены:

«Там гигантская гора Сево, не ниже, чем Рипейский (Уральский – В.А.) массив, причем она образует огромный – до самого Кимврского мыса – залив под названием Кодан. Он усеян островами, из них самый известный – Скатилавия. Размеры его не исследованы, а на той части, которая одна только пока изучена, в своих пятистах деревнях живет народ гиллевионов. Они свой остров называют «второй землей» (*alterum orbem terrarum*, буквально – «вторым земным кругом» – В.А.). [Остров] Энингия, как считают, размером не меньше Скатилавии.

Далее благодаря [доходившим до этих мест] римским войскам [нам стали] известны 23 острова. Из них самые значительные (*nobilissimae*) : Буркана, его римляне зовут... Глезария за янтарь (вспомним приведенное выше германское название янтаря, заимствованное римлянами – «глез» – В.А.)... А напротив ... в Германском море разбросаны Глезарские [острова], их нынешние греки назвали Электридами за то, что на них рождается янтарь (*electrum*)».

В то же время Плиний сообщает и о некоем острове «Скандиас», отличном, по контексту его «Естественной истории», от «Скатилавии». Темна вода во облацех, как говорили наши предки...

Причины этой – конечно, не единственной – дальней экспедиции ясны и понятны.

Причуды и прихоти непредсказуемого принцепса Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика вынуждали его окружение постоянно выдумывать что-нибудь новое, чтобы удовлетворить душевнобольного императора. Получить столько янтаря, чтобы украсить им всю цирковую арену, в установленный Нероном срок, путем торговли тогда было невозможно (а если и возможно, то по непомерно высокой цене). Вот и пришлось знатному римлянину на императорской службе лично, в сопровождении рабов-носильщиков и/или погонщиков вьючных животных, а также, естественно, многочисленной вооруженной охраны, отправиться к Янтарному морю, в страну электраглеза «Готискандзу». Ушлые, дошлые и хитрые купцы предпочитали помалкивать о путях в земли, от торговли с которыми получали доходы. Или распространять о них зловеще-фантастические слухи для отпугивания конкурентов. Но теперь «Глава мира», «Вечный Город» на Тибре благодаря этой счастливой случайности получил, наконец,

достоверные сведения «из первых рук», не укрывшиеся и от внимания усердного и любознательного Плиния, привыкшего все тщательно записывать.

Второе античное свидетельство наличия прямых контактов между устьем Вистулы и римской Италией примерно на полтысячелетия младше, т.е. ближе к нам по временной оси (Теодор Моммзен датирует его периодом 523–525 г. п. Р.Х.). Этот документ также касается торговли янтарем, что вообще-то удивительно. Оказывается, что и в беспокойной, мало изученной по сей день позднеантичной Центральной Европе, сотрясаемой пограничными сражениями и нашествиями «варварских» народов, по-прежнему исправно (и, должно быть, без особых перебоев) функционировал древний сухопутный торговый маршрут – «Янтарный путь» между Прибалтикой и Адриатикой. Даже после того, как его перестала охранять состоявшая из ираноязычных наемных сарматов римская конная стража – Сарматская ала.

Знатный римлянин Кассиодор (полное имя: Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор), магистр оффиций (премьер-министр), секретарь тайной канцелярии (канцлер, хранитель печати) готского правителя Италии (удостоенного звания римского консула и сенатора) Флавия Теодориха (Теодериха, Феодориха, Феодорика, от готского Тиудереикс, Тиудиреикс, Тиодрик, т.е. «царь народа») Великого из рода Амалов, префект претория (глава гражданского управления) Италии и прочая и прочая и прочая, не только был образованным человеком, но и думал (что тогда еще случалось крайне редко) об ученых, которые придут ему на смену. За свою долгую жизнь (490–583 п. Р.Х.) он доказал свою большую мудрость, между прочим, тем, что завершил весьма активную раннюю фазу своей жизни второй, созерцательной, фазой. В 540 г. Кассиодор уединился в кафолическом (православном) монастыре под названием Виварий, расположенном в южноиталийской области Калабрия. В этом монастыре, основанном им несколькими годами ранее, Кассиодор, не приняв монашеского пострига, посвятил себя научным занятиям. Нам еще не раз придется обращаться к написанной им «Истории готов» (основному источнику труда Иордана и первой истории «варварского» народа, написанной римлянином, именно с целью включить историю готов во всемирный процесс). Но в данном случае речь идет о т.н. «Вариях» – сборнике самых разных документов, включая важнейшие письма, адресованные Кассиодором в основном своему господину и повелителю. В «Вариях» содержится и текст письма царя осевших в римской Италии восточных готов (остготов) Теодориха далеким эстиям – обитателям устья (дельты) реки Вистулы, жившим в конечной точке ведущего по ее течению торгового пути к Янтарному (у Тацита – Свевскому) морю, написанного между 533 и 526 г.

В этом письме царь италийских остготов и одновременно – римский сенатор – Флавий Теодорих, если верить Кассиодору, благодарил эстиев за ценные подарки, присланные в древний венецкий город Равенну к его царскому двору, и среди них – за янтарь, дар моря, сверкающий волшебным блеском, чье происхождение неизвестно. Цитируем:

«Приятно нам знать, что вы услышали о нашей славе и отправили послов, которые пробрались через множество диких народов, чтобы искать нашей дружбы. Мы получили янтарь, который вы послали нам. Вы говорите, что собираете это самое легкое из всех веществ у берегов океана, но как он прибывает туда, вы не знаете. Но, как автор по имени Корнелий (т.е. римский историк Тацит – В.А.) сообщает нам, он собран на самых удаленных островах океана, будучи образован первоначально из сока дерева (откуда его название «сукцидум»), и постепенно укрепляется высокой температурой солнца (т.е. медленно затвердевает на солнце – В.А.). Таким образом, это становится источаемым металлом, с прозрачной мягкостью, иногда краснеющим цветом шафрана, иногда пылающим с подобной пламени яркостью. Затем, скользя вниз к краю моря, и далее очищенный вращением волн, он долго плывёт к вашим берегам и выбрасывается на них».

Может показаться странным, что остготский царь из италийской Равенны (где своего янтаря никогда не бывало), поучает обитателей давно покинутого готами (по крайней мере,

в большинстве своем) Янтарного берега, эстиев, о происхождении янтаря (видимо, полагая, вслед за Тацитом, что им самим оно неизвестно). Но суть не в этом. Совершенно очевидно, что Кассиодор изначально рассматривал «письма», собранные в «Вариях», как исторические свидетельства своей эпохи. Ибо его «письма» часто содержат сведения, которых получатели этих «писем» явно не могли не знать. Следовательно, Кассиодор не столько записывал их тексты для современников, сколько сохранял их для потомков. Правда, в письме далеким эстиям царь италийских готов и римский консул Теодорих, по Кассиодору, счел необходимым сделать специальную оговорку:

«Мы подумали, что лучше будет рассказать вам об этом, чтобы вы не предполагали, будто ваши предполагаемые тайны (тайна янтаря – В.А.) избежали нашего знания...»

И призвал эстиев чаще посещать его «на путях, открытых их любовью», ибо обретенная дружба богатых царей всегда полезна. Ведь эти цари, обрадованные маленьким подарком, всегда стремятся дать взамен гораздо больший.

«Мы посылаем вам подарки с нашими послами и будем рады вашим дальнейшим посещениям тем же путем, что вы открыли, и окажем вам в будущем милость».

Приведенное нами первое сообщение о Янтарном берегу носит случайный характер, как следствие безумной прихоти римского императора Нерона, сохранившееся благодаря страсти Плиния к собиранию всяческих сведений об окружающем мире. А вот второе – официальное письмо, исходящее из государственной канцелярии столицы италийских готов Равенны. Так сказать, документальное историкоэкономическое свидетельство...

Еще в самом начале христианской эры, после двух тысяч лет господства на рынках предметов роскоши североморского янтаря, в поле зрения средиземноморских торговцев (шедших по стопам своих финикийских, карфагенских и этрусских предшественников) попали гораздо более богатые залежи янтаря на южном побережье Балтийского моря. При римском императоре начала III в. п. Р.Х. Марке Аврелии Антонине Гелиогабале (Элагабале, Элиогабале) ввоз «солнечного камня» в Римскую империю сократился. Причем сократился так резко, что причины следует искать не столько в изменении вкусовых предпочтений римских любителей (и любителей) роскоши (главным из которых был сам Гелиогабал), сколько, прежде всего, в чем-то другом. А именно – в изменении ситуации на торговом «Янтарном пути», в первую очередь – в его средней и северной части.

По мнению большинства современных историков, сообщение Плиния касается времени первого переселения готов из «Скатиनावии» в дельту Вистулы. Эта миграция в «Готискндзу» произошла не ранее 100 г. д.Р.Х. и не позднее 100 г. п. Р.Х. Свидетельство Кассиодора приходится на «золотую пору» готской истории. Прибывший некогда со «Скандзы» на немногих кораблях, спасаясь от жестокой нужды, готский народ – Гогтиуда, дойдя до далекой Италии, создал, при Теодорихе Великом, сильнейшую державу Запада. И доказал, в лице этого выдающегося деятеля позднеантичной истории, что готы – уже не «грубые варвары», но достойные наследники римской, а если быть точнее, то и всей древней, высокой средиземноморской культуры.

Но и в рамках этого пятисотлетнего периода янтарь, как своеобразный «ископаемый маяк», помогает «пролить свет» на темные периоды готской истории, сообщая необходимую нам информацию о готах. Так, например, известно, что примерно к 100 г. п. Р.Х., как свидетельствуют находки древних монет (или их отсутствие), торговля между «Янтарным берегом» и средиземноморскими землями пришла в упадок. В Прибалтике было найдено много тысяч римских, греческих, византийских, а впоследствии – также арабских монет. Поскольку все эти монеты поддаются датировке, то с большой степенью точности свидетельствуют о состоянии торговли столь давних времен, что о ней у нас не имеется иных свидетельств. Они дают нам представление об удивительно тесных связях между Янтарным побережьем, Адриатикой, Евксинским понтом и Восточным Средиземноморьем. Об активно используемом «торговом

мосте» через области, о которых, скажем, историки Германского Второго рейха времен Гогенцоллернов утверждали, что их цивилизовали только немцы.

Между 196 г., последним годом «нормальной частоты» находок ископаемых монет, и 220 г. – годом кризиса Римской империи в правление погрязшего в грязи, крови и роскоши распутного Гелиогабала, на пребывавших ранее в состоянии относительного спокойствия территориях между Вистулой, Карпатами (Сарматскими, или Венедскими, горами) и Евксинским понтом (современным Черным морем) появилась новая, воинственная и весьма динамичная сила. Первоначально эта новая сила действовала в качестве противовеса римлянам, стремившимся расширить сферу своего влияния за Данубий, вплоть до упомянутого выше Бойугейма, Бойгема или Богейма (современной Чехии-Богемии, названной так по своим автохтонам – кельтскому племени бойев).

Вероятно, она сыграла определенную роль в переселении германских племен (известных впоследствии как аламанны, или аллеманы) из района севернее нынешних Судет и Рудных гор на Запад. А возможно, способствовала и волнениям, охватившим в период 214– 218 гг. даков (народ гето-фракийского либо же иранского происхождения) и причинившим немало хлопот римскому императору Антонину Каракалле. Этой не поддающейся ныне точной идентификации силой, скорее всего, были готы. Ибо они как раз в период 220–230 гг., покинув дельту Вистулы, завоевали себе очередную «новую родину». Эта третья (после «Скандзы» и «Готискандзы») страна пребывания готских мигрантов («Ойум» или «Ауйом», о котором еще пойдет речь далее) располагалась на территории нынешней Южной России, в Северном Причерноморье (Припонтиде).

На первый взгляд, эти беспокойные, неутомные, неутомимые готы были народом непосед. Однако, при ближайшем рассмотрении, они оказываются народом, которому потребовалось двести-триста лет на преодоление «дальней дистанции» от теперешней Южной Швеции до Черного моря. Причем не настоящим кочевым народом, вечно пребывающим в пути. А народом, ставшим номадом поневоле и стремящимся к оседлости (но только в подходящем месте). И, судя по всему, прошедшим путь от «Скандзы» до Понта Евксинского не разом, а в три или даже в четыре этапа, с довольно продолжительными промежуточными остановками (или, как говорили наши предки, «поприщами»).

Первым «поприщем» был Янтарный берег. Именно там готы впервые вступили на европейский материк. Возможно это произошло на месте нынешнего польского порта Гдыни. О чем говорит его немецкое название Готенгафен (Готенхафен, Готенгавен), т.е. «Готская гавань». Готы высадились там, чтобы сражаться. Сражаться до победы. А, победив, остаться на какое-то время на завоеванной территории. Иначе им пришлось бы сражаться непрерывно – или возвратиться восвояси.

Следующим «поприщем» стали, видимо, земли, расположенные в более удаленной от Янтарного берега материковой зоне. Скорее на правом, чем на левом берегу Вистулы. Там, близ реки, близ моря, готы, готовые принять последующие волны переселенцев со «Скандзы», поддерживающие связи между «Готискандзой» и своей старой «скатинавской» родиной, пережили первую фазу консолидации и выживания. Возможно, в этой фазе готы нуждались в передышке, чтобы вновь собраться с силами. После жестоких схваток с соседями. Вытесненными готами из центров торговли янтарем и отброшенными от побережья вглубь материка.

В период между 150 и 200 г. п. Р.Х. готами снова овладел дух дальних странствий. Судя по всему, начался масштабный, хотя и очень медленный, процесс постепенного отделения и отселения отдельных готских племенных групп, приведшего вначале к незначительным, а затем – к все более серьезным волнениям в дельте Вистулы. «Птолемей размещает континентальных готов/гутонов на правом берегу Вислы, в пределах Европейской Сарматии, что отражает, по всей видимости, начавшийся процесс их передвижения на юго-восток» (Максим Жих.

«Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и племени (gens) Spali»).

Свидетельства этого процесса имеют главным образом археологический характер. И, к сожалению, не могут расцениваться как неоспоримые. Вследствие двух факторов. Во-первых – торговли, способствовавшей переходу тех или иных изделий от одной народности к другой. И, во вторых – этнических миграций, приводивших к соседству не только живых, но и мертвых представителей разных народностей (вплоть до возникновения смешанных захоронений»). Эти два фактора поставили под вопрос однозначность атрибуции этнической принадлежности погребальной утвари, характерную для погребений более спокойных эпох. Характеризующихся куда меньшей мобильностью племен и народов.

После победы сил антигитлеровской коалиции над гитлеровской Германией в ходе Второй мировой войны польские археологи занялись изучением найденного при раскопках древних захоронений между современными Варшавой и Сандомиром. Родство и сходство этих археологических находок, свойственные им общие черты, установленные аналогии, позволили классифицировать их с большей или меньшей степенью точности. И отнести их к нескольким, достаточно расплывчато очерченным, группам. Например, к доримской пшеворской культуре железного века. Локализованной на территории Южной и Центральной Польши и характеризующейся сходством захоронений, погребальной утвари, керамики и т.д. Область распространения пшеворской археологической культуры, согласно древнеримским источникам, населяли упомянутые выше лугии. Польские ученые ассоциируют ее с венедской и считают праславянской. А почти все немецкие ученые – германской. Хотя при этом и расходятся во мнении, какие именно германцы были, по преимуществу, ее носителями – готы, вандалы, силинги (которых иные историки, впрочем, считают частью вандалов) или же более мелкие германские племена гарниев, гелизиев, манимов и наганарвалов.

Еще теснее была связана с готами, судя по всему, т.н. мазовецкая группа (названная так по месту соответствующих археологических находок, сделанных на территории современной польской области Мазовии). Даже наиболее скептически настроенный на этот счет Рольф Гахман писал: «Кроме того, может считаться чрезвычайно вероятным – практически несомненным – что материковые готы идентичны мазовецкой группе... Карты распространения мазовецкой группы, заселения Вестергётланда (Южной Швеции), а также (острова – В.А.) Готланда... свидетельствуют о росте числа поселений и расширении заселенного пространства в Скандинавии, равно как и об уплотнении зоны поселений в Мазовии и Мазурах. В культурном отношении между всеми названными областями существуют черты большего или меньшего сходства, наряду с многочисленными различиями... Мазовецкая группа, несомненно, имеет более тесные культурные связи с юго-западом и югом, т.е. с зоной прочих групп пшеворской культуры, чем с Севером».

С ростом числа поселений дело обстоит следующим образом. Если народ плодится и размножается, или же если его численность возрастает вследствие притока новых мигрантов, то растет и число свидетельств существовавших в прошлом поселений этого народа. Если численность готского населения на территории нынешней Южной Швеции возросла настолько, что стало необходимым его разделение с целью частичного переселения, это должно было проявиться как в числе и плотности мест прежних поселений, так и в увеличении числа остатков новых поселений в местах переселения.

А поскольку народы даже в процессе миграции склонны придерживаться своих исконных традиций, артефакты, найденные на протяжении всего миграционного пути должны отличаться определенными чертами сходства. Хотя и смешанными с чужеродными элементами. Характерными для покоряемого или ассимилируемого готскими переселенцами автохтонного населения осваиваемых готами новых областей. Все это, конечно, очень сложно. Но вместе с тем и очень интересно. В данном вопросе исследователи должны стремиться быть предельно

точными и проявлять немалое усердие. Чего требует сам уровень поставленной задачи. Чтобы точно проследить за увеличением числа мест поселений, необходимо изучить их в очень большом количестве. Мало того! Исследователям необходимо быть совершенно уверенными в том, что они полностью исследовали сравниваемые ими территории. Поневоле задаешься следующим вопросом. Известно ли уважаемым археологам, усердно занимающимися раскопками готских (и не только готских) древностей на острове Готланд, в Южной Швеции, Мазурах, Мазовии и в дельте Вислы, пробиваясь сквозь местами твердый, а местами – мягкий грунт, изречение Иоганна Готфрида Гердера. Человека, родившегося, между прочим, в восточно-прусском Морунгене, в тех самых местах, где до него, когда-то, жили готы, прибывшие на материк из «Скатиавии» :

«Не по поверхности твоей земли ты ходишь, бедный человек, но по крыше дома твоего, который лишь вследствие наводнений смог стать тем, что он есть сегодня».

## Через сухопутный океан

В 1827 г., в правление императора и самодержца всероссийского Николая I Незабвенного, житель крымского города Симферополя остановил свой экипаж рядом с запряженной волами повозкой, нагруженной странными плоскими камнями. На поверхности этих каменных плит были довольно ясно различимы рисунки или рельефы. За пару копеек возчик уступил ему две самые красивые плиты. На одной из них красовалось рельефное изображение всадника. На другой – несколько строчек надписи на греческом языке.

Вскоре этот житель Симферополя, человек образованный и любознательный, живо интересующийся историей губернского города, в котором жил, рассказал о своем случайном приобретении археологу Ивану Павловичу Бларамбергу. Бларамберг был директором Одесского музея и Керченского музея древностей. Симферополь (греч. «город общего блага»), всего несколькими десятилетиями ранее именовавшийся Ак-Мечетью (от крымско-татарского Акъ-мечдит, т.е. «Белая мечеть») был сравнительно недавно, в 1784 г., присоединен к Российской империи. Поэтому у Бларамберга еще «руки не дошли» до изучения руин многократно разрушавшегося и снова восстанавливавшегося города. Но, рассмотрев найденные в развалинах древнего городища плиты с всадником и греческой надписью, он распорядился провести пробные раскопки в руинах под Симферополем, близ деревушки Керменчик, на невысоком платообразном возвышении под звучным названием «Петровские скалы» (еще не зная, что там в античную эпоху располагался Неаполь Скифский – столица Скифского царства в Тавриде). В ходе раскопок Бларамберг, наряду с большим количеством греческих надписей, нашел обломки известнякового рельефа, изображавшего парный портрет зрелого мужа и юноши. Бларамберг сразу узнал этого зрелого мужа, чей профиль был знаком ему по многочисленным древним монетам. Это был ни кто иной, как царь скифов Скилур, известный всем нумизматам по ценным бронзовым монетам, отчеканенным в причерноморской греческой колонии Ольвии (вероятно, зависимой от скифского царя). В 130–114/13 гг. до Р.Х. царь Тавроскифии Скилур (известный нам из сочинений античных ученых Плутарха, Страбона и археологических раскопок), правил обширными территориями от северного побережья Евксинского понта с Таврическим полуостровом до устья Борисфена-Данапр(ис)а-Днепра. А юноша, изображенный рядом с ним на мраморной плите, мог быть Палаком, одним из сыновей скифского царя, столь же отважным воином, что и его отец. Палаку было суждено стать преемником Скилура, воевать с греческой колонией Херсон(ес)ом Таврическим (Корсунью древнерусских летописей – местом крещения в православную веру киевского князя Владимира Святославича, традиционно считающегося потомком норманна Рюрика, но, вероятнее всего, происходившего как по отцовской, так и по материнской линии из готского царского рода Амалов, о чем будет подробно рассказано далее) и погибнуть в войне с Митридатом VI Евпатором. Могущественным властелином эллинистического Понтийского царства и многолетним соперником Рима. Возводившим свое происхождение к древним персидским «царям царей» из рода Ахеменидов и одновременно – к великому завоевателю Александру Македонскому, потомку героя Троянской войны Ахилл(ес)а (почитаемого как Понтарх – покровитель пловцов по Евксинскому понту и Меотийскому озеру, именуемому ныне Азовским морем), сменившему Ахеменидов на престоле царей древней Персии и всей Азии.

Цари скифов Скилур и Палак правили в том самом Северном Причерноморье (позднейшей Новороссии), о котором готские мигранты еще не знали, как о конечной цели их переселения. Скифы, эллинистическое Боспорское царство, господствовавшее над Креченским прорливом (именуемым в пору античности Боспором Киммерийским, в отличие от другого, Фракийского, Боспора, или же Босфора, на берегах которого располагался порт Византий, ставший со временем второй столицей Римской «мировой» империи – Константинополем)

и древнегреческие колонии в Тавриде время от времени воевали между собой, с местными «немирными туземцами» (таврами, синдами, меотийцами-меотами и прочими), понтийцами, римлянами и их союзниками. Но эти ставшие привычными вооруженные конфликты, периодически вспыхивавшие между народами античного мира, жившими вокруг Понта Евксинского и успевшими хорошо узнать и изучить друг друга, были, в определенном смысле, «семейными дрязгами» или «разборками» (говоря современным языком). Между тем готы, которые с неодолимой силой будут сметать все на своем пути, уже высадились на южный берег Янтарного моря...

Перед ними простиралась бесконечная равнина, которую им предстояло пройти с боями. Она простиралась от Свевского моря до Кавказских гор. Много позже изумленные арабские «земли разведчики» назвали эту бескрайнюю равнину «скифским сухопутным океаном». Эта земля казалась бесконечной и безбрежной, как Мировой океан. Беспредельно обширная страна без естественных препятствий. «Великая Скифия». Или «Великая Скифь (Скуфь)» (как писал автор «Повести временных лет»). Равнина без конца и края, без гор. И только протекающие по ней великие реки, плавно несущие свои воды, указывали землепроходцам направления. На север, к Венедскому заливу и к Сарматскому океану. На юг – к Евксинскому понту и Гирканскому (ныне – Каспийскому) морю. Водораздел же, проходящий по равнине в районе сегодняшнего Смоленска, был почти не заметен.

За то время, пока готы, постепенно удаляясь от Янтарного берега, перешли через Вистулу-Вислу, чтобы временно осесть на территории сегодняшней Мазовии и Мазур, прежде чем, наконец, двинуться дальше, через «сухопутный океан», на далекий юг, успели смениться пять-шесть поколений. На протяжении этого долгого периода греки, а затем и скифы у Понта Евксинского укрепляли свои города.

Советские археологи нашли, раскопали и измерили остатки этих причерноморских укреплений. В том числе и крупнейшего из них (площадью более двадцати гектаров), раскопки которого были начаты И.П. Блаرامбергом. Они состоят из больших, необтесанных камней. Эти стены можно было бы назвать циклопическими. Если бы камни в них не скреплялись глиняным раствором. Правда, раствор на протяжении долгих столетий отвалился. Каменные глыбы лежат на поверхности, открытые всеми ветрам. И не только ветрам. Но и всем желающим прихватить камушек или пару древних «камушков» на память. Немало пригородных домов столицы Крыма – города Симферополя – в районе Петровских высот выстроено из скифских камней. Камней, выломанных из стен последней столицы Скифского царства. Твердыни, именуемой, как и известный итальянский порт близ вулкана Везувий, Неаполем. Что означает по-гречески «новый город». Или, по-нашему, по-русски – «Новгород». Где находилась прежняя столица скифов – «Старый город», «Старгород» – доселе неизвестно...

До того, как жители Симферополя принялись «добывать камень» для строительства своих домов из развалин Неаполя Скифского, на территории городища, судя по старинным гравюрам, еще долго сохранялось немало больших капитальных сооружений.

Царь скифов Скилур и сын Скилура Палак выстроили вокруг первой, древней крепостной стены Неаполя вторую, дополнительную полосу укреплений. Поначалу она была предназначена для защиты города от боспорцев и понтийцев с их союзниками. Но со временем пригодилась тавроскифам также против вновь и вновь накатывавших на Тавриду с Востока по бескрайней равнине волн сарматских кочевников. Нашествие этих западных сарматов на Тавроскифию совпало по времени с нашествием их родичей, восточных сарматов (саков, или, по-китайски, юэчжей) на выродившихся греко-бактрийских потомков некогда непобедимых «среброшитых» фалангистов и неукротимых пельтастов Александра Македонского на другом краю Евразийского континента.

Тавроскифский царь Палак сумел использовать первых сарматских пришельцев в своих интересах. Они стали наемниками сына Скилура в войне с Митридатом VI Понтийским.

Желавшим, казалось, взять реванш за поражения, нанесенные его предкам Ахеменидам Киру II Великому (разбитому и убитому азиатскими скифами-массагетами в 539 г. до Р.Х.) и Дарию I Великому (разбитому и едва не убитому европейскими скифами-сколотами в 514 г. до Р.Х.). Однако вскоре воинственные сарматы стали представлять угрозу не только для понтийских войск, но и для скифских городов Тавриды.

При первом взгляде на географическую карту создается впечатление, что ни один, даже самый что ни на есть талантливый, правитель не имел ни малейших шансов устоять на этом, так сказать, передовом посту средиземноморской культуры. Удержать этот краеугольный камень античного мира в окружении бурного, вечно волнующегося, безбрежного моря враждебных племен и народов. Успешно сопротивляться на нем в течение хоть какого-то времени. В своей «Истории упадка и крушения Римской империи» Эдуард Гиббон писал: «Римляне не имели ясного понятия ни о том, как была велика угрожавшая им опасность, ни о том, как было велико число их врагов». Тем не менее римские Малую Азию, Македонию, Паннонию, Далмацию, Ахайю, Фракию, Мёзию защищали горы и бастионы союзников Римской империи. К югу от Тираса-Днестра, имея за спиной Карпаты, даки могли успешно защищать римские провинции, расположенные на нынешнем Балканском полуострове. Кавказские же горы и непроходимые полупустыни Малоазиатского нагорья, непригодные для жизни человека, вообще были непреодолимым защитным поясом, вполне заменявшим и экономившим римским императорам множество воинов.

В отличие от римлян, скифы Тавриды находились в куда менее выгодном положении. Сумев покорить несколько древних греческих городов, господствуя над золотистыми от спелости щедрыми хлебными полями Припонтиды, они были вынуждены вести войну на два фронта. На первом, южном, фронте, тавроскифы сражались с войсками Боспорского и Понтийского царств, которым в скором времени пришел на смену новый, еще более опасный, враг – римские легионы. На втором, восточном, фронте – с воинственными, жадными до грабежа сарматами. Но стоило возникнуть третьему, северному, фронту, стоило явиться с Севера, с казавшейся столь мирной бескрайней равнины со спокойно текущими реками, еще одному противнику – и тавроскифам пришел бы конец. О чем скифы, похоже, не догадывались...

Ученые по сей день теряются в догадках, как готы нашли в себе силы, проделать столь долгий путь столь широким фронтом. Из нескольких готских родов, якобы уместившихся всего на трех кораблях и втиснувшихся среди первоначальников Янтарного берега, так сказать, «растолкав их локтями», в период пребывания на территории современной Мазовии сформировался целый готский народ. Из племен, неуверенно и робко, мелкими шагами (если не сказать – шажками) удаляющихся от побережья к Вискле-Вистуле, затем переходящих Вистулу и медленно осваивающих заречные земли – из этих племен некий готский царь выковал стойкое ко всем невзгодам, крепкое боевое содружество. Приобрел союзников и указал сплоченному им племенному союзу направление дальнейшего движения. Путь, от которого готы уже не отклонялись. Путь, которым они следовали неуклонно, с поразительной для нас, сегодняшних, уверенностью, что он их непременно приведет их к некоей желанной цели. Ибо между готскими захоронениями в дельте Висклы и Евксинским понтом до сих пор не найдено следов того, что готские скитальцы останавливались, так сказать, передохнуть с дороги. Свидетельств готских продолжительных стоянок, «поприщ». Готы безостановочно мигрировали в южном направлении. Не поддаваясь искушению остаться или хотя бы задержаться на плодородных землях в течение Данапра. Невзирая на то, что там было много свободного места, и царил мир. Готам удалось преодолеть вставшие на их пути бескрайние болота, именуемые сегодня Припятскими, Пинскими или Полесскими. Хотя даже много веков спустя, командование германского вермахта (чьих военнослужащих в июне 1941 г. Патриарший местоблюститель Русской – или, если быть точнее, то тогда еще Российской – Православной Церкви митрополит Сергей Страгородский, кстати говоря, назвал в своем послании «безбожными готами»), при разработке опера-

ции «Барбаросса» вынуждено было учитывать Припятские болота как непреодолимую естественную преграду. Так что в результате группе армий «Центр» пришлось вести наступление севернее, в группе армий «Юг» – южнее Припятских болот.

А вот древние готы, в отличие от своих отдаленных потомков, прошли, хотя наверняка с огромными трудностями, почти непроходимой болотистой местностью между Данапром и Гипанисом (нынешней Кубанью). У готов ведь наверняка были свои «земли разведчики», лазутчики. Благодаря добытым ими сведениям, готы, видимо, знали, куда направлять свой путь дальше, сквозь болотные трясины и дремучие леса. Ибо, преодолев болотные трясины, готы отклонились в сторону от прежнего маршрута, и по течению Данапра-Борисфена, «великой и славной» (говоря языком Иордана) реки, столь судьбоносной для России, двинулись на юг, к теплому Гостеприимному морю. Так что – повторяем! – шли они отнюдь не «на авось».

Полтысячелетия спустя, отдаленные родственники готов, скандинавы-норманны (они же – варяги) обосновались на том же Данапре-Днепре, основав на его берегах державу потомков Рюрика (Рорика) Ютландского (Зеландского, Фрисландского) из Хедебю-Хайтабу – Киевскую Русь. Видимо, не случайно, ни кто иной, как товарищ Карл Маркс писал о времени первых Рюриковичей, как о «готическом периоде» в истории России.

Процитируем для вящей убедительности соответствующий отрывок из известной работы основоположника марксизма «Разоблачение дипломатической истории XIII века»: «... политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России. То была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу. Готический (у Маркса *gotisch*, т.е. буквально «готский» – В.А.) период истории России составляет, в частности, лишь одну из глав норманнских завоеваний < ... > В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы».

Подчеркнем еще раз: в оригинальном немецком тексте Маркса употреблено прилагательное *gotisch*, «готиш», т.е. «готский». Но дело не в этом. А в том, что держава Рюриковичей была отнюдь не первым государством на русской земле. Ибо у готов уже давно существовали свои государи. А раз у них были государи, то, соответственно, было и «государство» – царская власть. Так хорошо организовавшая и сплотившая их, что готы пронесли свое единство через все трудности долгого миграционного пути, сопровождавшегося периодическими боевыми действиями. Власть, оказавшаяся достаточно гибкой и стабильной даже в период резкой перемены обстоятельств, при миграции готов через чужие земли, в непривычных условиях. И вполне приемлемой для иноплеменников, присоединявшихся к странствующему готскому племенному союзу. Под предводительством своих царей готы, «обрастая» по дороге примыкавшими к ним все новыми союзниками, продвигались по достаточно мало заселенной тогда Восточноевропейской равнине, через земли теперешней Южной России, к Евксинскому понту. Как если бы их спасение было неразрывно связано с югом. Как если бы плодородное Черноземье сегодняшней Украины не способно было дать достаточно пищи им самим и корма – их скоту.

Но, возможно, готам хотелось чего-то большего? Может быть, они были не только «народом без пространства» (говоря словами Ганса Гримма о немцах между двумя мировыми войнами), но и народом, стремившимся к завоеваниям, захвату добычи и проживанию во взятых с бою землях и жилищах? Конечно, готы в начальный период своей истории поживились за счет торговли янтарем. Но кое-как обогатиться смогли, скорее всего, лишь князья, верхушка родоплеменной знати (т.н. эрилы, аналогичные скандинавским ярлам). Да и то, пока им удавалось сохранять свои позиции на Вистуле под натиском туземцев и новых пришельцев. Теперь же готы стали многочисленным народом. Широким фронтом продвигались мигрирующие германские племена (с разного рода негерманскими «вкраплениями») по «Великой Скифии» на юг, подгоняемые надеждами и ожиданиями. Алчные, нетерпеливые и беспокойные. Чувствуя,

как климат становится все мягче, воздух – все теплее, а небеса – все голубее. И предвкушая близость лежащих на юге богатых городов.

При мысли об «Анабасисе», о походе десяти тысяч греческих «солдат удачи» Ксенофонта, или о стенах древнеегипетского храма, сохранивших для нас иероглифическую повесть о плавании моряков могущественной фараонши Хатшепсут, о подробных описаниях завоеваний Александра Македонского и даже весьма скупых сообщениях о непродолжительных и безуспешных предприятиях, вроде бесславной экспедиции римского префекта Элия Галла из Египта в Счастливую Аравию, можно только посетовать на судьбу. Почему, в самом деле, нам так мало известно о беспримерном и столь длительном походе готов «со товарищи»? Конечно же, пройти от Македонии до Индии – это, по понятиям IV в. до Р.Х., все равно, что пройти весь мир. Или, точнее говоря, пройти из одного мира в другой, совсем неизвестный, неведомый. Готы же прошли от Вистулы до Борисфена давно известными торговыми путями по равнине, где им не угрожали ни засады злокозненных горцев, ни боевые слоны индийских царей. И все же, все же, все же... Этот готский исход, это неожиданное, труднообъяснимое переселение целого племенного союза представляется не просто историческим событием, но поистине исторической сенсацией. Именно с него начался переход восточных (а затем – и не только восточных) германцев со своей родины на Янтарном побережье в культурное пространство Средиземноморья. Этот исход многочисленных союзников и их поход по Восточной Европе в южном направлении, до мест обитания понтийских греков, привел в движение народы. Он положил конец «римскому миру». «Пакс романа» – продолжительному периоду существования античных народов под верховной властью Рима, относительно мирному (по меньшей мере – для северо-востока Римской «мировой» империи). Именно готский исход по праву следует рассматривать как первый толчок, давший начало Великому переселению народов. В своей предыдущей книге, посвященной азиатским кочевникам-гуннам, автор этих строк выдвигал иную точку зрения. А именно – считал началом Великого переселения народов нашествие на Европу гуннов. Однако у автора было время переосмыслить свою прежнюю точку зрения и пересмотреть ее. Гунны появились на границах греко-римской Экумены лишь через сто пятьдесят лет после готов, когда все уже было в движении. Когда римские границы были давно уже прорваны «варварами» во многих местах. Гуннское вторжение явилось апогеем, т.е. наивысшей точкой, Великого переселения народов, но данный факт свидетельствует, что это переселение началось до их прихода. И все же многие историки (как до недавних пор – и Ваш покорный слуга) никак не могут вырваться из пут старых, устоявшихся клише, согласно которым именно гунны привели в движение варварские народы.

Как бы то ни было, у длительного похода готов и союзных им германцев по недружественной территории, к сожалению, не нашлось своего Ксенофонта. Однако же малоизвестный историограф по имени Аблабий (или, на «вульгарной», простонародной, латыни, Аблавий – именно так его именуется в своей «Гетике» не слишком образованный Иордан) через много десятилетий после готского «Великого исхода» написал-таки сочинение о готах. От него сохранились фрагменты, повествующие о переселении готов из Скандинавии, заселении ими Скифии у Евксинского понта, но, самое главное – описание отдельных германских племен, входивших в готский племенной союз. Аблабий, вероятно, сам – не гот по происхождению (хотя, возможно, в жилах его отца или матери текла готская кровь), жил в период 330–490 гг. п. Р.Х. Точные годы его жизни нам не известны. Аблабия довольно часто цитирует в своих трудах упомянутый выше Кассиодор, магистр оффиций Теодориха Остготского. Но и фрагменты сочинений самого Кассиодора известны нам лишь через Иордана – того романизированного гота (или готоалана), чье компилятивное историческое сочинение «Гетика» заменяет нам, в какой-то мере утраченные труды Аблабия и Кассиодора. Но и это мы должны считать большой удачей. Иордан, чьи небрежность, сумбурность изложения, необразованность, пристрастность, стиль так часто были (и остаются) объектами критики позднейшим историками, несмотря на все эти

недостатки, для нас поистине бесценен. Наряду с Плинием, он служит доказательством того, что мир часто мало что знал бы о великих авторах античности, если бы каждый из них не был окружен толпой усердных дилетантов, плагиаторов и копиистов. Не зря в Средние века писателей на Руси именовали «писателями» ...

Если наши сведения «из третьих рук» верны, то и Аблабий описал великий поход готов от Янтарного берега до Тавриды очень лаконично, без особенных подробностей. Если бы он пользовался готскими героическими песнями (как полагал Теодор Моммзен), то, несомненно, украсил свое сочинение о столь выдающемся событии готской истории большим числом подробностей. Ибо героические песни и сказания (см. хотя бы богатое собрание северогерманской эддической и скальдической поэзии, сохранившееся в Исландии, на крайнем Севере германского мира) содержат не только строфы и рифмы (у древних германцев – аллитерационные), но также имена, географические названия, топонимы, и описания исторических событий, пусть даже в художественно преображенной форме, причем зачастую – с поразительно высокой степенью точности и полноты.

Немецкий историк Людвиг Шмидт, опираясь на несколько отдельных античных свидетельств и используя свой большой запас общих знаний о германских народах, реконструировал следующую картину переселения готов в Северное Причерноморье:

В не поддающийся точному определению момент времени (но, несомненно, во II в. п. Р.Х.) неусидчивыми готами в очередной раз овладела тяга к перемене мест. Они вновь пришли в движение. «Усилившись и, возможно, став особенно воинственными благодаря возглавившему их молодому, энергичному предводителю, готы привлекли в свои ряды, в качестве союзников, покоренные ими соседние племена. Вандалов, чьи поселения располагались в (позднейшем) округе Нейденбург, т.е. в Восточной Пруссии, не слишком далеко от города Кенигсберга. И бургундов, живших в излучине Вислы и в районе Нетце» (Герман Шрайбер). «Так они (готы) положили начало великим передвижениям народов, первым последствием которых стала Маркоманская война в правление (римского императора-философа – В.А.) Марка Аврелия» (Людвиг Шмидт).

«Точно не известно, но вполне возможно, что готы совершили аналогичный (броску маркоманов на Юг при августе Марке Аврелии Антонине – В.А.) бросок на Восток, через Пассарге в восточнопрусскую Самбию; это стало бы убедительным объяснением сходства артефактов времен Римской империи, найденных археологами между Самбией и устьем Вислы» (Шрайбер).

Так или иначе, на определенном историческом этапе на Янтарном берегу возник очередной союз германцев. Как и ранее – скажем, при Арминии и Марободе – германцы, достигнув единства, почувствовали себя способными вершить великие дела. Снявшись с насиженных мест, они двинулись в путь. Эстии, первоначальники дельты Вистулы, поднаторевшие в торговле янтарем, к ним не присоединились. Этот своеобразный народ, явно не родственник германцам, к моменту переселения готов из Скандинавии жил на Янтарном берегу и на берегу отделенной от моря узкой песчаной косой прибрежной лагуны, известной у немцев под названием Фриш-Гаф (а у нас – под названием Балтийской или Вислинской косы). Жил там, возможно, уже два тысячелетия. Этот осколок балтской языковой семьи, отличавшийся уникальной для Европы, поистине «египетской» оседлостью, видимо, обладал выдающимися бойцовскими качествами. Позволявшими ему стойко отражать попытки пришельцев извне подчинить или изгнать его с насиженных мест. К тому же, вероятно, эстии, закрепившиеся в просторной, удобной к защите, дельте Вистулы, было не так уж легко уязвимы. Поэтому готы, видимо, и решили обойтись без помощи этих строптивых иноплеменников, из которых вряд ли получились бы надежные союзники. Лишь через тысячу лет отдаленные потомки готов и других германцев – рыцари военно-монашеского Тевтонского (Немецкого) ордена – серьезно занялись подчинением потомков эстиев, именуемых в средневековых летописях пруссами. И

после долгих войн все-таки обратили – прямо скажем, суровыми мерами, этих своенравных и упорно защищавших свою независимость героев в христианство. Не «истребив» пруссов, как многие думали раньше. А онемечив их и превратив в пруссаков.

Особо примечательными в данной связи представляются следующие три обстоятельства.

Во-первых, эстии, пращуры пруссов, признали верховенство над собой могущественного готского царя Германариха, хотя его резиденция находилась далеко от мест их обитания, в причерноморской «Скифии».

Во-вторых, древнепруссский язык содержал немало заимствованных древнегерманских слов.

В-третьих, в готском языке содержались прусские слова и имена, частично сохранившиеся и употреблявшиеся даже в поздний период истории готов – например, в вестготском царстве на территории Испании.

По Людвигу Шмидту, находившаяся под германским влиянием культура Восточной Пруссии просуществовала до VI в.

Кстати говоря, именно среди артефактов, найденных в захоронениях готско-эстийской военной знати, найдены вещи, украшенные знаком, практически аналогичным так называемой «родовой эмблеме Рюриковичей» – «двухзубцу» или «трехзубцу», представляющей собой, в действительности, схематичное изображение ворона, священной птицы «Всеотца» Одина (Вотана, Вуотана, Водана, Воданаза) – верховного бога древнегерманских светлых богов-асов (азов). Что, между прочим, ставит под сомнение гипотезу В.Б. Егорова о том, что правители готских «вооруженных мигрантов», утвердившись на землях причерноморского Боспорского царства, переняли трехзубец боспорских царей (символ их владычества над морем, как атрибут морского бога Посейдона-Посидона, римского Нептуна), в качестве своей родовой эмблемы (приписанной впоследствии «варягам Рюриковичам» – добавим это от себя, поскольку В.Б. Егоров существования первых варяжских князей-Рюриковичей вообще не признает, считая их откровенно легендарными фигурами, на которых позднейшие русские летописцы перенесли черты и деяния готских владык «Руси Первой» с центром на Данпаре-Днепре – В.А.)

Сохранившиеся в средневековой Исландии мифы о царе светлых богов-асов Одине, записанные в 1200-х гг. (т.е. через много столетий после Великого переселения народов) и сведенные в «Младшую Эдду» исландским скальдом Снорри Стурлус(с)оном, описывают жизнь асов и их переселение в Скандинавию из Великой (или Холодной) Свитьод, Svithjod (Светии-Скифии), через которую протекает река Ванаквисль (Танаис). В устье этой реки располагалась страна ванов (вендов-венедов-венетов?), с которыми асы Одина сначала вели войну, но потом заключили мир. Согласно «Младшей Эдде», Один имел владения в Азии (Асии – «стране асов»), на востоке от реки Танаис (Дон), а также «в стране турок» к югу от горного хребта, служащего границей страны (возможно, Рипейских-Рифейских, т.е. Уральских, гор). Затем Один переселился в Данию, оставив править в своей прежней твердыне – Асгарде («Граде асов») братьев Ве и Вили. Править страной саксов Один поставил трех сыновей: Вегдега в восточной стране саксов, Бельдега (или Бальдра) – в Вестфалии, Сиги (родоначальника рода Вельсунгов) – в земле франков. Дальше Один пошел в страну Рейдготланд и сделал её правителем своего сына Скьельда (от которого пошел род Скьельдунгов, датских конунгов). Затем Один достиг Швеции (т.е. скандинавской области свионов-свеев, которую не следует путать с континентальной Светией-Свитьод, именуемой порой «Великой Швецией»), где его радушно встретил правитель Гюльви, и основал Сигтуну. Затем Один поехал на север и поставил править Норвегией сына Сэмिंगа, родоначальника норвежских конунгов, ярлов и других правителей. А с собою Один взял сына Ингви, царя Швеции, основателя рода Инглингов. Внук Одина Фроди правил Данией (тогда называемой «Страной готов») во времена жизни императора Августа при рождении Христа. Согласно «Младшей Эдде», асы, потомки Одина, расселившись по стране саксов, принесли туда свой древний язык из Асии-Азии.

Согласно фундаментальному труду итальянского медиевиста Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства», готы вобрали в себя иранскую скифо-сарматскую культуру, не чуждую им, еще со времен общего праарийского единства. Они сумели ассимилировать многое из содержательной стороны этой культуры, усвоили ее технические приемы, и в первую очередь – технику конного боя. Элементы шаманства, мистерии, хтонических культов, присутствующие древней германской культуре и сгруппированные в мифокультурный комплекс бога-всадника Одина-Вотана, как нам представляется, имеют не только рунический источник, но понтийско-германское, или «аланоготское» («готоаланское»), как предпочитают выражаться иные историки, происхождение. Научившись верховой езде и коневодству благодаря контактам со степными культурами, восточные германцы усвоили также наиболее подходящий для такого рода занятий костюм. Одежда их состояла из штанов для мирных поездок и охоты и доспехов, покрытых железной чешуей (чешуйчатой брони, брунии), на случай войны. Одежда имела культовое значение, неотделимое, впрочем, от функционального: так одевались шаманы. Но мы еще вернемся к этому вопросу, как вернемся и к религиозному значению коня и металлургии, которые тоже были заимствованы у народов Великой Степи (хотя о культе коня у германцев, сопоставимом по значению с культом коня у индийских ариев, писал еще Корнелий Тацит). Чрезвычайно интересным в данной связи представляется образ Вотана-Вуотана-Водана(за)-Водена-Одина, Повелителя мертвых, бога шаманов и воинов. Религиозно-магический мир представлений древних германцев известен нам прежде всего благодаря скандинавским источникам, относящимся, правда, к более позднему времени. Тем не менее даже поздние и сомнительные подчас свидетельства ясно показывают азиатское (асийское-асовское) влияние (которое многими, однако, отрицается, и не только по историческим соображениям) на германские верования и культы. Далее мы еще не раз убедимся в том, сколь многим все без исключения германцы обязаны готам, и сколь многим сами готы обязаны народам, жившим в Понтийском регионе между Данубием-Дунаем и Кавказом. Странно было бы предполагать, что готы, позаимствовав оружие и коня у скифо-сарматов, смешавшись затем с гуннами, не переняли хотя бы отчасти духовные ценности и содержательную сторону культуры этих конных воиновкочевников. Их несомненное влияние прослеживается в самой ткани готского языка и прежде всего в заимствованиях, относящихся к области военного искусства вообще и коневодству и оружию, в частности, тем более оно распространяется на сферу мифологии и концептуальной религиозности. Источники, из которых можно почерпнуть основные сведения о происхождении Вотана-Одина, – это «Деяния данов» Саксона Грамматика и «Младшая Эдда» Снорри Стурлус(с) она – сходятся на двух фактах: Один обитает в той части света, которая находится на Юге, откуда он и совершил завоевание Севера, употребив все свое магическое искусство. Его совершенство в умении сочинять песнопения, превращаться в животных, предсказывать будущее, насылать смерть, несчастья и т. д. сегодня мы могли бы определить как нечто, что сродни шаманскому искусству.

Чародей и повелитель мертвецов Вотан-Вуотан-Один, по мнению Кардини, весьма в малой степени может вызвать аналогию с «богомолимпийцем» в общепринятом понимании этого термина. Об этом свидетельствует само его имя. Корень имени «Вотан» («Вуотан») тот же, что и у слова «вут» (wut), которое означает «неистовство, бешенство, ярость, иступление, одержимость, обуянность». Оно наводит на мысль о шаманском экстазе, о том самом «зверинном» трансе, в который, если верить древнегреческому историку Геродоту, прозванному «Отцом истории» римским оратором и политиком Марком Туллием Цицероном, впадали представители индоиранского племени (а точнее – племен) скифов, накутившиеся конопля (аналогия с берсерками, опьяненными мухоморами, и индоиранцами, ритуально опьянявшими себя сомой-хаомой, очевидна).

Средневековый христианский хронист Адам Бременский подчеркивал: «Вотан сиречь бешенство».

Коль скоро религия германцев благодаря контакту со Степью претерпевает эволюцию и становится тем, что она есть, нас не может не заинтересовать одна ее определяющая особенность: все большая сакрализация лошади, значение которой возрастает по мере возвеличения культа Одина. Конь становится неразлучным товарищем этого бога и непременным участником его свиты. В самом эпизоде инициации Одина устанавливается четкая корреляция: испытание – Космическое древо – лошадь (конь). Космическое древо – это виселица Одина. Это Мировой Ясень (Иггдрассиль, что буквально означает «Конь Игга», т.е. «Конь Одина»; связь коня с виселицей объясняется тем, что виселица в северогерманской скальдической поэзии обозначалась метафорой «конь повешенного»). К Иггдрассилю (которому у континентальных германцев соответствовал Ирминсуль) Один и привязывает своего коня, прежде чем самому повесить (распят) себя на Мировом древе («в жертву самому себе»), пригвоздив себя к стволу Иггдрассиля собственным копьём Гугниром (совершая тем самым магически-воинский инициационный обряд, необходимый для самопознания «обретения истинной мудрости»). Вера в то, что боги привязывают коней к Мировому древу (на котором бог-шаман Один провисел, «принесенный в жертву самому себе» девять дней и девять ночей), пользовалась широчайшим распространением у племен и народов Средней и Северной Азии. У Одина имелся волшебный конь Слейпнир, шаманский скакун о восьми ногах. С помощью этого колдовского коня бог-шаман общался с царством мертвых (первые четыре ноги Слейпнира предназначены для передвижения в этом, другие четыре ноги – для передвижения в ином, потустороннем, мире). Все вышесказанное о роли лошади в шаманском «путешествии», ее значении как провожатого усопшего, должно быть, проливает достаточно яркий свет на общность религиозных представлений, в центре которых находится бог-шаман Вотан-Вуотан-Водан-Воден-Один. У бурят существует легенда, в которой тщательно проводится различие между обычным четвероногим и волшебным восьминогим конем, являющимся плодом любви девушки с шаманским прародительским духом. Снова перед нами восьминогий конь как средство общения с иным, потусторонним миром (царством мертвых). Восьминогие кони встречаются не только в германских и бурятских, но также и в японских мифах и ритуалах (что не представляется слишком удивительным, с учетом происхождения древнейших японцев от центральноазиатских кочевников-коневонов, принадлежавших, судя по их вооружению – в частности, типичным парфяно-сармато-аланским «панцирным кафтанам» – к иранской ветви белой расы). Здесь они выполняют погребальную и эстетическую функцию. Но довольно об этом...

С учетом крайней запутанности картины передвижений Одина и его асов по Северной Европе, Людвиг Шмидт (в отличие от многих других) не был уверен в том, что Рейдгот(а)ланд, упоминаемый не только в «Младшей Эдде», но и в других древних нордических и англосаксонских источниках, действительно идентичен области готских поселений, расположенных на территории позднейшей Восточной Пруссии. И это вполне понятно. Если, к примеру, следовать логике Стурлус(с)она, упоминаемый им Рейдготланд, чьим правителем Один посадил Скьёльда, ставшего родоначальником датских царей, Рейдготаланд – это, скорее, Ютландия, часть нынешней Дании (вспомним о возможном родстве готов-ётов с ютами). В «Саге об Инглингах» сказано не слишком вразумительно: «В те времена (когда Один и асы странствовали по земле – В.А.) весь материк (т.е. вся европейская «Большая земля» – В.А.)...звался Рейдготаланд». Многие современные ученые – например, Евгений Владимирович Пчелов в своей книге «Генеалогия древнерусских князей», помещают Рейдгот(а)ланд в Южную Швецию. А некоторые – например, Владимир Борисович Егоров в своем замечательном труде «Русь и снова Русь» – отождествляют (X)рейдгот(а)ланд с восточноевропейскою державой Гермариша, могущественного царя (х)рейдготов («светлых готов»), о которой пойдёт речь далее: «Итак, не легендарное, а историческое государство Рейдготаланд было создано в III веке н.э. причерноморскими готами, называвшими себя [hgoe:th] и известными нам в иноязычной передаче как: hros / hrus/ рос/рус < ... > на восточнославянской почве у [hgoe:th] неизбежно должно

было отпасть отсутствующее в древнерусском языке придыхание [h], а [th] перейти < ... > в [s] : [hroe:th] -> [roe:s] -> рос/рус. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что превращение в древнерусском языке этнонима грейтунгов [hroe:th] в «рос/рус» лингвистически вполне закономерно < ... > Государство грейтунгов, реальный Рейдготаланд Германариха, можно назвать Русью – Русью Первой» (В. Егоров. «Русь и снова Русь»).

Осторожность и взвешенность в оценках делает честь любому серьезному историку. «Но мы истории не пишем» (используя крылатое изречение нашего знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова), а лишь популяризируем историю для широких читательских масс. Значит, с нас и спрос совсем другой. Поэтому «без гнева и пристрастия», но и без излишней робости, выскажем нашу точку зрения. «Рейдготланд» означает «земля (страна) рейдготов». Этноним же «рейдготы», по одному из толкований, представляющемуся нам наиболее правильным, означает «готы в гнезде» (готы-«гнездюки», говоря языком казаков-запорожцев, возможно происходящих от готов). Т.е. готы, не ушедшие с большей частью своих соплеменников в дальний поход на юг по «сухопутному океану», а оставшиеся у Янтарного моря, на территории будущей Восточной Пруссии. Получается, что «Рейдготланд» – это «Готискандза», из которой ушло на юг большинство ее готского населения. И где остались только самые «тяжелые на подъем» готы-«гнездюки». Вполне возможно, именно от этих «рейдготов» протянулась, через долгую цепь поколений, тоненькая «готская нить» (или «готская ниточка») к их отдаленным потомкам. Скажем, к появившемуся на свет в 1821 г. в восточнопрусском Нейденбурге (польск. Нидзице) известному немецкому писателю и специалисту в области средневековой истории Рима на Тибре (тесно связанной с готской историей) Фердинанду Грегоровиусу, не сомневавшемуся, как известно, в своем готском происхождении.

Однако особо многочисленными эти рейдготы-«гнездюки» быть не могли. Археологические находки свидетельствуют о значительном сокращении населения Рейдгот(а)ланда-Готискандзы после ухода большей части готов «со товарищи» на Юг. Уже во II в. (причем, судя по всему, без заметного враждебного давления со стороны иноплеменников) там возник вакуум, начавший постепенно заполняться лишь через пару сотен лет. В этот вакуум стали медленно, нерешительно и постепенно просачиваться славянские племена. Вследствие их проникновения, земли до Альбиса, занимаемые ранее германцами, ушедшими на юг, оказались заселенными славянами, названными впоследствии «полабскими», т.е. живущими по реке Лабе-Альбису-Эльбе. Эта смена мест обитания двух многочисленных восточно-и центрально-европейских народов-соседей, приведшая к смешению артефактов, археологических находок разного происхождения, вызвала немало ожесточенных дискуссий в ученом мире. Польские археологи и историки «вычитывали» в найденных захоронениях нечто совершенно противоположное тому, что в них «вычитывали» их немецкие коллеги. Авторы школьных учебников тоже скрещивали мысленные «копья» с оппонентами «по ту сторону умственной (а еще чаще – словесной) баррикады».

А готский племенной союз, придя в движение, уже не останавливался. Правда, готы, по мнению Людвиг Шмидта, мигрировали на юг не единой, сплоченной массой, а отдельными отрядами. Не сплошной волной, а ручейками, струйками. И этот миграционный поток растягивался во времени на многие годы. О чем свидетельствуют археологические находки. Вследствие чего древняя царская власть, о которой сообщает Тацит, постепенно пришла у готов в упадок. Усилилась самостоятельность родовой княжеской знати. Как писал Людвиг Шмидт: «По легенде о странствиях готов (в поисках новой родины – В.А.), предводителем первого отряда (переселенцев – В.А.) был Филимер, сын Гадарига. Которого Иордан-Кассиодор ошибочно называет царем и преемником целого ряда древних правителей (готов – В.А.)».

Что тут скажешь? Вне всякого сомнения, такое событие, как этот великий и всеобщий исход в дальние земли, привел к смене прежних порядков. Однако бесследно исчезнуть они все-таки не могли. Ибо царская власть – не понятие, ограниченное определенным простран-

ством и связанное с конкретной областью обитания народа. Разумеется, царская власть в период долгих странствий по великой скифской равнине, орошаемой «великими и славными реками» («Гетика»), не могла осуществляться в прежней форме. В столь же четкой, действенной и жесткой форме, как та, о которой сообщает Тацит, описывая жизнь оседлых готов. Но и на пути в новые земли возникает целый ряд задач, решить которые племя, находящееся под хорошим и умелым руководством, способно лучше, чем беспорядочно бредущая, куда глаза глядят, толпа, лишенная руководителя. «В бурном море тяжело без кормчего», как совершенно верно сказано в цитатнике Председателя Мао.

У Иордана в «Гетике» написано:

«Когда там (в «Готискандзе» – В.А.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда».

Вряд ли стоит, поэтому, обсуждать вопрос, был ли Филимер, сын Гадарига, царем-тиудансом (либо реиксом), воеводой-герцогом, родовым князем-кунингом или начальником передового, первого отряда – фуристом. Тот факт, что историки приводят имя его отца, указывает, видимо, на принадлежность Филимера к царскому, или, по крайней мере, княжескому роду, обладавшему властью и в былые времена. Возможно, на протяжении целых поколений. А то, что очень скоро ему придется принимать трудные решения, доказывает эпизод с мостом через Данапр (о котором пойдет речь далее). Эта единственная известная нам подробность из сказания о странствиях готов в поисках новой родины на юге, дошедшая до нас в изложении Иордана-Кассиодора, со ссылкой на Аблавия.

Поначалу готы и их спутники-союзники, очевидно, предприняли попытку обойти болота, известные ныне как Припятские, с юга.

Наверно, у переселенцев с Вистулы имелись проводники, которым был ведом путь через пересеченную, но не заболоченную местность в направлении Данапра. Правда, единственным доказательством того, что готы шли этим путем, служит найденный в 1858 г. пахарем под украинским городом Ковелем наконечник германского копья, украшенный рунической надписью на готском языке (означающей имя копья – «ТИЛАРИДС», т.е. «НЕСУЩЕЕСЯ К ЦЕЛИ», «НАПАДАЮЩЕЕ», или, по иному толкованию – «ВСАДНИК»). Кроме рунической надписи, наконечник ковельского копья украшают такие типично германские символы, как знаки богов-асов Одина-Вотана и Тора-Тунара-Донара – крюковидный крест и триквестр.

Кстати говоря, похожее готское копьё (а точнее – его наконечник) было обнаружено в 1865 г. при строительстве железнодорожной станции Дамсдорф близ прусского (ныне – польского) городка Лебус.

Этот артефакт, найденный в готском кремационном захоронении, изготовлен, как и ковельское копьё, из железа с серебряной инкрустацией. Дамсдорфское копьё также украшено магическими, в т.ч. тамгообразными, знаками и рунической надписью «РАН(Н)ЪЯ», т.е. «БЕГУЩЕЕ», «ЗАСТАВЛЯЮЩЕЕ УБЕГАТЬ» (или, в другом толковании, «ИСПЫТАТЕЛЬ»). По мнению Эдреда Торссона, имя копья «БЕГУЩЕЕ» имеет значение «ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЧТО-ЛИБО ИЛИ КОГО-ЛИБО НАСКВОЗЬ», «ПРОНИКАЮЩЕЕ», «ПРОНИЦАЮЩЕЕ», «ПРОНИЗЫВАЮЩЕЕ», т.е. «ПРОНЗАЮЩЕЕ».

Третье аналогичное готское копьё было найдено в 1932 г. близ города Розвадова (тогда – польского, ныне – украинского) при случайном обнаружении кремационного погребения всадника. Этот железный, инкрустированный серебром наконечник украшен тамгообразными знаками и рунической надписью «КРУЛС», т.е. по мнению Торссона, со ссылкой на Вольфганга Краузе – «(И)К(Э) РУЛС» – «Я, ЭРУЛ (в данном контексте ЭРУЛ означает МАСТЕР РУН; существует гипотеза, по которой герулы-эрулы-эрилы были, по крайней мере, изначально, не отдельным германским племенем, а военно-аристократической группой или кастой, аналогич-

ной скандинавским ярлам, обладавшей монополией на знание, толкование и использование рун – В.А.)».

Все эти наконечники напоминают самое древнее, т.н. московское, готское копье, обнаруженное шведскими археологами при раскопках погребения на «готском острове» Готланд. Но среди символов на этом железном, инкрустированном серебром, наконечнике, отсутствуют тамги (поскольку готы, жившие на Готланде и, в отличие от своих странствующих по «Большой земле» единоплеменников, не имевшие контактов с сарматами, не испытывали иранского влияния). Руническая надпись на московском копье гласит: «ГАОИС». По-готски «ГАУЙИС» означает «РЕВУЩЕЕ». Краузе считает: «Такое имя копья могло бы указывать на широко распространенную в нордическом мире веру в то, что копье, производящее громкий шум, когда войско устремляется в битву, приносит удачу своему владельцу и неудачу его врагам».

Вообще же древнейшим скандинавским артефактом этого рода считается железный наконечник копья, найденный в Овре-Стабю (Дания), чей возраст датируется второй половиной II в. п. Р.Х. Руническая надпись на нем – «РАУНЙАР» – означает «ПРОНЗАЮЩИЙ» (как и сходная надпись на дамсдорфском копье).

Примечательно, что главным атрибутом власти над миром богааса Одина-Вотана служило его волшебное копье Гунгнир (Гунгнер), на котором держится весь мир. Оно защищает святость заключенных договоров. Бросая «Мировое Копье» Гунгнир во вражеское войско, Один обрекает его в жертву себе. Отсюда идет символический обычай древних германских князей перед началом битвы метать свое копье в неприятельское войско, обрекая его в жертву Вотану-Одину. Не правда ли, сама собой напрашивается аналогия с нашим малолетним князем Святославом Киевским (как мы скоро узнаем – вероятнее всего, потомком готского царского рода Амалов), метнувшим, согласно «Повести временных лет», копье во враждебное войско древлян, после чего воевода Свенельд воскликнул: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем!», и закипела битва?. Пригвоздив себя Мировым Копьем к Мировому Древу, бог битв и «живых мертвецов» познает тайну рун.

Стефан Флауэрс считает эти готские (и вообще германские) копья магическими предметами, обладающими в битвах силой талисманов, и в то же время – символическими знаками царской и полководческой власти, наподобие скипетров монархов «культурных народов». Известно, что главным моментом при возведении на престол царей германцев-лангобардов (изначально именовавшихся «вин(н)илами», т.е. «победителями»), долгое время соседствовавших с восточногерманскими племенами (включая готов) было не возложение на них венца короны, а вручение им священного копья. Винилы пришли из Ютландии в Паннонию, а затем, после 558 г. – в северную часть Апеннинского полуострова, идя вдоль реки Пад (сегодняшней По), после растворения остатков разгромленных в ходе долгой разорительной войны восточными римлянами остготов в общей массе населения Италии. В 773–774 г. североиталийское царство лангобардов («длиннобородых»), оттеснивших восточных римлян на юг Италии, было завоевано царем франков Карлом Великим (будущим владыкой «Священной Римской империи»). В знак победы над лангобардами Карл не только венчался «железной» короной их царей, но и присвоил себе наконечник копья, вручаемого лангобардским царям при восшествии их на престол (или само копье). С тех пор Карл не расставался с сакральным копьем (наконечником) ни днем, ни ночью, как со священным атрибутом царской власти (якобы даже наделившим его даром ясновидения). После того, как Карл упал с коня, выронив копье (наконечник), он не прожил, якобы, и нескольких дней. По мнению Эдреда Торссона, именно этот наконечник лангобардского копья, переходивший от Карла Великого ко многим его преемникам, и был со временем преображен легендой в «Святое Копье», которым якобы римский центурион (сотник) Гай Кассий Лонгин пронзил ребро распятого на Голгофском кресте Иисуса Христа, и которое, перейдя по наследству к первому римскому императору-христианину Константину Великому, а затем – в руки царя западных готов Теодориха и его союзника – западноримского

полководца Флавия Аэция -, помогло им разбить полчища гуннского царя с готским именем Аттила в «битве народов» на Каталаунских полях в 451 г. В действительности же речь шла о древнем сакральном атрибуте германских царей.

Впрочем, довольно об этом...

В сохранившемся Аблабием-Кассиодором-Иорданом сказании о странствии готов упоминаются встретившиеся им на пути обширные заболоченные земли. Возможно, главным силам и левому крылу мигрирующего народа-войска не хватило места на дороге (шедшей в направлении сегодняшнего украинского города Житомира), и в результате они забрели в болота.

Через реку (по мнению Людвига Шмидта – Данапр-Днепр) готами «со товарищи» был построен мост. Точное место выхода объединенных племен германских переселенцев на берег Данапра нам сегодня неизвестно. Но можно не сомневаться в том, что в те времена Днепр был, уж во всяком случае, не уже, чем во времена Н.В. Гоголя. Конечно, его ставшее крылатым изречение: «Редкая птица долетит до середины Днепра» было поэтическим преувеличением во все времена, включая время готских странствий. Однако переправиться через Данапр готским мигрантам было, разумеется, непросто. Вероятно, они построили для переправы через реку понтонный мост. Как в свое время – римский полководец Гай Юлий Цезарь, переправляясь со своими легионами через Рен(ус)-Рейн, к великому изумлению наблюдавших за переправой римлян, словно кролики – за приближением удава, уже разбитых римлянами в Галлии германцев-свевов. Но готы, скорее всего, уже обладали опытом строительства понтонных мостов. Вряд ли они в свое время форсировали до того довольно широкую Вистулу вплавь. Прошло, конечно же, немало времени, прежде чем по шаткому мосту через Данапр переправилось достаточно много людей, коней, домашнего скота и, повозок. И вот, после того, как половина, а может быть – треть или две трети мигрантов, расположились на отдых после переправы станом на восточном берегу, произошло нечто ужасное. Наведенный готами понтонный мост исчерпал свой запас прочности. Он постепенно расшатался и... Челн за челном, плот за плотом, стали срываться с якорей, соединяющие их балки – расходиться. Построенный с таким большим трудом мост стал разваливаться, распадаться на части. А эти части, подхваченные бурным течением – удаляться по реке от места переправы. Именно так следует понимать сообщение о том, что после переправы части готов с этого, т.е. западного, берега, на противоположный, восточный, берег, мост через Борисфен «непоправимо сломался». Немалой части готов, не успевших переправиться по мосту, пришлось продолжать свой путь на юг по западному берегу. Поскольку у готов (в отличие от римлян или греков) не было ни времени, ни навыков, необходимых для строительства каменного моста, под «непоправимой поломкой» их моста следует понимать его развал, а под самим «мостом» – достаточно узкий плавающий настил.

Каким бы образом ни «сломался» шаткий готский мост, сколько бы при этом ни погибло людей, скота, коней и всякого добра, для готов эта «поломка» стала настоящей катастрофой. И притом совершенно неожиданной. Что усугубило ее тяжесть. Даже в туманном, многократно переданном из уст в уста, сообщении, записанном на пергамене Иорданом, сохранилось нечто от чувства отчаяния, охватившего странствующий по чужой земле готский народ:

«В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он (Филимер со своими готами – В.А.) пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум (Oium – В.А.). Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосягаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пробытия], хотя слышно это издалека» («Гетика»).

Легко себе представить ужас и смятение всех местных уроженцев, спасающихся бегством при неотвратимом приближении вооруженных чужеземных, с позволения сказать, «землепроходцев», со своим скотом в речные поймы Борисфена. Или же в заболоченные местности, странным образом, пригодные для сельскохозяйственной деятельности и скрытого от чужих, недобрых глаз существования жителей маленьких деревушек (как, скажем, в нынешнем восточногерманском краю Шпреевальд). Но одновременно с этими сообщениями о фактах, в истинности которых Иордан, вроде бы, не сомневается, в его повествовании ощущается какой-то суеверный страх. Как если бы слышащиеся в упоминаемой им «замкнутой местности» голоса скота (и, надо думать, человеческие голоса) были голосами «с того света». Голосами мертвецов, нашедших смерть в мрачном море болотных трясин. И то ли предостерегающих своими криками и завываниями тех, кто попадает в эти гиблые места по их следам, то ли стремящихся погубить их, заманив в болотные топи и омуты.

«Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей» – так продолжает Иордан свое повествование.

Следует заметить, что в разное время разные авторы локализовали Ойум (как и Рейдготланд) в разных местах. Валентин Васильевич Седов – в окруженном болотами регионе нынешних Мазовии, Подлясья и Волыни (соответственно, рекой, пересеченной частью готов до обрушения моста, ученый считал Висклу-Вислу, разделявшую (по мнению многих античных авторов, включая Иордана), Германию и Скифию/Сарматии). Ф. Бирбрауэр располагал Ойум на нынешней Волыни (считая реку, пересеченную готами, Припятью). Аналогичной точки зрения придерживались и другие ученые, в т.ч. Марк Борисович Щукин (в своей книге «Готский путь»), Дмитрий Алексеевич Мачинский и Сергей Вячеславович Воронятиов.

Между тем, «Ойум» (точнее – «ауйом», или «ауйя») в переводе с готского (да и с других языков древних германцев) означает «земля произрастания злаков», «житница». Родственное слову «ойум» современное немецкое слово «ауэ», кстати говоря, означает (в Центральной Германии) «местность, богатая зерном». А ведь готам была нужна именно ЖИТНИЦА – ЩЕДРАЯ, УРОЖАЙНАЯ ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ В ИЗОБИЛИИ ПРОИЗРАСТАЮТ ЗЛАКИ. Была она нужна и древним грекам, остро нуждавшимся в собственном хлебе и вот уже полтора тысячелетия получавшим зерно с берегов Евксинского понта. Только подбирались греки и готы к плодородному, богатому зерном Причерноморью (как полагает целый ряд ученых, в том числе Людвиг Шмидт, Георгий Владимирович Вернадский, Гервиг Вольфрам, Елена Чеславовна Скржинская, Т. Левицкий, Олег Васильевич Шаров и др.), с безбрежными золотыми хлебными нивами тамошних «скифов-пахарей» и «скифов-земледельцев» (упоминаемых еще Геродотом) с двух разных сторон. Греки – с юга, готы – с севера. Как тут не вспомнить миф о припонтийском «золотом руне» – цели плавания древнегреческих героев во главе с Ясоном (названных, по своему кораблю «Арго», аргонавтами) ! Считается, что «золотое руно» – шкура золотого летающего барана, посланного богиней облаков Нефелой или богом Гермесом по приказу верховного бога Зевса или его супруги Геры, со спасательной миссией. На спине золотого барана дети царя греческого города Афаманта – Фрикс и Гелла – полетели к понтийским берегам, спасаясь от преследований своей мачехи Ино (или, по другой версии мифа, своей тетки Биадикой). По дороге Гелла упала в море, названное после этого Геллеспонтом – «морем Геллы» (ныне это – Дарданеллы). Фрикс достиг берегов черноморской Колхиды. Там он принёс золотого барана в жертву Зевсу, а снятое с него золотое руно подарил местным жителям. Золотое руно, ставшее магическим гарантом благоденствия и богатства, охранялось драконом в священной роще бога войны Ареса. Откуда оно было похищено и увезено в Грецию аргонавтами под предводительством Ясона. Миф о золотом руне отражает историю ранних связей между Древней Грецией и Причерноморьем. По преданию, золото там добывали, погружая шкуру барана в воды золотоносной реки. Руно, на котором оседали частицы золота, приобре-

тало большую ценность. Страбон, например, сообщал в своей «Географии» следующее: «... В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетками и косматыми шкурами. Отсюда, говорят, и возник миф о золотом руно».

Увы – при всем нашем уважении к Страбону и другим античным авторам, данный способ добычи золота причерноморскими «варварами» ничем не подтвержден. И непонятно, можно ли таким способом добывать золотой песок из проточных рек или ручьёв. Зато у нас есть гораздо более простое объяснение: «золотое руно» – не что иное, как золотое зерно, тот зерновой хлеб, которого всегда не хватало древним грекам (да и римлянам).

Припонтский «золотой ауйом» был для готов тем же самым, чем «Золотое руно» из мифа о плавании аргонавтов к Евксинскому понту было для греков. А именно – золотыми хлебными нивами Скифии. Грекам приходилось вывозить золотое зерно из Причерноморья в Атику, и дальше на юг морем, опасным путем через Геллеспонт, мимо грозных прибрежных крепостей троянцев и других морских разбойников. Готам же удалось, форсировав Данапр, почти беспрепятственно попасть в самое средоточие хлебной сокровищницы Северного Причерноморья, главной житницы античного мира.

Но удалось ли это всем готам? Или только части готов? Археологические находки, сделанные, вдоль трассы готского «трека», позволяют сделать следующий вывод. Германские мигранты продолжали свое продвижение на юг по обоим берегам Данапра. Находки соответствующих артефактов подтверждают разрушение или «поломку» готского моста. Но полагать, что только Филимер со своей «половиной» готского племени прибыл на желанный юг и овладел плодородным «ауйомом», очевидно, было бы неверно. Да и предположение, что готы уже в ходе этого первого прорыва на юг (или даже до него), в лице своих разведчиков, «передовых землепроходцев», достигли полноводной реки Ра, а то и двинулись дальше на юг вдоль по течению Ра, не находит достаточно веского подтверждения. При всем уважении к столь авторитетному историку, как Г.В. Вернадский, придерживавшийся этого мнения. Не полноводная река Ра (нынешняя Волга), впадающая, как известно, в Каспийское море, а полноводный Данапр-Борисфен, текущий в направлении Тавриды-Крыма и впадающий в Евксинский понт, указывал путь на желанный юг готам и их союзникам.

«Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» («Гетика»).

В этом фрагменте как будто слышится победное звучание фанфар (или, точнее – германских рогов-луров). Разумеется, очень хотелось бы узнать, хотя бы в нескольких строфах или словах, в каких выражениях готские певцы-сказители (именовавшиеся у кельтов «бардами», у западных германцев – например, у англосаксов – «скопами», и неизвестно как именовавшиеся у гутонов-готов) славил в своих боевых песнях подвиги героя Филимера. Драматическую, едва не обернувшуюся всеобщей трагедией, переправу через Борисфен. Победу над спалами. Завоевание Тавриды-Крыма. Увы! Готские героические песни (наверняка не только сложные, но и неоднократно исполнявшиеся по самым разным поводам) давно отзвучали, забывшись с течением времени. Почти всем, что нам сегодня известно о готском языке, мы обязаны переводу Библии с греческого основателем не только готской, но и всей германской письменности (не считая рун), да и литературы – готским епископом Вульфиллой (о нем еще будет подробно рассказано далее). Ибо, кроме него, до нас дошло лишь несколько готских надписей (вроде той, что украшает ковельское, дамсдорфское, розвадовское и моосское копьё), грамот, имен, фрагментов. А как насчет готских следов в германском языческом стихотворчестве? Их отдаленное звучание можно, хотя и с трудом, расслышать в норманнских сагах и висах, в сохранившихся нордических редакциях раннесредневековой германской поэзии

времен Великого переселения народов. Считается, к примеру, что в некоторых, старейших, нордических сказаниях и песнях (например, «Песни о битве готов с гуннами» или песни о кузнеце-кудеснике Вёлунде-Воланде-Виланде – своеобразном «северном Икаре» и прообразе булгаковского Воланда) еще сохранились далекие отзвуки словарного запаса языков древних южных германцев. «Великая сумятица», или, говоря по-русски – «Великая смута» (а то и «Великая замятня»), которой, своим переселением на юг, в немалой степени способствовали и готские мигранты, поглотила без следа свидетельства существования поэтических произведений, сочиненных готами в честь своего великого похода, ознаменовавшего собой наступление новой эпохи.

## Спалы, скифы и другие

Широкая и полноводная река, форсировать которую готские «вооруженные мигранты» после обрушения моста больше не могли, превратила их поход на юг в странствие на юго-восток. Эта смена направления движения не могла остаться незамеченной готским «народом-войском», хорошо знакомым с морем и мореплаванием. Но что готским мигрантам было делать? Река становилась все шире, неся свои бурные воды через безграничную степь. О переправе через своенравный Борисфен нечего было и думать.

Речные берега, как и морские побережья, были в древней Европе заселены гуще, чем места, более отдаленные от водоемов. Люди издавна селились по морям и рекам. С тех пор в этом отношении мало что изменилось. Возможность водного транспорта по рекам – единственный способ перевозки тяжелых грузов из одного населенного пункта в другой – была столь же важной, как рыбная ловля и возможность иметь в достатке питьевой воды для людей и домашних животных. А воду Данапра в то время, несомненно, можно было пить без лишних опасений. «Испить шелоном Борисфена», выражаясь языком автора «Слова о полку Игореве».

Вероятно, Филимеру и шедшим на юго-восток, параллельно со своими собратьями, по западному берегу Данапра, готам приходилось постоянно вести бои с туземцами. Хотя эти бои были, скорее всего, неравными. Вряд ли земли, через которые проходили готы, были особо густо заселены. Несмотря на сказанное нами выше о большей заселенности речных берегов. Но вот в большой излучине Данапра-Борисфена, в районе нынешнего Киева, люди селились постоянно, начиная с Каменного века, и притом в немалом количестве. На современной территории «матери городов русских» было найдено тому множество свидетельств. Археологические раскопки показывают, что поселения на территории Киева и Киевщины существовали уже не менее пятнадцати, если не двадцати пяти тысяч лет назад (Кирилловская стоянка). Период неолита и энеолита представлен трипольской культурой, памятники и периоды которой исследователи разделяют на три этапа: ранний (4500—3500 до Р. Х.), средний (3500—2750 до Р. Х.) и поздний (2750—2000 до Р. Х.). Бронзовый век представлен на территориях юго-западной Киевщины белогрудовской культурой. Зарубинецкая культура (второй половины I тысячелетия до Р. Х. – первой половины I тысячелетия п. Р.Х.) характерна для северо-запада Киевщины Короче, люди жили там как в более ранние, так и в более поздние времена. Когда Креститель Руси, Великий князь Владимир Святослав(ов)ич Стольно-Киевский (как его именуют наши древние былины), считающийся отпрыском норманна Рюрика (в действительности же, вероятнее всего – потомок готских Амалов, причем не только по матери, но и по отцу, о чем еще будет сказано далее), строил в Киеве в X в. церкви, то возводил их на месте древних сел и захоронений. Само возникновение, основание города Киева было ни чем иным как слиянием в единое поселение городского типа существовавших уже на протяжении многих столетий поселений рыбаков, перевозчиков, сплавщиков, плотогонов, паромщиков (не зря именно перевозчиком считали в народе – к возмущению автора древнерусской «Повести временных лет»! – первого, легендарного, киевского князя-эпонима Кия; «Кий» – вероятно, искаженное иранское «Кей», от авестийского «Кави», т.е. «князь» или «царь» – первая иранская династия, считающаяся легендарной, вошла в фольклор, например, в «Шахнаме» Фирдоуси, и в историю Ирана под именем Кейанидов-Кеянидов). Но также и ремесленников – кузнецов, золотых дел мастеров, гребенщиков и гончаров-горшечников. Не менее прославленных своим мастерством и имевших не меньше покупателей своих изделий, чем резчики по янтарю из устья Вистулы. Ибо по великой реке покупатели сами плыли к ним в руки. В буквальном смысле слова.

Не позднее, чем добравшись до излучины Данапра, готы уяснили себе следующее. После долгих странствий по обширным, малозаселенным областям, они опять приблизились к зоне, густо заселенной носителями высокой культуры. Наверно, жители берегов Данапра напомним

нили им жителей дельты Вистулы. Покинувшему Янтарный берег народу готов по пути из «Готискандзы» к Евксинскому понту впервые за все время своего долгого странствия предоствилась возможность начать новую, более богатую и привольную жизнь. Жизнь, в условиях которой можно было бы, однако, сохранить те или иные старые привычки. Здесь готские странники могли бы начать жить подругому. Лучше, чем прежде. Как в свое время – на Вистуле. Если бы только вышли победителями из схватки с туземцами. С народами, на протяжении столетий наслаждавшимися близостью к теплому морю, не требующим особого труда изобилием и древней культурой. И потому, возможно, менее воинственными, менее стойкими в бою, чем готы, подступающие к их старинным поселениям.

Первым племенем, способным оказать и оказавшим готам Филимера достаточно упорное сопротивление, были упомянутые Иорданом спалы. О народе с таким названием известно крайне мало. Ибо до упоминания спалов в сказании о великом странствовании готов, донесенном до нас «Гетикой», этот (или схожий) этноним (в варианте «спалеи», лат. *Spalaei*) упоминался только римским энциклопедистом-полигистором Плинием Секундом. По мнению известного отечественного ученого-лингвиста Олега Николаевича Трубачева (разделяемому, в частности, Максимом Жихом): «Плиниевская форма *Spalaei* уводит в индо-арийский Крым и относится к сатархам – *Satarcheos Spalaeos*, букв. «сатархи – жители пещер» («пещерники» – В.А.). Как бы то ни было, спалы, очевидно, относились к кочевым народам азиатского происхождения (возможно, сарматского или, точнее, роксоланского, т.е. иранского, корня – отсюда и упоминание Трубачевым «индо-арийского Крыма»), хотя вряд ли возможно представить себе кочевников обитающими в пещерах (со своими стадами и табунами – иначе какие же это кочевники). Поэтому многие авторы, как, например, Иван Анатольевич Анфертьев, говорят в данном случае о случайном совпадении слов (омонимии). Темна вода во облацех, как говорили в таких случаях у нас в былые времена... Некоторые историки и филологи связывают со спалами русское слово «исполин» («спалин», «палин»). Предполагая, что спалы, некогда державшие в подчинении праславян (и потому воспринимаемые последними как непобедимые силачи), вошли под названием «исполинов» в славянский фольклор и язык. Эти (вероятнее всего – ираноязычные) номады (возможно, связанные с «царскими скифами» или «царскими сарматами» античных авторов) могли свободно кочевать по бескрайним степям к востоку от Данапра. И потому были вполне способны сконцентрировать боевую мощь своей конницы против готов. Что же касается бесчисленных, но мелких вооруженных стычек готов с прибрежными жителями (праславянами или уже славянами – «антами» и «склавенами», упоминаемыми Иорданом), то они не носили характера решающих битв. И потому не были упомянуты в сказании о готском странствовании, сохраненном для потомков в «Гетике» готоаланского историка на службе у Второго Рима.

Совершенная иная ситуация возникла, когда готские мигранты достигли, наконец, Черноморского побережья. Ибо оно на протяжении вот уже целого тысячелетия было зоной древней культуры. Областью, находившейся под сильным влиянием греческой цивилизации. По крайней мере, с гомеровских времен. Если не раньше. Черноморское побережье с прилегающими к нему «ауйомами» – плодородными земледельческими зонами, изобильными зерном – относилось к числу первых земель, открытых древнегреческими мореплавателями и ставших объектом эллинской миграции с последующей колонизацией. Ибо на гористом греческом полуострове (и тем более – на многочисленных греческих островах, островках и островочках) никогда не произрастало достаточно хлеба, чтобы накормить неуклонно растущее население греческих городов, часть которого регулярно отправлялась в далекие, неизвестные земли в поисках новой родины и лучшей доли.

Потому-то первое плавание греческого корабля через Геллеспонт, а затем – через Понт Евксинский – в Колхиду было воспето в одном из самых поэтичных мифов классической древности и на все времена сохранилось в памяти культурного человечества. В упомянутом нами

выше мифе о плавании направляемого волей богов и богинь корабля «Арго» под начальством Ясона. Героя, сломившего сопротивление угрожавших ему злых сил. Одолевшего их с помощью чародейки Медеи, И все же не Колхида была, на деле, главной целью греческих флотилий в последующие столетия. Нет, их целью был тот самый «ауйом», золотая житница-«ауэ» готов, Северное Причерноморье с его щедрыми урожаями зерновых.

Выходцами из Милета – процветающей эллинской метрополии, общепризнанного центра изящных искусств и ремесел, литературного творчества и торговли малоазийских греков, были основаны многочисленные колонии на берегах Евксинского понта – Синоп, Трапезунд, Ольвия, Томы, Гермонасса, Кепы. Выходцами из другого эллинского полиса, Мегары – колонии Гераклея Понтийская и Халкидон (Халкедон) Таврический. Города, большинство которых, хотя и не всегда располагались на одном и том же месте, оставались важными торговыми пунктами на протяжении долгого времени. Города, каждый из которых имел долгую и великую историю и свою собственную судьбу. Города, служившие мостом между Западом, Европой, и Востоком, Азией. Между средиземноморским культурным кругом (выражаясь языком диффузионистов) и дикими, необузданными силами чудовищных в своей необозримости степей. В античные времена политическое устройство греческих колоний на берегах «Гостеприимного моря» с золотыми нивами описанных впервые Геродотом скифов-пахарей и скифов-земледельцев, было близко к устройству метрополий, выходцами из которых они были основаны. Впоследствии колонии причерноморских греков попали под власть эллинистического Боспорского царства. Затем – царства Понтийского. И, наконец, Римской империи. Местные греческие колонисты занимались сельским хозяйством, рыболовством, ремеслами и торговлей. Через причерноморские колонии осуществлялся вывоз в материковую и островную Грецию, в первую очередь, хлеба, шкур из Скифии, а также рыбы и рабов. Взамен из Греции завозились в основном керамика, вино, елей (оливковое масло).

Первым народом, приобщившимся, благодаря влиянию понтийских эллинов, к благам высокой греческой культуры, воспринявшим ее и благодаря этому раскрывшим свои собственные таланты и способности, были многократно упомянутые выше скифы. Сегодня не подвергается сомнению факт принадлежности скифов к числу иранских народов и их родство с мидийцами и персами. Хотя, к примеру, известный греко-римский историк Кассий Дион причислял к скифам восточногерманское племя бастарнов-бастернов (певкинов), относимых некоторыми историками и географами к кельтам. А по мнению греко-римских авторов Дексиппа, Иоанна Зонары и Стефана Византийского, «скифами» или «скифо-сарматами» были германцы-герулы (эрулы, элуры, эрилы, ассоциируемые некоторыми исследователями не с каким-либо германским племенем, не с воинским союзом или кастой рунорезов, а с нордическими ярлами), мигрировавшие вместе с готами (или вслед за готами) из «Скандии».

В дальнейшем греки, так сказать, по старой памяти, именовали «скифами» всех периодически сменявших друг друга «варваров», переселявшихся на северные берега Евксинского понта (которое Иордан именовал на латинском «Понтийским морем»). И нападавших оттуда на «цивилизованный» античный мир. Так, тридцатилетняя война 238–271 гг. между Римской «мировой» империей и коалицией «варварских» племен, совершавших набеги на Малую Азию, Грецию, Фракию и Мёзию из регионов Северного Причерноморья и Прикарпатья, именовалась римскими историками «Готской». По названию готов, как наиболее сильного племени «варварской» коалиции «меотийцев» (в которую, кроме готов, входили и другие восточногерманские племена – упомянутые выше герулы-элуры, певкины-бастарны, гепиды, вандалы-астринги, тайфалы, бургунды-уругунды, а также даки-дакийцы, карпы, бораны; последние, по мнению В.Б. Егорова суть «первые варяги-варанги-воран(г)и» в нашей истории). Но под пером греческих историков-традиционалистов эта война преимущественно с германцами (характерной особенностью которой стали морские походы готов по Черному и Средиземному морям, опередившие почти на двести лет морские набеги вандалов на Рим из Северной Африки и

более чем на пятьсот лет – эпоху отдаленных родичей готов – норманнских викингов) получила название «Скифской». Впрочем, довольно об этом...

Как бы то ни было, греки даже «настоящих», ираноязычных, скифов (как и персов) почитали «варварами». Даже после многих столетий сосуществования с греками, на берегах Евксинского понта, скифы так и не утратили, в глазах эллинов, казалось бы, успевших хорошо изучить их, этого «клейма». Принято восхвалять прекрасные отношения, сложившиеся между греческими купцами из Ольвии и скифскими обитателями прилегающих к этой милетской колонии территорий. Однако для древних «классических» греков – скажем, афинян и граждан других полисов материковой (да и островной) Греции скифы, тем не менее, оставались неотесанными, ограниченными, умственно отсталыми пьяницами. Как писал греко-римский историк Луций Клавдий Кассий Дион Кокцейян (более известный под сокращенным именем Кассий Дион или Дион Кассий): «Ведь весь род скифов жаден до вина и быстро от него пьянеет». Хотя скифа Анахарсиса (согласно А.М. Иванову – Анахварты), хорошо знакомого с жизнью эллинов и подвергавшего их слабые стороны справедливой критике, те же греки причисляли к величайшим философам античного мира. Хотя Мардоний – высокоученый воспитатель римского императора Юлиана Отступника, прививший своему воспитаннику тягу к знаниям и любовь к эллинской культуре, поэзии Гомера, Гесиода, «введший его в притвор храма философии» (по воспоминаниям самого Юлиана), был скифом по происхождению (если не припонтийским готом, «произведенным в скифы» сознательно архаизирующим свое повествование греко-римским автором). И хотя именно скифы издревле служили, скажем, в Аттике, во вспомогательных отрядах лучников, и выполняли в греческих полисах – например, в Афинах – функции стражников, надсмотрщиков, караульных и полицейских (слово «полиция» и означает, собственно, «охрана полиса», «городская стража»). «Тупые» скифы-полицейские («ходящие по двое, потому что один умеет читать, а другой – писать», как сказали бы в наше время) были излюбленные фигурами древнегреческой сатиры.

«В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах».

Это скифы рассказали Геродоту, и «отец истории», похоже, поверил им на слово. Хотя возникает вопрос: кто был «туп», а кто – «еще тупее»? «Темные» скифы-рассказчики или поверивший им на слово «просвещенный» эллин? Впрочем, возможно, «Отцу истории» просто не довелось ни разу в жизни увидеть падающий снег. Ибо бесчисленные летающие перья, заполняющие воздух и сплошным белым ковром покрывающие землю, разумеется, не что иное, как снег. По сей день покрывающий в зимние месяцы наши с Вами, уважаемый читатель, родные просторы к северу от Черного моря. Геродот, которому мы обязаны самыми подробными сведениями об античных скифах, еще в V в. до Р.Х. посвятил им немало страниц IV книги («Мельпомена») своей «Истории», приведя множество ценных деталей. «Отец истории» также называет несколько скифских племен, проживавших в причерноморских областях, в которые шесть веков спустя явились готские мигранты с туманного Севера:

«Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (древнейшей колонии греков в Северном Причерноморье – Борисфен, основанной на нынешнем острове Березань в устье Днепра около 647 г. до Р.Х. – В.А.), а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов – обитают каллипиды, эллинские (эллинизированные, огреченные – В.А.) скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифыземледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу (странное замечание, ведь одно другому не мешает – В.А.). Наконец,

еще выше их живут невры, а севернее невра, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это – племена по реке Гипанису (нынешней Кубани – В.А.), к западу от Борисфена».

Восточнее Данапра-Борисфена область скифов-земледельцев, если верить Геродоту, простиралась еще дальше вглубь материка. Ибо «Отец истории» пишет, что они занимают область на три дня пути к востоку, до реки Пантикапа (Ингула или Ингульца – В.А.), а к северу – на одиннадцать дней плавания по Борисфену. Значит, их область имела, в современном исчислении, площадь не меньше пятнадцати тысяч квадратных километров. Восточнее этой зоны пахотного земледелия в нижнем течении современных Днепра и Ингульца начиналась область скифов-кочевников – позднейшая Ногайская степь, много столетий служившая обиталищем кочевых и полукочевых коневодов. Многие другие народы, жившие вокруг скифских областей, которые мы здесь перечислять не будем, хотя Геродот описывает их имена, нравы и обычаи, судя по всему, тоже вели преимущественно кочевой образ жизни. Так что мы вправе сделать вывод, что скифы к тому времени перешли к земледелию, поскольку торговля скифским хлебом с греками на протяжении поколений все больше обогащала скифскую землю и скифский народ. Способствуя росту благосостояния скифов в большей степени, чем войны с теми же греками (да и не только с ними).

Беспокойство, стимул к войнам и набегам вообще-то исходили не от скифов-земледельцев (или, по-гречески, «георгой»), а от кочевых «царских скифов». В своих завоевательных походах VI и V вв. до Р.Х. скифы доходили до Карпатских гор и до территории современной Добруджи. Скифами были покорены нынешняя Трансильвания и несколько греческих городов, хотя те и до завоевания приносили скифам только пользу. Около 500 г. до Р.Х. на территории нынешней южной России образовалось Скифское царство. О том, с каким успехом оно отразило нашествие бесчисленного воинства персидского «царя царей» Дария I Ахеменида, можно во всех деталях узнать из «Истории» Геродота. Некоторые исследователи, изучающие историю скифов, возможно, грешили (и по-прежнему грешат) чрезмерной любовью к этому своеобразному народу. Первозданно-могучему, бесшабашному и выделяющемуся, благодаря своему уникальному искусству, из числа других племен, вышедших из иранского «плавильного котла». По их воле скифы (не обладавшие в действительности, как иранцы, приписываемыми им А.А. Блоком «раскосыми очами», но, вне всякого сомнения, жадные до всякого добра – естественно, чужого) ведут войны даже в далекой Месопотамии и Индии. Причем решают судьбы тамошних народов так, как те сами не смогли бы этого сделать. Может, конечно, так оно и было. Но к счастью для готов, к моменту их прихода в Скифию, когда Филимер, после долгих странствий, выслал своих первых разведчиков к городам на Гипанисе и Борисфене, к Меотийскому болоту (Синдскому, или Азовскому, морю – В.А.) и северным отрогам Тавра, военное превосходство скифов было уже в прошлом. Иначе готам пришлось бы не лучше, чем когда-то – персам «царя царей» Дария I, сына Виштаспы (или, по-гречески – Гистаспа).

Народ, поставивший скифов на грань катастрофы, сломивший их мощь и тем самым приуговивший путь мигрировавшим с севера готам, тоже явился – как и скифы несколькими столетиями ранее – из недр бескрайних восточных степей. Точней говоря, это был не народ, а целый союз племен и народов. Речь идет об уже упоминавшихся нами сарматах (именуемых Геродотом «савроматами»). В двух отношениях они превосходили скифов (своих отделенных сородичей). Во-первых, в тактике боя и вооружении. Как писал Лев Николаевич Гумилев о ветви сарматов – аланах (или асах – как тут не вспомнить об асах Одина-Вотана, пришедших в Скатиавию-Скандзу как раз из той великой степи «Светии-Свитьод», по которой кочевали асы-аланы и прочие племена сармато-арийского корня!): «... аланы... имели... сарматскую тактику боя. Это были всадники в чешуйчатой или кольчужной броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к конской шее, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня. По данному вождем сигналу отряд таких всадников бросался в атаку и легко сокрушал пехоту, вооруженную слабыми античными луками. Преимущества нового конного строя обеспечили

сарматам победу над скифами...». Возможно, у сарматов уже были стремена (вопреки мнению многих авторов, связывающих появление стремян в Европе лишь с нашествием гуннов в конце IV в. или аваров-обров в VI в. п. Р.Х.), позволявшие им снабжать своих конников, получавших за счет стремян необходимую устойчивость, тяжелыми доспехами и лучшим вооружением. В т.ч. длинными пиками и длинными мечами. Более эффективными, чем скифские легкие копья и короткие мечи-акинаки. Во-вторых, у сарматов были опытные в боевом искусстве девушки-воительницы. Ни одной сарматке не позволялось выйти замуж, не убив до этого в бою врага. Скифы называли сарматок «повелительницами мужей». Для греков же они, видимо, послужили прообразом юных воительниц-амазонок, вошедших в эллинскую мифологию.

«... жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья» – сообщает Геродот. «... относительно брака у них установлено следующее правило: никакая девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет мужчину из числа врагов. Некоторые из них, неспособные исполнить обычай, умирают в преклонном возрасте, так и не выйдя замуж».

Сведения о воинственности савроматских женщин подтверждаются археологическими находками их захоронений в воинских доспехах.

Вероятно, савроматы (как, по мнению многих – и скифы) были в числе предков позднейших славян. Сторонники этой точки зрения объясняют значение этнонима «савро-маты» следующим образом. «Свара» по-старославянски означает «война». Корень «мат» во всех индоевропейских языках означает одно и то же – «мать» или «женщина». По-видимому, первичным названием этого народа было «свароматы», т.е. «народ воинственных женщин», а последующие («савроматы», а затем «сарматы») возникли в результате его упрощения. «Сваргой» у индийских ариев назывались небесные владения воинственного бога-громовника Индры, подобие рая, в который попадают кшатрии (воины), исполнившие свой долг. Аналогом «Сварги» была германская Валгалла – чертог для избранных воинов Одина («эйнгериев»). Аналогом же арийского бога-громовника Индры у древних славян был бог Сварог – отец громовержца Перуна-Сварожича.

В 1928 г. в грузинском местечке Земо Ахвала, советские археологи нашли захороненные останки сарматской девушки-воительницы. Она была погребена в согнутом положении, с подогнутыми коленями, в полном вооружении. Рядом с амазонкой покоился в могиле ее двуострый топор. Захоронение датируется III в. до Р.Х. Эту необычную находку британский археолог русского происхождения Тамара Талбот Райс (в девичестве – Тамара Елена Абельсон) считала последним пристанищем сарматской воительницы, возможно, даже лишившейся жизни в бою со скифами. В VI в. до Р.Х. савроматы помогли скифам изгнать полчища Дария I Ахеменида. Но в III в. до Р.Х. сарматы осмелились поднять руку на самих скифов. И заняли Причерноморские степи, отрезав Скифию от греческих эмпориев-колоний, с которыми скифы так долго и успешно торговали.

Можно сказать, что готские мигранты с Севера пришли почти «на все готовое». Ибо фактически сарматы разделились со скифами еще до прихода готов в «Ауйом». Очевидно, даже до готов, проживавших в прибалтийском «захолустье» античного мира, «на задворках Экумены», доходили слухи (как всегда в подобных случаях, преувеличенные) о богатстве скифских племен и земель. Ибо торговые пути, маршруты которых нам подробно описывает Геродот, уже существовали к моменту прихода готов в дельту Вистулы. А где курсируют торговцы, там курсируют и сведения. Слухи, рассказы и их зримые подтверждения в виде греческих монет, украшений и керамики. Да и многого другого. Надо полагать, что готские первопроходцы, закрепившиеся на Янтарном берегу, с каждым годом подвергались все большему давлению. Как со стороны вновь прибывавших соплеменников, так и со стороны соседних народов, в равной степени нуждавшихся в «жизненном пространстве». И потому, возможно, готы на протяжении

жизни целых поколений толковали и мечтали о богатой скифской земле у теплого моря. О земле, казавшейся им, вероятно, «земным раем», «краем всеобщего благоденствия». Хотя – благодаря чему, собственно, скифам жилось так хорошо? Благодаря простым вещам, не считавшимся в других местах большим богатством. Они привольно жили за счет хлеба, меда, воска, мяса, молока, кож и мехов. Поскольку скифы, в отличие от жителей иных, более удаленных от теплого моря, земель, имели постоянных покупателей в Греции. Стране высокоразвитой городской культуры. Стране высокоразвитого общества. Достаточно богатого, чтобы позволить себе приобретать в большом количестве и за хорошую плату все эти товары. Обогащая этим скифов, продающих грекам все эти товары.

По мнению Тамары Талбот Райс, каждое значительное скифское племя евразийской степи переживало в своей истории собственное «золотое время». Скифы Кубанской группы одними из первых достигли уровня, позволившего им жить в роскоши и изобилии. Их захоронения (самые роскошные из которых датируются ранним VII – поздним VI в. до Р.Х.) содержали великолепные художественные изделия из золота, подлинные шедевры высочайшего ювелирного мастерства. В этой области проживания скифов число лошадей, приносимых в жертву при похоронах князей, исчислялось сотнями. Хотя власть тамошних скифских владык носила патриархальный характер. Погребальная утварь, найденная во многих подобных захоронениях, указывает на то, что и простые скифы занимались торговлей, приносившей им богатство, сравнимое с богатством их правителей.

Современными учеными вполне допускается также возможность прямых, непосредственных контактов германцев со скифами на протяжении столетий, предшествовавших Великому исходу готов. Ибо скифы не были безропотными верноподданными своих государей, покорно кочующими или пашущими землю строго в отведенных им местах. Богатые, гордые и воинственные, скифы постоянно восставали против своих князей. Хотя власть последних была, вероятно, не наследственной, а выборной. Во всяком случае, в районе Пазарыкских захоронений – несомненно, самых богатых. Нам известно одно такое мятежное скифское племя, откочевавшее от Евксинского понта к нынешнему казахстанскому озеру Балхаш («Белому морю» древних тюрок, именуемому древними китайцами «Западным морем»). Другое же скифское племя, судя по всему, перекочевало в прямо противоположном направлении, вдоль древнего торгового пути по территории сегодняшней России, на территорию нынешней Польши, и дошло до Пруссии, т.е. зоны германских племен. Местом этой встречи скифских мигрантов с мигрантами германскими была нынешняя Нижняя Лужица. Поскольку именно туда почти одновременно со скифскими переселенцами пришли германские племена, переселившиеся с северо-запада, спасаясь от наступившего там резкого ухудшения климатических условий (о котором у нас еще пойдет речь). Все более усиливавшиеся в Бойугейме кельты, германские мигранты и скифские «кентавры» стали вытеснять туземное население нынешней Нижней Лужицы – иллирийцев. Нам известно, что скифы напали на иллирийские укрепленные городища Визен и Нимич (и, вероятно, захватили их). Во всяком случае, при раскопках этих укрепленных городищ на территории Лужицы археологами были найдены типичные трехлопастные наконечники стрел, употреблявшиеся только скифами. Эти находки позволяют нам проследить путь скифских мигрантов через современную Силезию в сегодняшнюю Лужицу.

Однако самым впечатляющим свидетельством этого глубокого рейда скифов в германские области служит т.н. Феттерсфельдская находка, или Феттерсфельдский клад. Обнаруженный в 1882 г. нижнелужицким пахарем (если верить чешскому историку Яну Филипу и его немецкому коллеге Герману Шрайберу). Крестьянский плуг во время пахоты наткнулся на скифскую княжескую усыпальницу конца VI в. до Р.Х. Самым ценным артефактом, найденным в могиле, было золотое, украшенное тонкой фигурной резьбой, изображение рыбы, длиной около сорока сантиметров. Снабженное притом семью отверстиями. Наводящими нас на мысль, что владелец этого роскошного, крупного ювелирного изделия носил его при жизни

пришитым к одежде. В качестве талисмана-оберега. Вероятно, на груди, чтобы его видели другие воины (возможно, подчиненные ему). Кроме того, усыпальница содержала предметы парадного вооружения. Нагрудный панцирь (вообще-то не типичный для скифов), щит из белого золота, накладки на колчан и налуч, декоративные круглые бляхи, ювелирные изделия в скифском «зверином стиле», украшенные фигурками животных и орнаментами. И ножны меча драгоценной работы в древнеионийском стиле. Подлинный шедевр архаического греческого искусства. Сокровище, попавшее, при посредстве скифов, на территорию Нижней Лужицы из жаркой, далекой Ионии.

«Платить по счетам» тогда пришлось туземцам-иллирийцам. Судя по всему, этот народ был совершенно перемолот между скифским «жерновом» и «жерновом» германским. Никаких следов выживания иллирийцев на территории Нижней Лужицы не сохранилось. А их победители – сильные германские племена и воинственные скифы, видимо, разошлись, не войдя в боевое соприкосновение (несомненно, грозившее перерасти в войну на уничтожение). Отложив неизбежную схватку на пару столетий.

Что же доказывает «дальний поход» скифов через позднейшую Силезию в нынешнюю Нижнюю Лужицу, за семьсот лет до «дальнего похода» готов в противоположном направлении? То, что еще народы доисторической Европы были способны преодолевать расстояния во много тысяч километров. И это случалось не раз на протяжении истории. Укажем в качестве примера на стремительные конные рейды скифов, гуннов, обров-аваров и угров-венгров (предшественников, в этом отношении, монголов). Или на народы, странствующие, как готы и другие германские переселенцы, в пешем (или в смешанном, конном и пешем) строю, имея в авангарде воинские контингенты в качестве тарана.

К концу II в. до Р.Х. в северо-западной части Римской «мировой» империи и в прилегающих к ней извне областях скифских племен начали множиться признаки приближения новой волны воинственных народов, мигрирующих с бескрайнего Севера, вниз до Гипанису и Данапру. А поскольку там больше не оставалось незаселенных земель, давление передавалось от одних народов к другим, со все более далеко идущими последствиями, согласно известному закону физики. Что вселяло в скифов и римлян все большую тревогу.

Греко-римский военачальник и историк Аммиан Марцеллин писал о военных трубах, звучавших почти во всей Римской империи, против которой поднялись самые дикие племена и народы, начавшие вторгаться в ее пограничные области. О том, как одновременно с аламан(н)ами, опустошавшими Галлию и Рецию, сарматы и квады грабили Паннонию. А пикты, скотты и аттакотты постоянно досаждали бриттам (тогда еще – римским подданным):

«... в то время пикты, делившиеся на два племени, дикалидонов и вертурионов, а также весьма воинственный народ аттакотты и скотты, бродили повсюду и производили грабежи, а в приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы там, куда только могли прорваться с суши или с моря, производили грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и все опустошали. А в Африке с самого начала правления Валентиниана (римского императора Флавия Валентиниана I – В.А.) свирепствовали варвары (мавры – В.А.), совершавшие дерзкие набеги, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. А в Исаврии разбойники, расходясь шайками по соседним местам, с полной свободой предавали грабежу города и богатые виллы, принося страшный вред Памфилии и Киликии (...) аламаннский царек Рандон осуществил свой давнишний замысел и тайно проник с легким грабительским отрядом к Могонци-аку (нынешнему Майнцу в Германии – В.А.) не имевшему гарнизона. И так как именно в это время праздновался христианский праздник, то он беспрепятственно увел в плен мужчин и женщин всякого звания и наградил много домашнего имущества. Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грусам

пепла от сожженных селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох» (Аммиан Марцеллин. «Деяния»).

Разные мавританские племена беспокоили своими набегами римские колонии в Африке. Фракия же страдала от разорявших ее готских грабительских шаек.

Римская Фракия занимала восточную часть современного Балканского полуострова, т.е. его части, расположенные между нижним течением Дануба, современного Дуная, и Босфором. А готские разбойники нападали на нее, по старому скандинавскому, а если быть точнее – шведскому – обычаю не со стороны материковой суши, переправляясь через реки Тирас (ныне – Днестр) и Дануб, а по воде, переплывая Черное море, северного побережья которого достигли незадолго перед тем. Другие группы готов стали нападать на скифские города и сарматские кочевья. Судя по усилению оборонительных сооружений, городское население было начеку и своевременно подготовилось к отражению готских нападений. Богатые торговые города Припонтиды оставались господами положения еще на протяжении многих поколений. Отсидевшись под защитой мощных стен и многочисленных гарнизонов, они могли вести с новыми завоевателями Тавриды переговоры о подвозе всего необходимого, перевалочной торговле и поставках на регулярной основе готовых изделий городских ремесленных мастерских. И заключать соответствующие договоры.

Одной из скифских крепостей, успешно противостоявшей как сарматам, так и готам, и не сумевшей устоять лишь под натиском гуннов, была упоминавшаяся нами выше резиденция царей Тавроскифии. Неаполь Скифский, выстроенный царем Скилуром и его сыновьями (на территории нынешней столицы Крыма – Симферополя) для защиты от понтийского царя Митридата VI Евпатора (обожествленного еще при жизни как воплощение бога Диониса и много лет боровшегося с Римом за власть над Ойкуменной). В ходе раскопок скифского Неаполя, начатых еще в 1926 г. под руководством крымского археолога, историка, филолога и педагога Николая Львовича Эрнста, и продолженных в 1945–1960 г.г. Тавро-скифской экспедицией под руководством видного советского ученого Павла Николаевича Шульца (которой, в свою очередь, пришли на смену другие археологи), были обнаружены следы упорной осады города, датируемые концом II в. до Р.Х. Тогда осаждавшим Неаполь грекам из Херсонеса Таврического и понтийцам – удалось поджечь немало городских домов. О чем свидетельствуют черные и серые слои пепла между предшествующей времени осады и последующей застройкой.

В результате археологических раскопок городища был обнаружен мавзолей с пышными и богатыми захоронениями (целых семьдесят два погребения, в т.ч. царя, знати, с конями, оружием, множеством золотых украшений). Были открыты остатки мощной (восемь с половиной метров толщиной) оборонительной стены с двумя привратными башнями, выявлены остатки жилых и культовых построек с интересной настенной росписью. Найдены портретные рельефы, обломки статуй, постаменты с греческими надписями – посвящениями богам.

Исследовано свыше двухсот погребений – богатые фамильные склепы, вырубленные в скале, земляные склепы и грунтовые могилы рядового населения.

Судя по результатам раскопок таврического Неаполя, скифы давно уже привыкли жить не только в войлочных шатрах или кибитках. Но и в многокомнатных каменных домах. И делать запасы на случай осады, недорода и природных катастроф, Археологи нашли подземные хранилища зерна, домашние мельницы-зернотерки, полные вместительных амфор кладовые, искусно сложенные печи и высеченные в скалах хранилища для горшков, котлов, чаш и кувшинов.

Конец существованию столицы Позднего Скифского (Новоскифского, или Тавроскифского) царства, скифского «Новгорода», положили явно не явившиеся с севера готские вооруженные мигранты (преимущественно пешие). Судя по всему, готам удалось как-то договориться, по крайней мере, с частью местных жителей Тавриды. Неаполь погиб совершенно

внезапно. О чем свидетельствуют брошенное его жителями ценное имущество, детские игрушки, разбросанная повсюду домашняя утварь. Все это указывает на поспешное бегство.

Возможно – на бегство перед лицом внезапно появившихся в городе врагов. Вероятно, построенная при царе Скилуре мощная крепость была взята не правильным штурмом, после долгой осады, а хитростью или с налета. Неаполь Скифский пал в IV в. п. Р.Х. Враги – аланы или гунны – видимо, явились неожиданно, без объявления войны, без стычек в подожженных городских предместьях (или, как говорили у нас на Руси – посадах). Нежданно и негаданно. Свалившись скифам, как снег, на голову. Именно такой «блицкриг» был излюбленным способом ведения войны степными конниками – «орками-кентаврами» из кочевых племен. Не имевшими ни стенобитной техники, вроде таранов, виной, осадных башен-гелепол и т.д. Ни «артиллерии» – метательных орудий, вроде катапульт: баллист, карробаллист, онагров, скорпионов. Ни навыков, необходимых для обращения с осадными машинами. Ни терпения для взятия вражеских твердынь измором. И умевших брать города лишь одним способом. Проскакать, пригнувшись к конской холке, через открытые городские ворота мимо ошеломленной стражи. И выпрямиться на спине лихого скакуна, лишь оказавшись в самом сердце города. Когда страх при виде внезапного появления «всадников ниоткуда» уже овладел сердцами горожан, лишив их воли к сопротивлению.

## Истина, скрытая в могилах

После трехсот лет активных и все-таки скрытых от мира действий и передвижений готские мигранты дошли, наконец, до Евксинского понта. Успели смениться семь поколений готов, выступивших в поход в поисках новой родины, так и не обретенной ими, прежде чем восьмое поколение, наконец, достигло берегов далекого южного моря. Которое, возможно, большинство из странствующих готов считало сказочным, а не реально существующим. Или путало его со Средиземным морем. После казавшегося бесконечным пути через необъятную Восточноевропейскую равнину, широкие, бурные реки и безлюдные степи, их взорам предстало желанное теплое море. Море, о котором сообщали купцы и разведчики. Морское побережье с большими, хорошо укрепленными портовыми городами. Море, по которому в припонтийские гавани то и дело приплывали корабли из всех градусов и весей Римской «мировой» державы. Море, способствовавшее благорастворению воздушных масс и произрастанию плодов земных, выражаясь языком христианских священников и проповедников. И позволявшее собирать на землях Припонтиды богатый урожай.

Однако берега этого Евксинского понта, Гостеприимного моря (которое поэт Овидий, сосланный основателем Римской империи принцепсом Октавианом Августом из Рима на Тибре в далекие Томи, близ современной румынской Констанцы, «на край света», и тоскующий там по «великосветской» римской жизни, именовал в своих «Письмах с Понта» совсем иначе – «Аксинским понтом» – «Негостеприимным морем») были плотно населены. Народами, ведшими там весьма активную и довольно комфортабельную жизнь. Надо было быть столь избалованным столичной роскошью «мажором», как Овидий, чтобы считать Черное море «негостеприимным», а жизнь на его берегах – «неуютной» и достойной разве что «скорбных элегий». Припонтийские скифы, сарматы, бургунды, готы и гепиды точку зрения Овидия не разделяли. И потому старались силой завоевать себе «место под солнцем» на землях казавшихся римскому ссыльному «негостеприимным» черноморского побережья (где именно с тех пор, как, например, на месте найденного в наше время археологами городища Белинского, обнаруживают предметы связанных с готами черняховской и вельбарской культур типа керамических сосудов с нанесенными на ручки по сырой глине гребнем расчесами – свидетельством культа волос, характерного для готов, помещавших в захоронения гребни -, погребений в восточно-германской одежде – как, например, в Танаисе, каменных кругов скандинавского типа и т.д.). Суливших им наилучшие условия жизни и наилучшие пути сообщения с «главою мира». С «центром обитаемой Вселенной», куда стекались все деньги, где сосредоточены власть и могущество и главные потребители жизненных благ. Короче говоря, с Римом – «главой мира». «Рома капут мунди». Не будь в римском Средиземноморье густонаселенных территорий древних культурных народов и построенных ими мегаполисов с вечно голодным пролетариатом, все то, что добывалось и производилось на берегах Евксинского понта и складировалось для вывоза в «цивилизованный мир», не имело бы никакой ценности. Видимо, и среди готов нашлись разумные, сообразительные, опытные люди. Люди, сказавшие себе: «Все добро, что накопили здешние скифы, явно не нажито и не произведено самими здешними скифами. И не привезено к ним другими скифами. Нет, все это добро привезено из совсем иного мира. Из мира с совсем иными, более высокими, запросами. Из мира с более высоким уровнем жизни. Из мира с совсем другими проблемами. С проблемами, решить которые можно лишь с помощью здешнего зерна».

Тогдашняя ситуация весьма напоминает современную. Ни одно из природных богатств Припонтиды не представляло собой некой абсолютной ценности, само по себе. Как и нефть в наше время. Ведь современные арабы со всей своей нефтью не могли бы вырастить в пустыне даже самого крошечного растения, если бы не достижения современной техники искусствен-

ного орошения. Техники, полученной арабами (как и многое другое, вплоть до опреснителей воды) в обмен на нефть. И потому готы, завоевав силой меча новое «жизненное пространство» в Северном Причерноморье, этим отнюдь не удовлетворились. И на этом отнюдь не успокоились. Долгие странствия пробуждают в людях жажду. А жажда сродни жадности. Слово «жаждать» или «алкать», сродни слову «алчность». Продолжительные военные действия пробуждают в людях воинственность и нетерпеливость. Эти давно вошедшие в привычку воинственность и нетерпеливость невозможно утолить, если только лишь пахать, сеять и месяцами ждать очередного урожая – сколь бы богат он ни был...

С учетом этих соображений, можно найти объяснение двум историческим процессам, могущим показаться, на первый взгляд, неожиданными. Во-первых, пиратским рейдам готских морских разбойников, терроризировавших всю Припонтиду, а также все восточное средиземноморское побережье. Хотя, казалось бы, поколение готов, достигшее, после долгих странствий, Евксинского понта, не имело опыта плавания на кораблях в открытом море (ведь со времени, когда их предки переплыли Янтарное море, прошло столько лет!). Тем не менее, готские переселенцы, обосновавшиеся в солнечной Тавриде и в устье полноводного Данапра, принялись (возможно, с помощью местных корабелов – кто знает?) валить лес, распиливать бревна на доски и спускать на воду корабли. Вроде тех, на которых приплыли со «Скандзы». Снабжать их корабельными командами. И, как впоследствии другие выходцы из «Скандзы» – викинги-норманны – ходить по морю, нападать на острова и побережья. «Шарпать берега Натолии», как писал Николай Васильевич Гоголь в «Тарасе Бульбе» о позднейших козаках (возможно – отдаленных потомках припонтийских готов, о чем еще будет сказано далее). В-общем – так пиратствовать, как в Средиземноморье не пиратствовал никто уже давно. С тех самых пор, как римский полководец Гней Помпей Великий (Магн), снарядив огромный флот, смог положить конец бесчинствам киликийских и североафриканских морских разбойников. А Марк Випсаний Агриппа, зять императора Октавиана Августа – бесчинству морских разбойников сына этого самого Гнея Помпея Великого – Секста Помпея (унаследовавшего от своего действительно великого, хоть и разбитого Юлием Цезарем, отца, прозвище «Магн» лишь по недоразумению). «Вивере нон эст нецесситаре – навигаре нецесситаре эст». Т.е. «Жить не необходимо, плавать по морям необходимо». Плавать – и попутно грабить...

На все эти особенности поведения готов в Припонтиде следует обратить особое внимание. Ибо они отличали его от поведения других германских народов. Скажем, гепидов и бургундов, скиров и прочих мелких этнических групп. Образовавшихся из обломков племен, разбитых или недорезанных готами в ходе их дальних странствий. Все эти побежденные готскими мигрантами племена «северных варваров» дали готам себя вытеснить из густонаселенных припонтийских областей дальше на Запад. И несмотря на трудности преодоления пересеченной местности, направились к Карпатской горной дуге, принявшись беспокоить римскую провинцию Дакию.

С учетом этого столь разного поведения мигрировавших с севера германских племен при их появлении на границах Римской империи представляется необходимым перепроверить правильность тезиса, на протяжении многих поколений господствующего в историографии. В первую очередь – в историографии немецкой. Однако не только немецкой, но и, скажем, шведской. Ибо шведы гордились (и даже хвастались) своими готскими предками не меньше, чем немцы из Восточной Пруссии, Померании и Лаузица, хвалившиеся тем, что их родная земля в прошлом – пусть и ненадолго – была завоевана и заселена «славными готами, взявшими Рим».

Шведский историк академик Андерс Магнус Стрингольм (1786– 1862), настоящий кладезь всевозможных сведений о завоевательных войнах, утверждал в своем труде о государственном устройстве, нравах и обычаях древних скандинавов, что общей и единственной целью всех германцев было сокрушение Римской империи.

Насколько сильными должны быть вера в величие германства и неразумность составляющих его народов, если труд, столь знаменитый по сей день, начинается с настолько ложного утверждения! Ибо, во-первых, у германцев никогда не было общих целей (тем более – одной единственной). Вплоть до II половины XIX в. (да и тогда, скажем, баварцы, в отличие от прочих германских народностей, не желали «шагать в едином германском строю»). Во-вторых, германские племена воевали, главным образом, не с Римом, а друг с другом. Это – непреложный факт. Сказанное относится и к «славным готам, взявшим Рим». Ведь даже в легенде об их «великом исходе» говорится, что готы первым делом победили герулов (германцев, как и сами готы). Вслед за тем готы, как это подтверждается историческими свидетельствами, одолели гепидов (германцев), бургундов (германцев) и (по крайней мере – частично) бастарнов (опять же германцев). Не говоря уже о величайшей в мировой истории битве между древними германцами – сражении на Каталаунских полях, близ Шалона-на-Марне, в 451 г., считающейся традиционно «битвой римлян с гуннами». В этой «битве народов» готы сражались против готов, франки – против франков, гепиды – против бургундов. Если бы столь усердно постулируемое Стринггольмом (и многими другими историками после него) пресловутое германское единство существовало в действительности... Если бы германцы уже в первые века Христианской эры достигли уровня организованности, позволяющего им совершить совместную «массовую акцию»... Тогда такие выдающиеся вожди древних германцев, как князь (или герцог) херусков (предков нынешних саксонцев) Арминий (получивший, до того, когда восстал против римлян, римское гражданство и титул римского эквеса-всадника за верную службу в римском войске) и царь маркоманов (предков нынешних баварцев) Мар(о)бод (проведший юность в Риме и пытавшийся править своими германскими подданными на манер римского императора) не сошлись бы в смертельной «братоубийственной» схватке, а плечом к плечу двинулись бы совместным походом на «ненавистный Рим». Не было бы никакого продолжения императорского периода римской истории. И на долю Алариха почти не осталось бы «победных лавров». Но именно отсутствие единства среди древних германцев обогатило мировую культуру еще несколькими столетиями античности. Именно отсутствие единства среди германцев позволило достичь наивысшей точки расцвета античной цивилизации. Цивилизации, которой вплоть до времени правления римского принцепса-императора Октавиана Августа приходилось тратить немалую часть своих творческих сил и материальных средств на укрепление военно-политического могущества Рима. Позволившего ей в дальнейшем развиваться под своей защитой, в условиях «римского мира».

Конечно, автора этих строк могут упрекнуть не в попытке развеять «германский миф», а в попытке сознательно принизить все «готско-нордическое». Тем не менее, следует отдавать себе отчет в следующем. К моменту Рождества Христова германцы были неописуемо бедным, прямо скажем – нищим, первобытным народом. Во всяком случае, ни в чем не превосходившим две другие крупные этнические группы, которым было суждено, в конце концов, создать, вместе с германцами, европейскую семью народов. А именно – кельтов и славян. Тогдашние кельты, несомненно, превосходили тогдашних германцев. Как в сфере материально-технической цивилизации, так и в сфере духовной культуры. Славяне населяли самые плодородные земли, требовавшие меньших усилий для своей обработки. И потому имели больше свободного времени. Чтобы предаваться на досуге развитию прикладного искусства, ремесел, рыболовства, торговли и транспорта. Всему этому германцы противопоставляли целый ряд идеальных (т.е. не приносящих практической пользы, материальных доходов) добродетелей. Таких, как гордость, чувство собственного достоинства, чувство чести и – понятное, с учетом перечисленного выше – вечное недовольство, постоянное чувство неудовлетворенности. Неприхотливые славяне жили припеваючи (или, во всяком случае – неплохо, по своим понятиям) за счет такого монотонного занятия, как рыболовство, и кое-чем приторговывали. Привыкнув довольствоваться малым. И не желая для себя ничего большего и лучшего. Германцы же, начи-

ная с неизвестного нам сегодня момента времени, начали ощущать в себе нечто, что можно назвать поэтически «беспокойством и тягой к перемене мест» (вспомним главу X «Евгения Онегина»). Или, высокопарнопатетически, «харизмой воли к власти». А говоря прозаически, попростому – жадной добычи. Ибо передвижения народов никогда не инициировались довольными собой и всем на свете неимущими людьми. Нет, они инициировались совсем другими людьми, у которых к первейшему и самому естественному побудительному мотиву – голоду – добавлялись иные мотивы и цели. И которые они привыкли (а точнее – приучили себя) считать более высокими мотивами и целями. Как долго многочисленные и достойные во всех отношениях уважения народы могут оставаться на уровне каменного века, при отсутствии материального благосостояния и этих самых более высоких целей, мы наглядно видим на примере североамериканских индейцев. Многие из племени индейцев были так бедны, что не обладали даже гончарными изделиями. И согласовывали свои кочевые странствия со временем созревания тех или иных диких плодов, трав, корней и овощей.

С другой стороны, современные историки пишут, например, по поводу недавней находки в английском графстве Дорсет массового захоронения обезглавленных англосаксами скандинавских викингов, что помочь идентифицировать скелеты последних именно как норманнов помог их анализ, показавший, что покойные жили в регионе с гораздо более суровым климатом, чем английский. Ученые установили, что в питании этих людей было много богатых протеинами продуктов – мяса, молока, яиц. Такая диета, помогающая наращиванию мышечной массы, была характерна для викингов, останки которых были найдены на территории Швеции. Правда, речь идет об останках IX-X в. В общем, «темна вода во облацех» ...

Как бы то ни было, современные историки, исследующие жизнь древних германцев, видят многие ее особенности яснее, чем – при всем уважении! – Генрих фон Трейчке и его современники. Чей взор был, вероятно, затуманен слишком воодушевленным и усердным чтением Тацита (несомненно, идеализировавшего в своей «Германии» германцев – дабы современным ему «римлянам, сравнивая себя с германцами, стало стыдно за свои пороки») и гордостью за только что состоявшееся в Версале провозглашение, под скипетром королей Пруссии из дома Гогенцоллернов, Германского империи («Второго») рейха, казалось, идущего на смену как средневековой «Священной Римской империи» («Первому рейху»), так и «классической» Римской империи времен античности. Все это мешало им видеть очевидные, несомненные факты. Но, с другой стороны, эти талантливые исследователи еще не имели в своем распоряжении так много фактов и материалов, как сегодняшние историки, открывающие их в результате археологических раскопок в Скандинавии и Германии.

Небольшая группа хорошо осведомленных ученых, результаты работы которых, право, стоило бы популяризовать гораздо шире, чем это делалось и делается до сих пор, относятся к столь долго чрезмерно восхваляемым и превозносимым древним германцам как к обычному, скромному во всех отношениях, первобытному народу. Раскапывая их скрытые в могилах останки с помощью лопат, зондов и сит. Стараясь подобраться к ним как можно ближе – насколько это сегодня представляется возможным. Ибо германцы, поступали со своими покойниками иначе, чем, скажем, древние египтяне. Т.е. не бальзамировали их выпотрошенные предварительно тела, чтобы затем замуровать их навечно (как им думалось) в гробницах. Германцы (как, кстати, и древние греки, и римляне) долгое время, придерживались обычая кремации. Т.е. трупосожжения. Хотя (к счастью для археологов) не полного, а частичного. Да и то – не всегда с необходимой последовательностью. Эта непоследовательность дает археологам возможность обнаружить и изучить тот или иной костный фрагмент. Во-первых, в силу того, что мертвые тела сгорали не дотла, т.е. не до полного превращения в пепел (как это делается в современных крематориях). Кости очень часто оставались не сожженными, в отличие от брешней, и вместе с остатками погребального костра опускались в могильную яму, после чего засыпались землей. Даже в тех случаях, когда часть пепла помещалась в погребальную

урну. Во-вторых, эта непоследовательность проявлялась в том, что даже у народов, хоронивших своих сожженных мертвецов в таких погребальных ямах, периодически встречались не сожженные трупы и могилы с не сожженным погребальным инвентарем.

В ходе раскопок древних захоронений, прежде всего в современных южношведских областях Вестер- и Эстергётланд (Вест- и Остготланд), существование которых, кстати, ставит под сомнение господствующее представление о разделении готов на западных и восточных лишь в ходе их миграции по европейской «Большой Земле», и на одноименном острове Готланд, шведские археологи К.Э. Сальстрём, Н.Г. Гейвалль, а также Моберг, Нилен и, независимо от них – Оксенстьерна, положили немало сил на поиск доказательств проживания и сосуществования ранних готов с другими племенами «Скандзы». А гамбургский археолог и историк Рольф Гахман (Хахман) попытался, на основе этих полученной шведскими учеными первичной информации, составить себе общее представление о жизни готов в «Скандзии» до переселения значительной части этого народа на «Большую землю». При чтении их описаний древних могил и опирающихся на археологические находки соображений, можно попытаться понять язык мертвых, похороненных в древних могилах. И тогда исторические акции готских племен приобретут в наших глазах иной оттенок, и даже иной характер.

Так, на основе изучения останков, захороненных в могилах, мы увидим, что детская смертность, составлявшая в среднем около тридцати процентов, в некоторых районах, отличавшихся особо суровыми климатическими условиями, превышала пятьдесят процентов. Иными словами: из троих детей молодой готской семьи, вследствие суровых, нищенских условий жизни только двое доживали до восемнадцати лет. В особенно неблагоприятных для проживания человека районах – только один ребенок из двух. А в районе нынешнего города Банкелла в Вестра-Гёталанде на юго-западе Швеции до восемнадцати лет доживал только каждый третий ребенок...

Средняя продолжительность жизни взрослых составляла сорок лет. Если считать взрослыми готов, преодолевших восемнадцатилетний возрастной «порог» лет, т.е. без влияния высокого показателя детской смертности, который исказил бы картину. Из этого Гахман делал вывод, что семьи жителей Вестерготланда ко времени Рождества Христова были весьма немногочисленными. Сменявшие друг друга поколения не слишком задерживались на Земле. Когда на свет рождались внуки, большинство их дедов и бабок были уже мертвы. И зачастую дети были еще очень малы, когда умирали их отцы или (и) матери.

Так что население «Скандзы» росло очень медленно. А вот природные ресурсы окружающей среды исчерпывались очень быстро. Немногочисленность населения «Скандзы» не позволяла ему в крупных масштабах осваивать природу. Правда, определенная внутренняя колонизация «Скандзии» все-таки происходила. Она сопровождалась рубкой и корчеванием лесов (для т.н. подсечного земледелия). И миграцией в еще менее заселенные области полуострова. Но, видимо, готы (в первую очередь – молодые) были не слишком привязаны к «родному краю» и к «родному дому» из-за отсутствия тесной связи между поколениями. Почти не зная друг друга, коль скоро деды обычно не доживали до рождения внуков, а дети едва знали родителей. И потому им казалось легче пытаться искать счастье на чужбине. Они предпочитали этот путь постоянному вкладыванию сил и времени в возделывание скудной земли, без особой отдачи. Жилось в «родной Скатиавии» очень нелегко. Об этом наглядно свидетельствуют находки погребального инвентаря. Орудия труда, найденные в женских могилах, позволяют сделать естественный вывод, что погребенные в них покойницы работали ими при жизни.

Современные ученые установили, что германцы (по крайней мере – в Скандинавии) уже за тысячу пятьсот лет до Р.Х. вели оседлый образ жизни, Так что обычай использования женского труда (или участия женщин в труде мужчин), по крайней мере, столь же стар. Если не старше. Подобные народные обычаи остаются неизменными, пока сохраняются неизменными места поселений и внешние условия жизни. Хотя встречаются и могилы без погребального

инвентаря. Что не позволяет сделать однозначного вывода о роли женщины как помощницы мужчины во всех его занятиях. Разумеется, разделение труда между мужчинами и женщинами существовало всегда. Но чисто мужскими оставались лишь самые тяжелые и опасные виды трудовой деятельности. Например, охота, рубка леса, корчевание и обработка древесины – главного строительного материала в «Скандзии». Женщины и дети, достигшие сознательного возраста, работали в поле, ходили за скотиной, вели домашнее хозяйство. И, вероятно, даже занимались гончарным делом. Хотя, возможно под присмотром и общим руководством наставника-горшечника, опытного в своем «рукомесле». И вот еще на что стоит обратить внимание. Погребальный инвентарь не позволяет сделать вывод о существовании в указанный период заметных социальных различий между скатинавскими готами. Ни в одной из древних готских могил, раскопанных археологами в Южной Швеции, не было найдено дорогого погребального инвентаря, указывающего на принадлежность погребенных к знатному, «княжескому» роду. Или хотя бы к социальному слою, резко выделяющемуся своим богатством на фоне прочих членов сельской общины. Из этого Гахман делал вывод, что «население, видимо, состояло из мелких крестьян с незначительным имуществом и скромным благосостоянием». «Отсутствуют явные признаки социального расслоения и возникновения обособленных социальных групп. Тем не менее, заметны различия в благосостоянии. Возможно, указывающие на то, что, не только трудолюбие и умение были не повсюду одинаково велики (что естественно), но и имущество и собственность были не всюду одинаковы. Различия в авторитете (которым пользовались среди своих сородичей более трудолюбивые и умелые скатинавские готы – В.А.), несомненно, бывшие следствием подобных обстоятельств (...) еще не находили непосредственного выражения в области социальных институтов. Поскольку были, вероятно, связаны с конкретными личностями и поначалу еще не влекли за собой привилегий отдельных семейств» (Гахман).

Уделом готов «Скандии» была не полноценная, с нашей точки зрения, жизнь. А постоянная борьба за существование. Каждодневная, бесконечная, изнурительная борьба с угрозой смерти от самых разных причин, но прежде всего – от голода...

Убогая, скудная жизнь, на протяжении как минимум пятнадцати столетий ни разу не позволявшая готам достичь уровня той свободы (или возможности свободного передвижения), которую народ получает лишь тогда, когда производит немного больше того, что ему необходимо для выживания. Хотя германцы, вероятно, в разные периоды своей истории, пытались не довольствоваться скудной жизнью, позволяющей едва сводить концы с концами. Вспомним поистине героические усилия и поистине гениальную изобретательность скандинавских поселенцев в Гренландии (Туле?). Не побоявшихся тамошних суровых природных условий, И попытавшихся заняться – за Полярным кругом! – даже разведением крупного рогатого скота. Устраивая в коровниках воздушные шлюзы, задерживающие проникновение ледяного полярного воздуха, и т.д. Упорные германцы не сдавались. Несмотря на несказанную нужду, они не тупо «прозябали». Не вели «растительное» существование по принципу «день прожит – и слава богу (или, точнее, асам)». Они, несомненно, воспринимали условия своего скудного существования как постоянный вызов, постоянную опасность. И пытались избежать ее, как могли. Нагрузившись своим жалким скарбом, уходили с насиженных мест, где земля уж больше не могла их прокормить, переплывая Янтарное море. Причем не только в пору Рождества Христова, когда готы переселились массами со «Скандзы» в «Готискандзу», но и, как минимум пятьюстами годами ранее. Археологические раскопки на территории Северной и Северо-Восточной Германии, близ Балтийского побережья, указывают на наличие там поселений, принадлежащих раннегерманским колонистам. Так сказать, «пытавшим счастья за морем». В свое время это признавали даже авторы из Германской Демократической Республики (как, например, Фридрих Шлетте), естественно, вынужденные учитывать результаты соседствовавшей с ГДР страны народной демократии – Польши, и толкования результатов раскопок польскими

археологами. Тем не менее, даже они атрибутировали не только т.н. ясторскую группу археологических находок (на территории между Эльбой и Одером), но и, частично, прилегающие к ней с востока группы находок как имеющие отношение к германским племенам.

Особенности жизни германцев в областях, расположенных севернее и южнее Балтийского моря, в силу понятных причин, создавали (да и продолжают создавать) у многих авторов определенную неуверенность в том, мигрировали ли германцы с юга на север, т.е. в Скандинавию, или же с севера, т.е. из Скандинавии, на юг. Эта неуверенность нашла свое выражение даже в следующем отрывке из статьи о древних германцах в «Википедии» :

«... германские племена, изначально занимавшие территорию современной Дании и южного побережья Норвегии и Швеции (обычно этот период истории именуется тевтонским). К V веку н. э. германские племена заселили обширную территорию между Рейном и Вислой от запада к востоку, Дунаем на юге и Борисфеном и Меотским морем на юго-востоке, а также южную Скандинавию».

Т.е. получается, что германцы, изначально занимавшие Данию, южную Норвегию и Швецию (а это и есть Скандинавия), заселили южную Скандинавию только к V в. п. Р.Х. ! «Темна вода во облацех...»...

Среди захоронений материковых германцев были обнаружены и погребения иной племенной принадлежности. Указывающие на присутствие среди населения Янтарного берега также иллирийских, кельтских и балтских элементов. Эти захоронения перемежаются, порой накладываясь друг на друга. И потому трудно определить, кто был туземцем, а кто – пришельцем. Что сих пор не позволяет составить себе однозначное представление о ходе процессов переселения народов и о формировании племенных образований в период между бронзовым и железным веком. А это оставляет широкий простор для самых вольных и даже фантастических построений и умозаключений. Как ученые-марксисты из стран «социалистического содружества» (которым полагалось быть «интернационалистами по определению»), так и ученые (как правило, не марксисты) из стран «капиталистического Запада» (так гордящиеся своей строго научным беспристрастным подходом) в эпоху «холодной войны» сплошь и рядом оказывались не свободными от чувства национально-племенного превосходства. Воодушевляясь от возможности приписать костным останкам или кухонным отходам, не говоря уже о каком-нибудь изображении медведя или божка первобытных рыбаков, «несомненно, славянский», или «несомненно, германский» характер.

Ну да ладно, Бог с ними. Процитируем лучше по этому поводу старого доброго Тацита. Для нас он остается несомненным авторитетом. Невзирая на идеализацию им древних германцев. Точность и правильность сведений, приводимых Тацитом в «Германии», современные археологи склонны признавать в куда большей степени, чем их предшественники XIX и первой половины XX в.

С чувством некоторого самодовольства и даже превосходства, понятным для «цивилизованного» римлянина, живущего в зоне вполне благодатного климата (вспомним Овидия, так страдавшего от «сурового» климата «бесприютной» Припонтиды!), Публий (Гай?) Корнелий Тацит пишет:

«Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство, ибо в былое время старавшиеся сменить места обитания передвигались не сухим путем, но на судах, а безбрежный и к тому же, я бы сказал, исполненный враждебности Океан редко посещается кораблями из нашего мира. Да и кто, не говоря уже об опасности плавания по грозному и неизвестному морю, покинув Азию, или Африку, или Италию, стал бы устремляться в Германию с ее неприютной землей и суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, кроме тех, кому она родина?».

Эта родина-мать и в самом деле не слишком баловала своих сыновей (и дочерей). Ибо в эпоху бронзы в Северной и Центральной Европе по не совсем ясным по сей день причинам произошло резкое ухудшение климата. Что подтверждается данными палеоботаников, полученными в результате анализа остатков растительной пыльцы. Жизнь людей, не очень-то богатая и до этой перемены климата, стала на некоторых землях совершенно невозможной. Ибо увеличение влажности и участвовавшие холодные дожди раньше делали во многих областях возможным заниматься земледелием. Речь идет, выражаясь языком геологии, о молодых моренах с тяжелыми почвами. На которых до тех пор предпочитали селиться древние земледельцы. Как на наиболее плодородных и пригодных для обработки. Теперь же они сохранили свое значение лишь в зонах с «песочными островами» в почве. И обычно использовались лишь для скотоводства. Если население вообще оставалось в прежних местах.

Ибо немалая часть готов – вероятно, лишь после длившейся долгие годы, если не целые десятилетия, отчаянной борьбы с природой – отказалась от продолжения этой неравной борьбы и переселилась на более легкие почвы старых морен. И в расположенные, прежде всего, на территории нынешней юго-западной Швеции области с большими «песочными островами» в почвах. Немецкий археолог и историк Герберт Янкун, исследователь норманнского городища Хедебю-Хайтабу, установил, наступивший тогда расцвет скотоводства и спад земледелия. Видимо, начиная с того времени, в пору этого вызванного неблагоприятными климатическими изменениями, оскудения средств к жизни, скандинавские германцы, устав дрожать от холода и мучиться от голода в своих вечно сырых лачугах, начали впервые «искать счастья за морем». Т.е. в большом количестве мигрировать на юг через Балтийское море. Янкун даже писал (в сборнике *Archaeologia geographica* за 1952 г.) о происходившем в «Скандзе» процессе селекции. По его мнению, землепашцы мигрировали, т.е. переселялись на чужбину, в то время как скотоводы продолжали бороться на прежних местах проживания со ставшими столь неблагоприятными, влажными и холодными, погодными условиями.

Вполне можно представить себе следующую картину. Как-то предприимчивый торговец – добравшийся с дальнего юга до «Скандии» грек, иудей, сириец или армянин – поведал мокрым от дождя несчастным готским «варварам», измученным капризами погоды, теснящимся у еле тлеющего очага в промозглой и открытой всем ветрам хибаре, кашляя от дыма, дивную историю, похожую на сказку. Историю о золотом «ауйоме» – житнице на берегу теплого моря. О бескрайних золотых нивах Припонтиды. Где под яркими лучами солнца, в условиях мягкого климата, на жирном черноземе, произрастает великолепная пшеница, дающая пропитание, обеспечивающая сытую жизнь населению Восточного Средиземноморья. Разве мог рассказчик дать готовым бессильно опустить руки готским земледельцам более желанную и привлекательную цель? Существуют коллективные мечты, чарующие воображение целых народов, сохраняющие привлекательность и притягательность на протяжении целых столетий. Вспомним хотя бы Итальянские походы немцев в эпоху Средневековья и Возрождения. Странствия паломников к Святым местам. Крестовые походы для освобождения Гроба Господня от неверных. Поиски русскими старообрядцами загадочного «Беловодья», а испанцами – Сиболы, Эдьдо-радо, острова вечной молодости – Бимини. Стремление наших далеких (и не столь далеких) предков на Балканы, к Проливам, к стенам Царьграда (дабы «достигли мира мы середины»), «схватить за Золотой рог Босфорского быка» и вновь «водрузить Крест на Святую Софию». Плаванья к неведомой Южной Земле – «Терра Австралис Иногнита». Возможно, древние готы, садясь на корабли, действительно мечтали ни о чем ином, как об описанных рассказчиком золотых нивах у теплого моря. О хлебном океане щедрой земли скифов, Во всяком случае, такая мечта, такое традиционное объяснение причин массового готского исхода и такая цель представляются нам более понятными, чем постановка (кем? и когда?) чисто политических задач и целей. Чем некое якобы исконно присущее готам стремление создать свое государственное образование, а уж тем более – разрушить чужое, римское государство. Вряд ли

заливаемые непрерывными дождями и страдающие от хронического ревматизма земледельцы Вестер- и Эстергётланда имели понятие о подобных вещах...

Гахман осторожно писал в 1956 г., что попытки некоторых историков объяснить все исторические и, в том числе, социально-исторические, события только изменениями экономических форм, переменой климата, истощением почвы и т.д., представляются ему «слишком механистическими и подозрительно склоняющимися к позитивизму». Подчеркивая, что на решение готов мигрировать, вероятно, оказали влияние и другие факторы. В то же время он был вынужден признать, что эти иные факторы, если они вообще существовали, не подтверждаются материалами археологических раскопок. С другой стороны, находки археологов подтверждают, что жизнь готов улучшилась сразу же после того, как они, переплыв Янтарное море, высадились на материк. «Жить стало лучше, жить стало веселее», как говорил товарищ Сталин...

Весьма сложную картину археологических находок готских древностей, сделанных на территории между Прибалтикой и районом реки Эмс, в современной германской федеральной земле Нижняя Саксония, мы здесь подробно освещать не будем. Ограничимся лишь несколькими наиболее характерными фактами, поскольку перемещения готских мигрантов в этих широтах, не оставивших на долю археологов ни развалин храмов, ни мраморных статуй богинь, интересуют в подробностях не широкие читательские массы, а сравнительно немногочисленных «узких специалистов». «Подобных флюсу, ибо их полнота – односторонняя» (Козьма Прутков).

Даже при самом беглом обзоре готских погребений на материке сразу бросается в глаза следующее. Во-первых, в готских захоронениях заметно увеличилось количество различных предметов вооружения. Во-вторых, эти готские «воинские могилы», очевидно, принадлежали лишь определенным семействам. Можно предположить, что новые задачи, связанные с переселением и вооруженным захватом новых земель на чужбине, потребовали нового «разделения труда» среди готских общинников-мигрантов. И это «разделение труда» (или, точнее, «разделение задач»), естественно, привело к социальному расслоению готов. Ибо, привыкнув владеть мечом, силой покоряя и умирняя иноплеменников, определенная группа готских семейств, так сказать, «по умолчанию», давала почувствовать эту силу и своим же соплеменникам. Если в этом вообще была необходимость. Ведь все прочие соплеменники и без того знали, что, хотя все «родовичи» равны, но «некоторые из них – равнее». Что теперь в готской общине сосуществуют сильные и слабые. Эти новые черты были привнесены в готскую среду (довольно однородную в «Скандии») завоеваниями на материке.

Эти появившиеся различия в силе, могуществе и вытекающей из них влиятельности не всегда однозначно подтверждаются данными археологии. Но находки археологов наглядно свидетельствуют о появившихся различиях в благосостоянии. Об изменившихся имущественных отношениях. Появляются крупные усадьбы – «гарды (дворы)», или, говоря по-нашему, по-русски – «хутора» – например, «ринги» на острове Готланд, Включающие, наряду с весьма вместительным, многокомнатным главным зданием, жилым домом богатого крестьянина, – хозяйина двора –, различные пристройки, предназначенные как для содержания скота, так и для проживания домашней челяди, работников и слуг. Иными словами – дворовых, дворских, дворян, прообраза будущих дружинников (аналога позднейших скандинавских гридей, гирдманов). Поселения такого типа весьма напоминают позднейшие поселения норманнов-викингов в Гренландии. Свидетельствуют эти поселения об установлении социального строя, весьма напоминающего строй, господствовавший в заселенной норманнами Исландии эпохи саг. Здесь, с одной стороны, из крестьянского сословия постепенно выделяются особые группы привилегированных общинников, а с другой – все больше общинников, в силу своей экономической слабости, мало помалу начинает занимать в обществе подчиненное положение. «Следовательно,

к началу эпохи Великого переселения народов в Северной Европе уже произошла социальная дифференциация, почти не ощутимая незадолго до Рождества Христова» (Гахман).

Упомянутые выше новые порядки, установившиеся на готском (как принято считать) острове Готланд, были, конечно, только слабым отражением существовавших у материковых готов. Гораздо четче они прослеживаются на современном германском побережье Северного моря и в прилегающих к нему материковых областях.

Переселившиеся туда готские мигранты, оказавшись в более благоприятных климатических и географических условиях, смогли там вернуться к тем формам добывания средств к жизни, практиковать которые им стало невозможно на их «скатинавской» прародине из-за ухудшения климата. Однако для обеспечения возможности вести эту новую, лучшую, более зажиточную, жизнь, готам потребовались новые организационные формы. В «Скандии» готам не угрожали нападения внешних врагов. Не зря еще Корнелий Тацит задавался явно риторическим (по крайней мере, для него) вопросом: кто же будет по доброй воле извне устремляться в эту неприятную землю с суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, чтобы завоевать ее в качестве новой родины? А вот на новой родине готов на южном берегу Янтарного моря и на территории сегодняшней Германии все обстояло несколько иначе. Здесь врагам для нападения на готов, с целью отнять у них родину, не требовалось переплывать море. Здесь враги нападали на готов с севера и востока, а порой – еще и с юговостока и с северо-запада. Не говоря уже о врагах-туземцах, у которых готские мигранты отняли часть их исконных земель. Военное искусство, без которого готы могли спокойно обходиться на «острове Скандза», стало для них после переселения на материк жизненно важным. В результате из готской среды в «Готискандзе» выделилась особая воинская каста, приобретающая, по мере обострения конфликтов с иноплеменными соседями, все большее значение. Теперь искусный воин, обладавший выдающимися боевыми навыками, мог сделать для выживания готской общины куда больше, чем самый опытный и способный земледелец. Соответственно, увеличилось число «воинских погребений» (часто даже расположенных отдельно, в стороне от захоронений «простых смертных»), с богатым погребальным инвентарем. Некоторые из расположенных отдельно от других, одиночных «воинских могил», содержат целый комплекс воинского снаряжения, полное вооружение. Указывая на то, что в них похоронен особо высокопоставленный, знатный, т.е. известный всем и каждому своими воинскими подвигами и своим (полученным в качестве военной добычи) богатством (не зря и в нашем, русском языке так тесно связаны слова «богач», «богатство», «богатырь»). Другие «воинские могилы», также полные предметов вооружения, расположены, хотя и группами (по три-четыре), но все равно в «блестящей изоляции», в заметном удалении от кладбищ простых готских землеробов.

Подобные захоронения в археологии обычно именуют «княжескими». В особенности если они – как, скажем, т.н. Любзовский клад, обнаруженный археологами на территории Померании – содержат, наряду с оружием, еще и дорогие импортные товары, попавшие к готам торговым путем или в качестве военной добычи (не забудем, что древнегерманский эквивалент слова «князь» – «фуристо» – означало «передовой боец», «первый в бою»). Изделия, которые простой гот не мог бы себе позволить. Серебряные кубки, бокалы и чаши дорогого египетского стекла, питьевые рога-ритоны из драгоценных металлов, бронзовые миски и котлы, медные кувшины и (в погребениях женщин «княжеского сословия», также полных всяческих сокровищ) – металлические зеркала и гребни. В-общем, как писал Николай Васильевич Гоголь в «Страшной мести» о вымеченных или награбленных богатствах козака Данилы Бурульбаша: «Есть меж ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные в золото, дарственные и добытые на войне...». Кстати говоря, по одной из версий, приднепровские козаки были потомками осевших в Северном Причерноморье, на Данапре-Борисфене, готов и слившихся с ними саков (ираноязычных скифов или сарматов). Или же осевших на Данапре готов и союзных с ними

саксов (германцев). А слово «козак» происходит от слияния этнонимов «гот» + «сак (скиф)», или «гот» + «сакс». Но это так, к слову...

Выше упоминалось, что женщины готского «княжеского сословия» удостаивались столь богатых погребений, что и в их могилах археологи находят ценные, редкие, «дефицитные» импортные заморские товары вроде малоазиатских металлических зеркал. О чем свидетельствует этот факт? О том, что выдающаяся роль отдельных представителей готской общины превратилась в выдающуюся роль их семейств. Погребальных почестей удостаивался уже не отдельный готский воин, а «князь» со своими близкими сородичами. Пользующимися уважением всей готской общины, беспрекословно признающей в них своих защитников и вождей.

Содержимое готских «княжеских погребений» наглядно демонстрирует нам следующее. Относительно небольшого преимущества какого-либо готского семейства в благосостоянии, силе и влиянии достаточно для того, чтобы возвысить это семейство, остающееся, в плане имущества, все еще крестьянским, над прочими крестьянскими семействами, выделить его из их среды. Чтобы привить его представителям культурные потребности. Пробудить в них вкус к художественным изделиям. Жажду приобщения к миру красоты и наслаждений, который можно обрести там, откуда приходят эти изделия. Где-то далеко на юге, в заальпийских городах, стране бесконечного лета и бесконечного изобилия. Это стремление «жить по-княжески» захватывает и молодых женщин и девушек знатных готских родов. Начинающих осознавать, что то, чем они владеют, вполне сравнимо по ценности с серебряными кубками и бронзовыми чашами. И, подобно своим мужьям, отцам и братьям, обретающих вкус к «сладкой» жизни. Не случайной представляется, поэтому, находка в болоте Рухмоор близ Даммендорфа в округе Эккернфёрде нынешней германской федеральной земли Бранденбург подвергнувшегося естественной консервации трупа готской девушки примерно шестнадцатилетнего возраста в... мини-юбке. Юбочке около тридцати сантиметров длиной, заканчивающейся значительно выше колен. Имевшей, однако, по нижнему краю в ширину не менее ста шестидесяти пяти сантиметров. И потому, несомненно, облегавшей множеством складочек бедра юной готской кокетки. Эта мини-юбочка держалась на довольно узких ляпочках-бретельках. На плечи готской красавицы была накинута меховая курточка. Значит, в тех местах в пору ее переселения в лучший мир было достаточно холодно. Но, видимо, она и не подумала сменить свою коротенькую юбку на более длинную (и, конечно, же более теплую). Мода есть мода. А красота, как известно, требует жертв...

Не случайным представляется и другое обстоятельство. В раскопанном археологами хуторе готского «князя» под Любзовом была обнаружена мастерская золотых дел мастера. В других «градах» готских «князей» также были обнаружены мастерские ремесленников (причем не только ювелиров), старавшихся селиться поближе к богатым и постоянным заказчикам. Внося нотку разнообразия в чисто крестьянский характер поселения и существуя на первых порах «в тени» самого важного (для готского «князя»-воина и его присных) ремесленника – кузнеца, ковавшего, в первую очередь, оружие для будущих боев. Тем не менее, этот «град» был еще очень далек от «града» – поселения городского типа. И эти готские «князья» были, в сущности, не более (но и не менее), чем состоятельными хуторянами. Их надежда и мечта обрести в далекой стране вечного изобилия и непрекращающегося лета всяческие блага, блеск и богатство лежала во все еще очень отдаленной перспективе. Где-то там, на зыбкой грани двух миров – реального и воображаемого, сказочного, колыхались под солнцем далекого юга золотые от спелости хлебные поля на побережье теплого моря.

Странствуя на юг, готы, конечно же, шли туда не для того, чтобы вести войну на уничтожение с Римской империей. Не для того, чтобы сменить римлян в роли «повелителей мира». Они стремились к чему-то гораздо меньшему (что, однако, было для них чем-то гораздо большим) – к обретению доброй земли, дающей добрый урожай. Плодородные пашни, тучные нивы и пастбища с сочной травой – это и был столь желанный для готы «ауйом». То лучшее, что

могли себе представить готы на протяжении долгих десятилетий и веков своей скитальческой, бродяжнической жизни, и чего они от жизни ожидали.

## Готы под стенами Трои

Итак, теперь нам известны причины долгого готского странствия на юг. Мы можем себе представить, чего готские переселенцы ожидали от своей новой жизни на берегах Евксинского понта. И можем с большой степенью уверенности утверждать, что во II и III в. п. Р.Х. готские мигранты вовсе не имели намерения, приписываемого им многими историками Средневековья, Ренессанса, «века Просвещения» или позднейшими германофилами из академической среды. Намерения собрать, под своим руководством, в единый кулак мощь всех германских племен, дабы сокрушить Римскую «мировую» державу. Не было у готов такого намерения, повторим это еще раз для уважаемых читателей. И на то была причина, которую предводители готских мигрантов, вероятнее всего, осознавали в полной мере. Было бы просто глупо резать курицу, несущую золотые яйца. Или дойную корову, пока она исправно дает молоко. Разумнее как можно дольше питаться этим молоком, а также изготовленными из него продуктами – сыром, творогом, пахтаньем, маслом, простоквашей -, чем один раз наесться вволю мяса забитой коровы... а что потом? «Булки съедим, булочные – сожжем?»

Была у готов, впрочем, и еще одна причина не стремиться сразу же к уничтожению Рима. Укорененная, должно быть, в готском подсознании причина, которую, вероятно, осознали лишь великие готские вожди III и IV вв. п. Р.Х. В чем же она заключалась? В том, что необходимые для такого концентрического (со всех сторон сразу) нападения на Рим силы всех германцев невозможно сплотить воедино, собрать в один кулак, мирным путем. Что ради создания такого «пангерманского союза» для сокрушения Рима готам придется очень много и долго воевать с многочисленными германскими племенами (известными своей строптивостью), много и долго вести с ними переговоры и очень много чего им обещать в обмен на поддержку. Поэтому готские «князья» могли об этом, в лучшем случае, мечтать (если это вообще приходило в голову им, занятым более насущными заботами).

А вот пограбить богатых соседей, занятых внутренними «разборками», готы, естественно, были не прочь. Не отличаясь в этом отношении от прочих «варваров» :

«По ту сторону Рейна и Дуная северные страны Европы и Азии были населены бесчисленными племенами охотников и пастухов – бедных, жадных, отважных на войне и нетерпеливо ожидавших случая присвоить себе плоды чужого трудолюбия», как писал Эдуард Гиббон в своей «Истории упадка и крушения Римской империи».

Наш старый знакомец – восточноримский («ромейский») готоалан Иордан – очень заботится, в своей инспирированной Аблабием, через Кассиодора, «Гетике», о «сохранении незапятнанности риз» готского народа. Дабы представить его римлянам в качестве приемлемого во всех отношениях партнера. Он сообщает о выдающемся взлете в духовной жизни готов после их прихода в Северное Причерноморье. Или, точнее говоря – после распространения власти готов на сегодняшние румынские и болгарские области южных Балкан.

«Когда вышеназванные племена (готы «со товарищи» – В.А.), о которых мы сейчас ведем речь, жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Мэотида, то имели, как известно, королем (царем – В.А.) Филимера; на втором месте, т. е. в Дакии, Фракии и Мизии, – Залмоксеса, о котором свидетельствуют многие летописцы, что он обладал замечательными познаниями в философии. Но и до того был у них ученый Зевта, а после него Дикиней, третьим же был Залмоксес, о котором мы говорили выше. К тому же не было недостатка в людях, которые обучили бы их премудрости. Поэтому среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам...».

Сочинив сей панегирик готской мудрости и образованности, Иордан, возможно, сам счел его чрезмерно хвалебным. И потому решил, на всякий случай, чтобы не быть обвиненным в

пристрастности, заручиться свидетельством «образованного эллина», добавив к сочиненному им панегирику:

«... как передает Дион, составивший их (готов – В.А.) историю и анналы по-гречески. Он говорит, что тарабостезеи, впоследствии именовавшиеся «пиллеатами» (носящими шапки – В.А.), были среди них [готов] благородными; из их числа поставлялись и короли (цари – В.А.), и жрецы».

Дион, на которого ссылался Иордан, навряд ли идентичен упомянутому выше греко-римскому историку Диону Кассию, жившему и творившему на рубеже II и III вв. п. Р. Х. Ибо тот приводит в сохранившихся частях своей восьмидесятитомной (!) «Истории» лишь самые общие и краткие сведения о готах. Чаще всего смешивая их с другими народами Припонтиды (или же, говоря по-нашему – Причерноморья). Тем не менее, римляне очень скоро стали относиться к готам со вниманием и даже с определенной долей уважения. В силу сложившихся обстоятельств. Ибо не подлежит сомнению следующий факт. Появление готов на Понтийском побережье вскоре привело в большое беспокойство весь Черноморский регион. Его успокоение (замирение или умиротворение – как угодно) требовало от римлян постоянных, и притом немалых, военных усилий. Речь, конечно, шла (пока еще) не о крупномасштабном готском наступлении на Рим. А «лишь» о серии готских военных походов, опустошавших окраины Римской державы (а порой – и не только окраины). Причем именно походов достаточно крупных воинских контингентов (хотя и принимающих, под пером «готофила», или «филогота», Иордана, сильно преувеличенные размеры). А не просто набегов на римские земли отдельных, малочисленных конных или пеших готских разбойничьих шаек.

«Полчища скифских народов прорвались на двух тысячах судов через Боспор (Босфор Киммерийский, современный Керченский пролив – В.А.), прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад. В сражениях с варварами пали императоры Деции, отец и сын; подверглись осаде города Памфилии, опустошено было много островов, вся Македония была охвачена пламенем, в течение долгого времени была в осаде Фессалоника, а также Кизик, взят был Анхиал, и в то же время Никополь, который построил император Траян, как свидетельство победы над даками. После многих жестоких поражений с той и другой стороны разрушен был Филиппополь (современный болгарский Пловдив – В.А.), причем – если верно сообщение историков – убито было в стенах города сто тысяч человек. Пришлые враги свободно бродили по Эпиру, Фессалии и всей Греции; верховная власть была предоставлена славному полководцу Клавдию, но он пал смертью героя и прогнал их уже Аврелиан (император Луций Домиций Аврелиан, восстановитель, на краткое время, Римской империи – В.А.), человек дельный и строгий мститель за злодеяния. После этого в течение продолжительного времени варвары держали себя спокойно и ничего не предпринимали, если не считать того, что изредка в течение последующего времени их грабительские отряды совершали губительные набеги на соседние с их землей местности» (Аммиан Марцеллин).

Кстати говоря, первые упоминания античных источников о разделении готов («скифов») на две ветви – вестготов и остготов – появляются как раз во время правления упомянутого выше Аммианом «славного полководца Клавдия» – императора Клавдия II Готского (который, по другой версии, не пал смертью героя в бою, а умер от поразившей Римскую империю чумы, и к которому, кстати говоря, возводил свое происхождение первый римский христианский император Флавий Валерий Аврелий Константин, прозванный впоследствии Великим). Античные историки упоминают, что в 256 г. вестготы (визиготы, везеготы), в числе готов, переправились через Дануб в его нижнем течении и вторглись в пределы Римской «мировой» империи, наводнив сегодняшний Балканский полуостров. Исидор Гиспальский (Севильский) сообщает, что «почти пятнадцать лет они держали в своей власти Иллирик и Македонию», пока в сентябре 268 г. император Клавдий II (полное имя: Марк Аврелий Валерий Клавдий II Готский)

не нанёс вестготам поражение в битве при Наиссе (ныне – Ниш в Сербии), а император Луций Домиций Аврелиан не изгнал их из Фракии и Иллирии. В 270 г. римские войска покинули провинцию Дакию, и вестготы расселились на оставленных римлянами территориях, входящих в современную Румынию. Около 291 г., римский поэт Мамертин в «Панегирике», сочиненном в честь императора Марка Аврелия Валерия Максимиана Геркулия (более известного в римской историографии как Максимиан Геркулий), упоминает «тервингов, часть племени готов» (лат. *Tervingi pars alia Gothorum*), вступивших в союз с тайфалами для нападения на вандалов и гепидов. Тервинги, т.е. «люди лесов», «лесовики», «древляне» – раннее название вестготов (ср. с ранним названием остготов – гревтунги, «жители степей и грубых песков»). В начале VI в. наш старый знакомый Кассиодор, автор «Истории готов», переложившей и сокращенной вслед затем другим нашим старым знакомым – Иорданом –, переосмыслил эти названия и ввел в обиход новые, обусловленные географией – «восточные готы» и «западные готы». Для магистра оффиций равеннского двора остготского царя Италии Теодориха Великого новые названия отражали фактическое положение дел, ибо во времена Кассиодора вестготы (буквально: «западные готы») контролировали запад Западной Римской империи – большую часть Пиренейского полуострова и Галлии, остготы (буквально: «восточные готы») же господствовали на территории Италии, т.е. на востоке Западной империи. Но об этом мы подробнее расскажем позже...

Нам не представляется необходимым, да и, честно говоря, возможным, перечислять в настоящей книге все готские военные походы и анализировать их результаты. Во-первых, ввиду уже упоминавшегося выше отсутствия у историков единого мнения об этнической принадлежности участников грабительских набегов «варварских дружин», лишь обобщенно именуемых «готскими». Во-вторых, ввиду того, что очередной римский наместник или император восстанавливал прежнее положение, отвоевывал захваченные готами римские земли, заключал с ними очередной мирный договор... и так до бесконечности.

Дело в том, что достигнутому тогдашними готами определенному военному превосходству над римлянами весьма способствовали сотрясавшие Римскую державу постоянные гражданские войны, убийства императоров, провозглашение мятежными римскими легионами новых «солдатских» императоров и «антиимператоров» в разных пограничных провинциях. И разгоравшаяся всякий раз с новой силой кровавая междоусобная борьба между самими римлянами. Разумеется, серьезно ослаблявшая обороноспособность Римской «мировой» державы. Вместо того, чтобы отбивать от всех ее границ всяческих «варваров», хорошо вооруженные и обученные, опытные римские легионарии и ауксилиарии гибли тысячами и десятками тысяч в битвах... не с внешними врагами, а друг с другом, во славу соперничающих претендентов на императорскую власть. И где было найти им замену? Только в «варварской» среде. В тщетных попытках «изгнать бесов силой князя бесовского» (Евангелие от Луки, 11, 15).

Одним из римских императоров, обязанных своим вхождением в анналы готам (т.е. очередному готскому вторжению в римские пределы), был Деций (249–251), упомянутый в приведенном выше фрагменте аммиановых «Деяний». Римский сенатор Гай Мессий Квинт Траян Деций удостоился порфиры чуть ли не насильно, будучи провозглашен императором по воле воинов взбунтовавшихся римских гарнизонов в Паннонии, которых Деций, собственно, был послан усмирить. Однако же бунтовщики решили избежать заслуженного наказания (в тогдашней Римской «мировой» империи, согласно Аммиану Марцеллину, их могли сжечь заживо, отсечь им руки и т.д.) возведением на царство того, кто прибыл их карать. Деций (вместе со своим сыном Гереннием Этруском) вскоре погиб в битве при Абритте (в Мёзии) с теми же готами и карпами, причем вождю «варваров» Книве (видимо, отпрыску готского рода Балтов-Балтиев, второго по знатности после царского рода Амалов), как нам ни неприятно это констатировать, помогал римский полководец Приск:

«Книва же после долгой осады ворвался в Филиппополь и, завладев добычей, заключил союз с бывшим там (римским – В.А.) военачальником Приском будто бы для борьбы с Децием. Вступив в сражение, [готы] пронзают стрелой сына Деция, жестоко ранив его насмерть. Увидев это, отец, как рассказывают, произнес для укрепления духа воинов: «Пусть никто не печалится; потеря одного воина не есть ущерб для государства». Однако, не будучи в состоянии перенести горе отца, он нападает на врагов, ища либо смерти, либо отмщения. Под Абриттом, городом в Мезии (сегодняшнем болгарском Разградом – В.А.), он был окружен готами и убит, достигнув, таким образом, конца своего правления и предела жизни» («Гетика»).

Печальная история... Горьки плоды измены... Впрочем, дело-то в другом.

В том, что, благодаря своим мирным (и не мирным) контактам готы вскоре стали очень точно разбираться, а порой – принимать весьма активное участие – во всем, творившемся в Римской империи. Избавившись постепенно от своего изначального, присущего на первых порах всем «варварам», страха перед легионами. Этот страх окончательно исчез, когда измельчавшие «потомки Ромула» стали пытаться защититься от досаждавших им готов и готских союзников не в духе староримской доблести – силой оружия в полевых сражениях -, а тем же способом, что и спустя триста лет – от разбойничьих полчищ «последних гуннов» во главе с сыновьями «Бича Божьего» Аттилы. Поскольку обескровленных в междоусобных войнах римских легионов уже не хватало для эффективной защиты имперских границ, римляне взяли себе в союзники суровую природу нынешних Балкан (тогдашних Гема и Родоп). Они принялись возводить укрепления в различных, важных в стратегическом отношении пунктах. И заманивать готов, вандалов и карпов, наверняка, хуже знакомых с местностью, чем сами римляне, в ловушки. «Вытеснив врага за обрывистые склоны Гема, они (римляне – В.А.) заняли крутые горные проходы, чтобы, отрезав варварам всякий выход, взять их измором» (Аммиан Марцеллин). Вынуждая то или иное мелкое «скопище» (с римской точки зрения) готов «со товарищи», полумертвых от голода, жажды и бессильной ярости, сдать на милость победителей. Однако крупным готским «скопищам» обычно удавалось вырваться из кольца «голодной блокады» на «оперативный простор». «Как дикие звери, сломавшие свои клетки», (Аммиан), готы со всей накопившейся яростью и неутоленной алчностью, грабили и опустошали римские земли за Гемом и Родопскими горами.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент из марцеллиновых «Деяний» :

«Безнаказанно рассыпались они (готы – В.А.) для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. Тут можно было наблюдать жалостные сцены, которые ужасно было видеть и о которых равно ужасно повествовать: гнали бичами пораженных ужасом женщин, и в их числе беременных, которые, прежде чем разрешиться от бремени, претерпевали всякие насилия; малые дети хватались за своих матерей, слышались стоны подростков и девушек благородного происхождения, уводимых в плен со скрученными за спиной руками. За ними гнали взрослых девушек и замужних женщин с искаженными от плача чертами лица, которые готовы были предупредить свое бесчестие смертью, хотя бы самой жестокой. Тут же гнали, как дикого зверя, свободнорожденного человека, который незадолго до этого был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту: в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках» («Деяния»).

Вместе с Иорданом и только что процитированным Аммианом мы с вами, уважаемый читатель, погрузились в ужасающую повседневность полутора столетий почти непрерывных готских грабительских набегов на восточную Фракию. Мало различавшихся по своим целям и методам. Но если Иордан пытается героизировать историю готов, Аммиан, грек на рим-

ской военной службе, в первую очередь делится с читателем своими личными впечатлениями. Поседелый под римским шлемом, он лично принимал участие в военных действиях на разных «фронтах», многочисленных боях и походах. А о тех операциях, в которых ему не довелось участвовать лично, компетентно судил с точки зрения офицера Генерального штаба (выражаясь современным языком). Именно аналогичную должность Аммиан Марцеллин занимал в 353–360 гг. при военном магистре Урсицине (Урзицине), верном соратнике первого римского императора-христианина Флавия Валерия Аврелия Константина, вошедшего в историю как Константин Великий. Так что Аммиан хорошо знал, о чем писал. В дошедших до нас книгах своего исторического труда он подверг жесточайшей критике в первую очередь своих же римских соотечественников. Стронников различных клик и партий, ослаблявших своим противостоянием все римское общество. А также придворных интриганов и завистников, портивших жизнь наиболее выдающимся полководцам, вроде Урсицина (судя по имени – служилого германца, вероятно, родича одноименного с ним царька аллеманов). И потому мы склонны больше доверять тому, что пишет греко-римский военный историк о тогдашних «варварских» народах (включая – при всем уважении! – готов), как современник и очевидец их вторжений, чем хвалебным гимнам, сочиненным полуголом Иорданом в честь своих готских предков.

В «Деяниях» Аммиана о готских военных обычаях написано много такого, что трудно совместить со светлым образом германского воителя. Воина «без страха и упрека» в стиле Макса фон Шенкендорфа, или Генриха фон Клейста. «Виртуозов пера», вдохновлявших в начале XIX в. своими романтическими фантазиями немецких патриотов на борьбу с «наследственным врагом» – французами Наполеона, или, скажем, с образами германских ратоборцев из историко-патриотических романов Вальтера Блёма. Когда читаешь в аммиановых «Деяниях» не просто об убийстве, но о «растерзании» (буквально: «расчленении») богатого свободнорожденного человека (вероятно, готские вооруженные грабители терзали его тело пытками, чтобы заставить римлянина рассказать, где спрятаны его сокровища), то... Поневоле вспоминаешь не героических и добродетельных германцев Тацита, а пиратов Карибского моря (но только не «киношных», а всамделишных). А также – в порядке конструктивной самокритики – набег отдаленных родичей и потомков «наших готов», киевских варяго-русов Рюриковичей – Олега или Игоря – на земли Восточной Римской («Греческой») империи из «Повести временных лет» :

«В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки "Великая Скифь". И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду: греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замутили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги...

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю (ромейскому императору – В.А.), что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили – одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств»...

И далее по тексту...

Что ж, не зря, вероятно, кумир советских довоенных молодых читателей Аркадий Гайдар писал, что «жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На

самом деле они готовили краснозвездную крепкую гвардию» или, иными словами, старались, чтобы дети вырастали хорошими солдатами. Но социально-политический заказ и историческая правда – это «две большие разницы», как говорят в Одессе...

И вот мы приходим к осознанию этой неприглядной правды, отрицать которую невозможно. Несмотря на вполне понятное, с педагогической точки зрения, желание, например, школьного учителя истории насколько можно, приукрасить ее в глазах своих учеников. В «книге книг» всего просвещенного человечества – гомеровском эпосе о Троянской войне и ее последствиях, так замечательно переведенном для наших предков и нас, многогрешных, такими виртуозами пера, как Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский и прочие светочи русской изящной словесности, безо всяких прикрас описаны воинские обычаи героической эпохи греческой истории. Эпохи, которую товарищ Фридрих Энгельс назвал в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» периодом военной демократии или высшей ступенью варварства. «К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов» (Энгельс). Что же мы видим у Гомера? Захваченные города подвергаются столь основательному разграблению и разгрому, что жизнь в них зачастую прекращается навсегда. «Что в городах разоренных мы добыли, все разделили» – говорит воспетый Гомером герой Ахилл(ес). Страбон и Геродот приводят нам целый ряд названий таких городов, некоторые из которых известны нам еще по «Илиаде» Гомера. Победители уносят из разоренных ими городов награбленное добро («рухлядь», как говорили у нас на Руси) на своих собственных плечах или на плечах своей двуногой добычи. Или, говоря по-древнерусски – «челяди». Захваченных во взятых городах мужчин обычно убивают. За исключением военнопленных, взятых в полевом сражении. Ведь добровольная сдача врага в плен сокращала время битвы. Если бы враг не мог рассчитывать на пощаду, он продолжал бы драться до последнего. Что, естественно, влекло за собой дополнительный риск для победителя. Всех женщин и детей без исключения порабощали (обращали в рабство). Ибо города-государства остро нуждались, так сказать, в «служебном персонале». Т.е. в бесправном низшем социальном слое. Предназначенном для выполнения всевозможных работ. И оказания всевозможных услуг. Как в государственном, так и в частном хозяйстве. Причем женщины-пленницы рассматривались, прежде всего, как вещь.

Когда Хриз, жрец бога Аполлона, просит предводителя ахейского войска под Троей царя Агамемнона вернуть ему, за выкуп, свою плененную ахейцами дочь Хрисеиду, Агамемнон гневно отвечает просителю:

«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!  
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!  
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.  
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,  
В Аргосе, в нашем доме, от тебя, от отчизны далече -  
Ткальный стан (ткацкий станок – В.А.) обходя или ложе со мной  
разделяя.  
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

(«Илиада». Песнь первая. Язва).

Восприятие пленниц в качестве материальной ценности выражалось в том, что взятых в плен девушек или женщин было принято, наряду с другими сокровищами, дарить боевым товарищам. В том, что девушек и женщин объявляли призом победителю в состязаниях. Или обещали в награду за особые заслуги. Захваченных в качестве добычи девушек и женщин распределяли среди победителей по жребию. Правда, в отличие от всей прочей добычи, их, похоже, не использовали в качестве предмета меновой торговли. Нередко стоимость пленницы, коле-

бавшаяся, в зависимости от ее возраста, навыков, физических и умственных способностей и качеств, устанавливалась достаточно точно. Она равнялась, скажем, у Гомера в «Илиаде», стоимости четырех волов. В то время как, скажем, медный треножник стоил в три раза дороже – двенадцать волов.

Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;  
Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,  
И красноопоясанных жен, и седое железо.  
Первые быстрым возницам богатые бега награды  
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,  
Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник -  
Первому дар; кобылица второму шестигодовая,  
Неукрошенная, гордая, в недрах носящая меска;  
Третьему мзду – не бывший в огне умывальник прекрасный,  
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;  
Мзду четвертому золота два предложил он таланта;  
Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.

*(«Илиада». Песнь двадцать третья. Погребение Патрокла. Игры).*

Впрочем, нам совсем не обязательно воскрешать в памяти эти воинские обычаи древних греков героической эпохи. Древние римляне вели себя ничуть не лучше. Они также неизменно обращали военнопленных, как мужчин, так и женщин, в бесправных рабов. Первым зримым свидетельством этого порабощения было торжественное выставление напоказ материальной и двуногой добычи, челяди, в ходе триумфальных шествий победоносных римских полководцев – императоров и в то же время триумфаторов – по улицам «вечного города» Рима, «столицы Вселенной».

Поэтому писатели-германофилы вроде Тацита и Иордана не находили ничего особенного в жестокостях, творимых готами «со товарищи» во время грабительских набегов и походов на римские земли. По крайней мере, ничего, что побудило бы их к пересмотру своих взглядов на германцев вообще и отдельные германские племена – в частности. А жертвам «варварских» набегов было, конечно, все равно, кто именно их разоряет, режет и порабощает – скифы, бастарны, сарматы или готы. Римские монеты, найденные в районе между Богшаном и Рафной, на территории бывшей имперской провинции Дакии, были кладом, скрытым своими владельцами в земле от напавших на Дакию грабительских шаек смешанного состава, в которые входили готы и карпы (последние, по мнению Моммзена, идентичны ираноязычным роксоланам). Эти монеты пролежали в земле более полутора тысяч лет, прежде чем были откопаны. Значит, их владельцам удалось-таки осуществить свое намерение – готы и карпы клад так и не нашли. Другой вопрос, пережили ли владельцы зарытых в землю римских монет «варварский» набег (а возможно – и допрос «с пристрастием»)? Или же смогли найти спасение в бегстве? Во всяком случае, вернуться, чтобы откопать зарытый клад им, как это ни печально, так и не довелось.

Кассиодору и Иордану не удалось связно изложить ход готских грабительских набегов. Но они, по крайней мере, перечислили ряд наиболее известных городов, разгромленных и опустошенных готами. И тем самым дали нам представление о территориальных масштабах готских «походов за зипунами» (используя выражение вероятных потомков готов – казаков атамана Степана Разина). Пришедшихся на период с 196 г. (года временного прекращения регулярной торговли по «Янтарному пути») по 371 г. (год начала гуннского вторжения). И достигших своего апогея в годы правления римского императора Публия Лициния Эгнация Галлиена (253–268). Когда ослабленную неудачной войной с персами, взявшими в плен импе-

ратора Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана (вот какой «чудовищной длинноты» достигали имена особо знатных римлян!) «мировую» Римскую державу сотрясали военные мятежи борющихся за императорский венец и багряницу тридцати двух (!) эфемерных узурпаторов (так называемых «тридцати тиранов»), ослепленных призрачным блеском императорского пурпура. А слабовольный император Галлиен, похоже, равнодушный к участи своего томящегося в плену у персов августейшего отца Валериана, реагировал на весть об утрате Римской державой богатой провинции Сирии легкомысленным замечанием: «Ну что ж, обойдемся без сирийских пирогов», в ответ на весть об утрате империей Галлии – замечанием: «Ну что ж, обойдемся без галльских плащей» и т.д.

Но главное в другом. При внимательном прочтении Кассиодора-Иордана нам бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, одна из причин успешности готских набегов заключалась в том, что они выступали в союзе с одними римлянами против других римлян. А измельчавшие «потомки Ромула» не упускали случая, воспользовавшись готами в качестве средства к собственному успеху (хотя и в ущерб Римской державе), половить рыбку в мутной воде:

«Тогда-то некий Эмилиан, из-за того что по причине небрежения императоров готы нередко разоряли Мизию, усмотрел, что возможно отнять ее без большого убытка для государства, а также сообразил, что тут-то и может случиться ему удача. Поэтому он захватил тираническую власть в Мезии и, перетянув к себе все военные отряды, начал разорять города и население. В течение немногих месяцев, пока выросло нужное для борьбы с ним множество военного снаряжения, он причинил государству немалый вред. Однако, пустившись на это нечестивое дело, он в самом начале его и погиб» («Гетика»).

Во-вторых, оба автора готской истории – как образованный и старающийся судить, по Тациту, «сине ира эт студио» – «без гнева и пристрастия» – Кассиодор, так и менее осведомленный, местами прямо-таки наивно-доверчивый панегирист Иордан – явно смущаются и становятся достаточно скупыми на слова при необходимости описывать сомнительные «подвиги» главных героев своего повествования. «По причине небрежения императоров готы нередко разоряли Мизию» («Гетика»). Зато оба историка с явным облегчением «растекаются мыс(л)ью по древу» в тех местах своего повествования, где его герои, в виде исключения, предаются, так сказать, «невинным шалостям» :

«... императоры Галл (Гай Вибий Требониан Галл – В.А.) и Волузиан (Гай Вибий Волузиан, сын этого самого Галла – В.А.) < ... > лишь только достигли власти, заключили союз с готским племенем. Спустя недолгое время, после того как пали оба правителя, Галлиен захватил принципат (императорский престол в Риме – В.А.), дав волю своему буйству. Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взяли корабли (пираты-«варвары» часто использовали для совершения своих набегов корабли флота эллинистического Боспорского царства, чья зависимость от Рима давно стала чисто формальной, а то и суда подданных самой Римской державы – В.А.) и, переправившись через пролив Геллеспонтский (Дараданеллы – В.А.), перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли славнейший храм Дианы, который < ... > был основан амазонками» («Гетика»).

Расположенный в Малой Азии (близ нынешнего турецкого города Сельчук) греческий мегаполис Эфес (Ефес) был одним из крупнейших и знаменитых городов Древнего мира. Эфес, игравший большую культурно-экономическую роль еще в доримский период, сохранил ее и под властью римлян, в том числе в эпоху раннего христианства. Считается, что основателем первой христианской общины в Эфесе был сам святой Павел, «апостол язычников». Упомянутое в «Гетике» святилище богини Дианы (у греков – Артемиды, между прочим, покровительницы амазонок), по-гречески «Артемисий», располагалось примерно в двух милях от городских стен, на равнине, в самом конце дороги, предназначенной для священных процессий. Эта дорога, соединявшая Магнесийские ворота Эфеса с Артемисием, была обрамлена великолепной крытой колоннадой. Все пошло прахом! Надо думать, напавшие на Эфес гот-

ские герцоги-воеводы Респа, Ведук и Тарвар стремились вовсе не к сознательному осквернению святилища Дианы-Артемиды (хотя, с другой стороны, как выяснилось по ходу дела, и не имели ничего против его осквернения). В античности все крупные храмы (не исключая и Иерусалимского) были не только святилищами, но и крупнейшими банками, ссудными счетами и пунктами обмена валюты. Так что целью набега готов на эфесское святилище Дианы был не священный алтарь божественной сестры Феба-Аполлона, а копившиеся веками в храмовой сокровищнице Артемисия (как и в сокровищницах храмов множества иных богинь и богов) богатые дары благочестивых богомольцев и паломников и денежные средства. Из-за этих сокровищ Эфес был впервые сожжен еще в 678 г. до Р.Х. Поэтому то, что было раскопано в Эфесе за десятки лет археологами, относится преимущественно к римской эпохе. Все более раннее уже украли раньше. От храмовых приношений греческой эпохи мало что осталось. Будь к моменту готского набега еще жив писатель Ахилл Татий, он мог бы с полным основанием обратиться к любому из герцогов явившихся в Ионию из покоренной готами Тавриды «скифов» с гневными словами из своей знаменитой во всем античном мире повести «Левкиппа и Клитофонт»: «В Скифию ты превратил Ионию, в Эфесе льется кровь, словно в стране тавров». Но, к счастью для себя, Татий до опустошительного «тавроскифского» набега не дожил...

«Перейдя в область Вифинии, они (готы – В.А.) разрушили Халкедон (гарнизон этого города при приближении готов просто разбежался – В.А.); впоследствии частично восстановленный Корнелием Абитом (Авитом – В.А.); и до сегодня, несмотря на то, что Халкедон имеет счастье быть в соседстве со столицей, он тем не менее сохраняет некоторые знаки своего разрушения как указание потомству. При такой удаче готы, вторгшиеся в области Азии, забрав добычу и награбленное, снова переплывают Геллеспонтский пролив; по пути они разоряют Трою и Илион, которые, едва успев лишь немного восстановиться после Агамемноновой войны, снова оказались разрушенными вражеским мечом (вообще-то со времен Гомера считалось и считается, что Троя и Илион – не два разных города, а два разных названия одного и того же города, взятого хитростью и разрушенного древними греками – ахейцами или данайцами – под командованием царя Микен Агамемнона; то ли Иордану это было, в силу пробелов в образовании, неизвестно, то ли в эпоху готских набегов на месте древней Трои-Илиона действительно существовало два населенных пункта, один из которых назывался Троей, а другой – Илионом – В.А.). После такого разорения Азии испытала их зверство Фракия. Там они приблизились и подступили к городу Анхиалу, у подножия горы Эма (Гема, нынешних Родопских гор – В.А.), близ моря. Этот город некогда поставил между морским побережьем и подножием Эма Сарданафал, царь парфянский. Рассказывают, что [готы] оставались там много дней, восхищенные банями на горячих водах, расположенными на двенадцатой миле от города Анхиала, где из глубины пробиваются огненные источники; среди всех остальных неисчислимых в мире мест с [горячими] термами это, несомненно, главные и наиболее действенные для здоровья страждущих. Оттуда вернулись они в свои места (т.е. в свой благодатный «ауйом» меж Борисфеном и Тавридой – В.А.) («Гетика»).

Итак, взяв Трою-Илион (причем, в отличие от греков Агамемнона – не хитростью, а приступом, или, как говорили наши предки – «на копье», без помощи Троянского коня), готы позволили себе краткую передышку. Чтобы смыть с себя кровь и пот сражений (а заодно – конечно же, грехи) в горячих источниках крошечного, но хорошо укрепленного городка, обретшего бессмертие благодаря Публию Овидию Назону. Упомянувшему его в одной-единственной строчке своих «Тристий». Знаменитых «Скорбных элегий», сочиненных угасавшим от тоски по изгнанному его навечно «Граду» поэтом-плейбоем, сосланным за «аморальный образ жизни» принцем Октавианом Августом в «суровую» Тавриду:

«Вскоре возвышенных стен Анхиалийских достигь» (I, 10. 35).

Судя по всему, этот поход готов «за зипунами» представлял собой морскую экспедицию с высадкой десанта, вскоре возвратившегося с добычей на кораблях. Так что от готского набега

пострадали лишь прибрежные римские области и города. В описываемое время Эфес располагался еще у самого моря. От которого его сегодня отделяют семь километров суши. Ибо море с тех пор отступило. Невольно напрашиваются параллели между морскими набегами готов и начавшимися восемью столетиями позже морскими рейдами других скандинавских грабителей – викингов. Правда, морские экспедиции этих отдаленных потомков готских «северных людей» приобрели гораздо больший, почти что всемирный, размах. Далеко превзойдя в этом отношении морские рейды их отдаленных готских предков, как известно, так и не доплывших до Исландии, Гренландии, Винландии (сегодняшней Америки).

Историки до сих пор задаются вопросом, кем следует, прежде всего, считать норманнских викингов. Чрезвычайно подвижным разбойничьим племенем? Или народом величайших основателей средневековых государств (пусть и пользовавшихся весьма нетрадиционными методами)? У нас же возникает вопрос к Иордану: как понимать его фразу о том, что готы вернулись «в свои места»? Означает ли упомянутое им возвращение готских «викингов» в «свои места», что готы вернулись к себе на родину? И на какую именно родину?

Действительно ли территория нынешней южной России (названной более поздними, норманнскими, викингами, «Эстервег» или «Аустрвег» – «Восточный путь», а затем – Аустррики – Восточная держава и, наконец, Гардарики – Держава городов) уже стала к описываемому времени для готов новой родиной? Создали ли мигрировавшие на юг германские переселенцы в сегодняшней южной России нечто большее, чем удерживаемые с большим трудом, постоянно обороняемые от наседавших со всех сторон противников опорные пункты, (или, по Марксу, «стоянки»)? «Разбойничьи гнезда», вроде позднейшей Запорожской Сечи, откуда готы периодически выходили на грабеж и куда периодически возвращались «дуванить» добычу и зализывать раны?

На этот счет существует множество самых разных мнений. Как правило, мнения советских историков расходились с мнениями историков не советских. По крайней мере, после разгрома в тридцатые годы XX в., как «антинаучной», школы правоверного марксиста академика-большевика Михаила Николаевича Покровского, придерживавшегося самой что ни на есть «норманнской» теории происхождения российской государственности. М.Н. Покровский (подобно своим «непролетарским» предшественникам Николаю Михайловичу Карамзину, Сергею Михайловичу Соловьеву и прочим) опирался на версию, изложенную в «Повести временных лет» (долгое время приписываемой киево-печерскому монаху-летописцу Нестору), об основании первого в истории России государства от Ильмена до Днепра варягами Рюриком, Олегом и Игорем «со товарищи». Чье норманнское (скандинаво-германское) происхождение не подвергалось сомнению никем из известнейших русских историков (кроме, разве что, Михаила Васильевича Ломоносова), да и товарищем Карлом Марксом. Приведем в качестве подтверждения обширную, но необходимую, на наш взгляд, цитату из главы четвертой уже цитировавшегося нами выше труда Маркса «Разоблачение дипломатической истории XIII века», извиняясь перед уважаемым читателем за небольшой – неизбежный – повтор:

«... Нам указывают на Олега, двинувшего 88 000 человек против Византии, прибывшего в знак победы свой щит на вратах ее столицы и продиктовавшего Восточной Римской империи позорный мир; на Игоря, сделавшего эту империю своей данницей; на Святослава, с торжеством заявившего: «Греки снабжают меня золотом, дорогими тканями, рисом, фруктами и вином, Венгрия доставляет скот и лошадей, из России я получаю мед, воск, меха и невольников»; на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию, заставившего греческого императора... выдать за него свою дочь, соединившего военную власть северного завоевателя с теократическим деспотизмом порфирородных и ставшего одновременно господином своих подданных на Земле и заступником их на небесах. Несмотря, однако, на известные параллели... политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России. То была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших

Европу... Готический (у Маркса *gotisch*, т. е. буквально «готский». – В.А.) период истории России составляет, в частности, лишь одну из глав истории норманнских завоеваний. Подобно тому как империя Карла Великого предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, прибалтийских поселений, Турции и самой Московии. Быстрый процесс расширения территории был не результатом выполнения тщательно разработанных планов, а естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний – вассалитета без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани, причем необходимость дальнейших завоеваний поддерживалась непрерывным притоком варяжских авантюристов, жаждавших славы и добычи. Вождей, у которых появлялось желание отдохнуть, дружина заставляла двигаться дальше, и в русских, как и во французских землях, завоеванных норманнами, пришло время, когда вожди стали посылать в новые грабительские экспедиции своих неукротимых и ненасытных собратьев по оружию с единственной целью избавиться от них. В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы. Если славянские племена удалось подчинить не только с помощью меча, но и путем взаимного соглашения, то эта особенность была обусловлена исключительным положением этих племен, территории которых подвергались вторжениям как с севера, так и с востока и которые воспользовались первыми в целях защиты от вторых. К Риму Востока (Константинополю-Царьграду – В.А.) варягов влекла та же магическая сила, которая влекла других северных варваров к Риму Запада. Самый факт перемещения русской столицы – Рюрик избрал для нее Новгород, Олег перенес ее в Киев, а Святослав пытался утвердить ее в Болгарии (Переяславце-на-Дунае. – В. А.), – несомненно, доказывает, что завоеватель только нащупывал себе путь и смотрел на Россию лишь как на стоянку, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге. Если современная Россия жаждет овладеть Константинополем, чтобы установить свое господство над миром, то Рюриковичи, напротив, из-за сопротивления Византии при Цимисхии были вынуждены окончательно установить свое господство в России.

Могут возразить, что здесь победители слились с побежденными скорее, чем во всех других областях, завоеванных северными варварами, что вожди быстро смешались со славянами, о чем свидетельствуют их браки и их имена. Но при этом следует помнить, что дружина, которая представляла собой одновременно их гвардию и их тайный совет, оставалась исключительно варяжской, что Владимир, олицетворяющий собой вершину готической России, и Ярослав, представляющий начало ее упадка, были возведены на престол силой оружия варягов. Если в этот период и нужно признать наличие какого-либо славянского влияния, то это было влияние Новгорода, славянского государства, традиции, политика и стремления которого были настолько противоположны традициям, политике и стремлениям современной России, что последняя смогла утвердить свое существование лишь на его развалинах. При Ярославе верховенство варягов было сломлено, но одновременно исчезают и завоевательные стремления первого периода и начинается упадок готической России. История этого упадка еще больше, чем история завоевания и образования, подтверждает исключительно готический характер империи Рюриковичей... Таким образом, норманнская Россия совершенно сошла со сцены, и те немногие слабые воспоминания, в которых она все же пережила самое себя, рассеялись при страшном появлении Чингисхана» (Карл Маркс. Разоблачение дипломатической истории XIII века, глава четвертая, цитируется по книге: Л. Н. Гумилев. Черная легенда. Друзья и недруги Великой Степи. Экопрос, 1994. с. 464, 465, 466, 467).

Тщательно штудировавший Маркса, его верный последователь и негибачаемый большевик из рядов ленинской «старой гвардии» товарищ Покровский так и писал на с. 22–23 своей «Русской истории в самом сжатом очерке»

«... Что касается общественного устройства тогдашних славян, то о нем греки могли только рассказать, что славяне распадутся на множество отдельных маленьких племен, кото-

рые постоянно между собой ссорятся. Воспоминания об этих постоянных ссорах между племенами сохранились еще и в преданиях о начале «русского государства», которое летопись относил к середине IX в. – лет значит через триста после того, как появились первые известия о славянах. Но по этому преданию, основателями первых больших государств на Восточно-европейской равнине были не славяне, а пришлые народы: на юге – хозары (хазары – В.А.), пришедшие из Азии, а на севере – варяги, пришедшие со Скандинавского полуострова, из теперешней Швеции. Потом варяги победили хозар и стали хозяевами на всем протяжении этой равнины.

Это предание новейшие историки часто оспаривали из соображений патриотических, т. е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы. На самом деле это не менее и не более обидно, чем то, что Россией с половины XVIII в. управляло, под именем Романовых, потомство немецких, голштинских герцогов (подлинные Романовы вымерли в 1761 г. в лице дочери Петра I – Елизаветы, у которой не было детей). То есть это вовсе никакого значения не имело, и то, что первые новгородские и киевские князья, которых мы знаем по именам, были шведы по происхождению (что несомненно), совсем неважно. Гораздо важнее было то, что эти шведы были рабовладельцами и работоторговцами: захватывать рабов и торговать ими было промыслом первых властителей русской земли. Отсюда непрерывные войны между этими князьями, – войны, целью которых было «ополониться челядью», т. е. захватить много рабов. Отсюда их сношения с Константинополем, где был главный тогда, ближайший к России, невольничий рынок. Об этом своем товаре, «челяди», первые князья говорили совершенно открыто, не стесняясь: один из них, Святослав, хотел свою столицу перенести с Днепра на Дунай, потому что туда, к Дунаю, сходилась «всякое добро», а среди этого «всякого добра» была и «челядь». Кроме этого на рынок шли и продукты лесного хозяйства – меха, мед и воск. Это все князья добывали «мирным путем», собирая в виде дани со славянских племен, которые им удалось покорить. Но рабы были самым важным товаром, – о них больше всего говорится в договорах первых русских князей с греческими императорами.

Первые русские «государи» были таким образом предводителями шаек работоторговцев. Само собою разумеется, что они ничем не «управляли»; в X в. например князь и в суде еще не участвовал. Только с XI столетия князья начинают понемногу заботиться о «порядке» в тех городах, которые образовались мало-помалу около стоянок работоторговцев. Дошедшие до нас письменные памятники изображают именно городской быт и городскую жизнь. Население этих городов было не чисто славянским, а очень смешанным. Туда стекались торговцы и просто беглецы из разных стран, куда ходили русские купеческие караваны. Именно это смешанное население и получило раньше всего название «Руси» – от прозвища, которое финны дали шведам, приезжавшим в Финляндию через Балтийское море. Шведы составляли первое время господствующий класс этого городского населения: имена первых князей и их ближайших помощников, бояр, сплошь шведские, как мы уже упоминали. Греческие писатели приводят несколько тогдашних «русских» слов, и они все заимствованы из шведского языка. Самое слово «князь» происходит от шведского «конунг», а другое всем знакомое слово «витязь» – от такого же шведского «викинг». Но большинство городского населения было славянское, и князья с их боярами скоро среди него ославились. В конце X в. все князья носят уже славянские имена (Святослав, Владимир, Ярослав и т. д.) и говорят не по-шведски, а по-славянски.

Кстати говоря, книге товарища Покровского, объявленной «антинаучной», «антиленинской» при верном марксисте и ленинце товарище Сталине (так якобы гордившемся вошедшим в обиход при нем крылатым изречением «Сталин – это Ленин сегодня»), предпослано факсимильное письмо не кого иного как товарища В. И. Ленина товарищу М. Н. Покровскому.

Тов. М. Н. Покровскому.

Тов. М.Н. ! Очень поздравляю вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Рус(ская – В.А.) (История – В.А.) в сам(ом – В.А.) сж(атом – В.А.) очерке! Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на евр(опейские – В.А.) языки.

Позволяю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологиче(ским – В.А.) указателем. Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской; с указан(ием – В.А.) страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?

С ком(мунистическим – В.А.). прив.(етом – В.А.) Ваш ЛЕНИН.

Впрочем, это я так, к слову...

Как бы то ни было советской исторической науке удалось в очередной раз «разобраться» с «норманистами», доказав (правда, ненадолго, ибо ныне почти все серьезные российские историки – например Евгений Владимирович Пчелов, не сомневаются в норманнском происхождении Рюриковичей «со товарищи»), что все государственные образования на европейской части СССР имели славянское происхождение. Но тут же встал вопрос о германских мигрантах. Причем пока что даже не о готах. Дело в том, что вскоре после Р.Х., за несколько поколений до готских пришельцев, в Северном Причерноморье появились предшествовавшие им германские племена, основавшие в Приднепровье поселения городского или полугородского типа, поселки перевозчиков, плотогонов, сплавщиков, ремесленников. Главным протагонистом этой «не норманнской», но все же «германской» теории был известный русский историк-эмигрант Михаил Иванович Ростовцев (рожденный в 1870 г. в Киеве и умерший в 1952 г. в Нью-Хейвене). Он приписывал именно германским пришельцам инициативу создания политической организации новых городских общин. Ростовцев признавал существование этих поселений еще до прихода германцев (как, кстати, и «норманисты» признавали существование славянских и финских поселений еще до прихода норманнов-варягов). Но в то же время был убежден в том, что эти поселения лишь после и вследствие прихода германских переселенцев с северо-запада приобрели характер полисов – самоуправляющихся городов-государств. Или, по меньшей мере, городских общин. Из-за Ростовцева и его сторонников «славянофилы от истории» попали из огня да в полымя. Ибо в I в. п. Р.Х. не было на Борисфене государства, которое можно было бы, положа руку на сердце, назвать славянским. Да и народа, который можно было бы назвать славянским (а не, выражаясь осторожно, праславянским). А целый ряд возникших там, пусть даже небольших, но все же городов, естественно, мог рассматриваться в качестве «предварительной формы» или, если угодно, «заготовки» будущих более крупных политических форм организации общества. Таким образом, создание первого государства на территории т.н. Древней Руси, т.е. на Борисфене-Данапре-Днепре, за несколько столетий до возникновения «империи Рюриковичей», все равно оставалось, выходит, заслугой германцев.

В отличие от Ростовцева и его школы, многие историки (например, Герман Шрайбер и др.) были скорее склонны приписать заслугу политического упорядочения территории сегодняшней Южной России не этим самым ранним германским мигрантам (например, бастарнам, связываемым с т.н. зарубинецкой культурой), а все-таки готам, пришедшим с Севера позднее и создавшим черняховскую культуру, соседствующую с (прото)славянской киевской культурой. Как подчеркивает упоминавшийся нами выше отечественный историк филолог В.Б. Егоров в своем лингвистическом эссе «Готские реминисценции»: «Население, создавшее киевскую археологическую культуру, обитало в пойменных речных низинах < ... > А вся степь, ныне украинская, была в те времена усеяна большими селениями. мы сейчас могли бы назвать их станицами, черняховцев(готов – В.А.), которые распахивали степные черноземы < ... > пра-

славяне заимствовали у готов... самые что ни на есть бытовые термины. Готских заимствований в русском языке с лихвой хватило бы на отдельную книгу. Кстати, слово лихва тоже готское, означавшее "процент по займу". В числе древних заимствований из готского оказались такие, казалось бы, совершенно русские слова как жена, чадо, живой < ... > Из готского к нам пришел целый пласт слов, связанных < ... > и это весьма симптоматично < ... > с земледелием: соха, плуг, рожь, хлеб. Ведь из последнего следует, что протославяне-киевляне учились < ... > хлебопашеству у готов-черняховцев, а не наоборот». Или, возьмем, к примеру, наше русское слово «медведь» («ведмедь»). Это – не подлинное, исконное, а описательное название зверя, означающее «знающий (ведающий), где мед», или, по другой версии – «медоед». Так его называли, чтобы не произносить настоящего названия, которое у славян, как и у многих других народов являлось табу, и которое не разрешалось даже упоминать. У славян бытовало поверье, что зверь, если его назвать по имени, услышит и обязательно придет, и потому имена опасных животных запрещалось произносить вслух. Из-за этого, кстати, многие животные утратили свои первоначальные имена, и сейчас мы знаем только те, которые были заменителями настоящих. Так вот, германцы, включая готов, называли медведя «бэр» («бер»). А в русском языке осталось слово «берлога» – «ложе (логово) бэра (медведя)» – явно германского происхождения (данное мнение разделяется и «Толковым словарем живаго великорусскаго языка» Владимира Даля). Однако, довольно об этом...

Если верна гипотеза о происхождении слова «казак» от слияния древних этнонимов «гот» и «сакс» либо же «гот» и «сак» (т.е. «скиф»), а самих приднепровских казаков – от потомков готов и спутников готов по миграции – других германцев или же иранцев-скифов (в широком смысле слова, т.е. ираноязычных сарматоваланов), то представления об изначальном сосуществовании и различии между «мужиками» и «казаками» может показаться не столь уж и абсурдной...

Как бы то ни было, именно готы были, очевидно, самым могущественным военным фактором между Танаисом и Карпатами. Обладая столь внушительной военной мощью (именно из готского языка вошел в наш лексикон целый ряд слов, связанных с военным делом: «меч», «щит», «шлем», «враг», «друг», «дружина» и др.), готы стали совершать походы «за зипунами», буквально, во все стороны света, против давно сложившихся, прошедших, так сказать, проверку временем, государственных образований. В своих походах готы обнаружили древние, исправно функционирующие торговые города с греческими и греко-скифскими традициями. Города, лишь немногие из которых готам удалось захватить. Но и города, не захваченные готами, без сомнения, сохранили свое хозяйственное значение, свои экономические функции. Они остались полезными и после попадания в зону готского господства (или, точнее говоря, готского контроля), направляя и контролируя товаропотоки с севера на юг и с юга на север. Крупнейшим из этих городов – Ольвией – готы овладели в конце III в. Причем, видимо, без боя. Что позволяет сделать вывод о длившемся несколько десятилетий мирном сосуществовании греческих торговцев с готскими ратоборцами. Тира (современный Белгород-Днестровский), основанная греками в устье Днестра, была примерно в 170 г. покорена готами. В то время как Пантикапей (сегодняшняя Керчь) на Боспоре Киммерийском попал под власть готов лишь ненадолго. Ни Херсонес Таврический (Корсунь, в котором много позже, в 988 г., принял крещение по православному обряду князь Владимир I Красное Солнышко, Креститель Руси и потомок готских Амалов), ни Неаполь Скифский (павший, как было сказано выше, жертвой не готского, а гуннского или аланского набега), видимо, никогда не принадлежали готам (хотя именно готы положили в III в. конец Тавроскифскому царству). Вероятно, потому, что готы не считали захват этих ремесленно-торговых центров выгодным, а уж тем более – жизненно важным для себя. Совсем наоборот. В пору Античности и Средневековья сохранение такими перевалочными пунктами, традиционными местами перегрузки товаров, определенного нейтралитета считалось несомненным преимуществом. В Малой Азии и в других частях Римской

«мировой» империи готы «обзавелись» многочисленными врагами и не приобрели особого доверия. Поэтому готам было выгоднее торговать с Римом (в тогдашнем понимании – «со всем миром») не напрямую, а при посредстве изрядно поднаторевших в торговле старинных греческих и скифских портовых городов, давних коммерческих партнеров средиземноморских греков и римлян. Равно служивших богу войны Аресу-Марсу и богу торговли Гермесу-Меркурию. Можно предположить, что черноморские города, получавшие от готов щедрые «комиссионные», исправно выполняли функцию скупщиков краденого или, выражаясь языком юристов, функцию «укрывателей имущества, добытого преступным путём». Ибо готы и карпы могли без труда сбывать награбленные ими ценности, и прежде всего – состоятельных невольников и невольниц – в этих демилитаризованных или даже нейтральных торговых центрах услужливым посредникам. А уполномоченные городов и семейств, пострадавших от готских грабителей, но сохранивших платежеспособность, могли беспрепятственно посещать Ольвию, Херсонес или Пантикапей, чтобы вести там без помех переговоры о выкупе пленников. Величайшие разбойники и грабители времен Великого переселения народов – гунны – вели себя столетие лет спустя аналогично готам. Ибо вся их алчность, вся их жажда грабежа, вся награбленная ими добыча, не принесла бы им никакой пользы, если бы они не имели хорошо налаженных рынков сбыта. И платежеспособных скупщиков в подходящих местах – торговых точках, или обменных пунктах, пользующихся, так сказать, правом экстерриториальности.

Как пишет В.Б. Егоров: «...готы вели оживлённую торговлю через причерноморские греческие города, что подтверждается археологически по всему ареалу черняховской культуры. Более того, в отличие от многочисленных кочевых народов, захватывавших Северное Причерноморье на более длительные сроки, готы сразу же переняли у греков искусство мореходства и не только лишили тех монополии в морской торговле, но и пошли дальше учителей в качестве пиратов (сказалась сохранившаяся в готских генах память предков – плователей по северным морям – В.А.)» («Русь и снова Русь»).

Изложенная выше версия, на наш взгляд, в какой-то мере проливает свет на роль древних припонтийских эллинских городов-эмпориев, не только уцелевших, но и сохранивших свою автономию, даже попав в зону готского влияния. Тем не менее, у нас отсутствует уверенность в наличии у самих готов собственных административно-властных центров. Правда, с учетом важнейшей роли «великой и славной» реки Борисфена (Данпара, Данапра, современного Днепра), можно предполагать, что готы не позднее, чем на рубеже III-IV вв. сочли необходимым иметь вдоль Данапра, в некотором отдалении от морского побережья собственные поселения, готские грады-гарды-города. Ведь археологические находки, в первую очередь – раскопки погребений – подтверждают, что у готов еще до их прихода в нынешние южнорусские земли, имелись существовавшие на протяжении целых поколений постоянные «княжеские» резиденции межрегионального значения. Историки – специалисты в области изучения германских племен и Великого переселения народов – придерживаются разных мнений по данному вопросу. Прежде всего, вероятно, потому, что период существования готской державы на территории современной (преимущественно – Южной) России (подтвержденного не только готскими легендами, но и античными историками) рассматривается обычно, как некий «неполноценный», подготовительный этап истории готской государственности. Предшествующий «великой эпохе» готов как вершителей судеб восточной и западной половин Римской «мировой» империи. Царств вестготов и остготов в Галлии, Испании, Италии. Однако, скажем, швейцарский историк Валентин Маркович Гитерман, уроженец России и автор трехтомной истории нашей страны, дополненной в приложениях огромным числом документов (что делает ее особенно ценной), не сомневается в существовании готской резиденции на Днепре-Данапре-Борисфене, утверждая без обиняков:

«При своем царе Германарихе (350–376) (ост)готы основали в южной России собственную державу, столица которой называлась Данпарстадир, что означает город на Днепре, и под

которой мы должны подразумевать Киев. Уже в начале (Великого – В.А.) переселения народов Киев считался олицетворением сказочного богатства. Скандинавы называли его Кэнугардр, позднее – Киангород. В «Песни о Нибелунгах» встречается название *das land ze Chiewen* («дас ланд це Киевен», т.е. «Киевская земля» или «Киевская страна» – В.А.)...».

Что тут сказать? Средневековая германская «Песнь о Нибелунгах» была записана на рубеже XII-XIII в. Сочинена она была, вне всякого сомнения, гораздо раньше, на основе древних германских сказаний, восходящих к эпохе Великого переселения народов. Но на протяжении длительного времени, подобно сказаниям троянского или фиванского циклов в древнегреческой среде, передавалась исключительно из уст в уста. К моменту, когда «Песнь» была наконец записана, Киев – «мать городов (греч. метрополия, митрополия) русских» – уже на протяжении многих столетий был знаменитой великокняжеской резиденцией. При готах же этот древний град, вне всякого сомнения, достигший большого богатства благодаря стекавшемуся в этот центр готской власти со всех сторон добру, скорее всего, назывался все-таки Данпарстадир. По-моему, эта версия звучит убедительнее... Хотя – кто знает? Темна вода во облацех, как говорили наши пращурь, когда не были в чем-либо точно уверены.

## Загадочный царь Германарих

С 270 г. п. Р.Х. античные хронисты начали писать о двух разных готских племенах (или двух разных группах готских племен). Дав тем самым десяткам, если не сотням, историков, лингвистов, германистов материал для десятков, если не сотен очень и не очень толстых книг. Как много было пролито чернил и пота, как много выдвинуто версий, гипотез, теорий (порой крайне причудливых и совершенно фантастических) для объяснения этого феномена! Но, чтобы, в свою очередь, не вносить смятение в умы и не сбивать с толку уважаемых читателей, мы будем по-прежнему пользоваться наиболее распространенными этнонимами – «вестготы» (букв. «западные готы») и «остготы» (букв. «восточные готы»). Хотя сегодня может считаться совершенно точно установленным, что эти древние племенные названия никак не связаны с понятиями «Запад» («Вест») и «Восток» («Ост»).

Первые различия между вест- и остготами проявились в землях, на которых наконец осели готские переселенцы.

Готы, поселившиеся в сегодняшних южнорусских степях восточнее Тираса-Днестра, именовались «грунунги австроготы (остроготы)». Значение этнонима «остроготы» толкуется Стефаном Флауэрсом как «готы, восславленные восходящим солнцем». По его мнению, эпитет «остро» («австро», «аустро») указывает на «восток» («ост») лишь косвенно, как на направление восхода солнца. «Грунунгами» австроготы были прозваны потому, что проживали в степях и на песчаных равнинах (что и означает данный этноним). По поводу жизни в степи следует заметить, что готы с самого начала своих странствований по «сухопутному океану» испытывали на себе влияние степной культуры «кентавров»-кочевников. И, продвигаясь по землям ираноязычных сарматов в сегодняшней южной России, уже хорошо представляли себе, с чем и с кем имеют дело. Ибо ряды самих готов пополнялись сарматами, передававшими им свои навыки жизни в степи, владения конем и т.д. В целом, североиранские сармато-аланские племенные группы, влившиеся в состав готского «народа-войска», сохраняли определенную обособленность. Не растворяясь полностью в германской среде. Но смешанные межплеменные браки, особенно среди знати, были широко распространены, способствуя скреплению межклановых союзов. При этом, как подчеркивает Эдред Торссон, преобладающим языком общения в ирано-германском союзе становился готский.

Визиготы, или везеготы (по Флауэрсу – «благие и высокородные готы»), поселившиеся западнее Тираса в Прикарпатье и Карпатах, получили название «тервинги» (т.е. «жители лесов», «лесовики», «древляне» – на последний этноним просим уважаемых читателей обратить особое внимание).

Естественно, подобные прозвания имели смысл лишь до тех пор, пока как готы-степняки, так и готы-лесовики реально оставались в землях и местностях, чьи характер и особенности соответствовали содержанию этнонимов, производных от них. С учетом описанной выше тяги готов к дальним странствиям и глубоким рейдам готских непосред-грабителей по неприятельским тылам, связь между особенностями мест проживания охотников за римско-греческими «зипунами» и их звучными этнонимами оказалась со временем утраченной. Этнонимы исказились. Прозвание «грунунги» исчезло, «австроготы» («остроготы») превратились в «остготов». А тут еще один из царей остготского («восточно-готского») племени, в дополнение к своему имени собственному, получил (возможно, чтобы отличить его от другого германского «князя», одноименного с ним, но иноплеменного) прозвище «Острогота». Т.е. «Остгот», «Восточный Гот», И это новое прозвание в дальнейшем закрепилось за степными готами, которыми он правил.

«Древляне»-тервинги проживали западнее других готов. Но, в конце концов, еще до начала гуннского нашествия, покинули насиженные места и мигрировали еще дальше на запад.

Тем не менее, они получили свой новый этноним, видимо, все-таки не от «запада» («вест») – страны света, в направлении которой переселялись. А от готского префикса (приставки) «весу» (wesu). Означающей «мудрый» (варианты: «добрый», «хороший»). Возможно, призванной выгодно отличить это готское племя от «злых», «недобрых», «нехороших» и «безумных» готских морских разбойников, успевших к тому времени снискать себе недобрую славу во всем культурном Средиземноморье. Чего стоило одно только осквернение готскими «протовикинами» такой прославленной на всю Экумену святыни как эфесский Артемисий! Разрушение из «семи чудес света»! Это злодеяние воспринималось не просто как кощунство, не только как тягчайшее оскорбление одного отдельно взятого народа – скажем, греческого или римского. Но и как нарушение всеобщей, хотя и негласной договоренности всех культурных наций Экумены. Щадивших эту величайшую святыню на протяжении многих столетий. Не зря сожжение Артемисия Геростратом стало символом неслыханного «варварства» и «вандализма» (задолго до вторжения вандалов в римские пределы в пору «лихолетья Экумены»).

Однако, как часто бывает в истории, «злые», «нехорошие», «недобрые» «безумные» готы со временем возвысились, превратились в «блестящих», «сияющих», «светлых» австро- или остроготов. Именно из их среды вышли величайшие готские цари, разнесшие по всему свету славу готского имени. В то время как «добрые», «хорошие», «мудрые» готы – вестготы – остались в дураках. И были вынуждены питаться скудными подачками римских провиантских чиновников, прозябая на подступах к великой «мировой» державе.

Правда, на первых порах и остготы понесли от римлян ряд тяжелых поражений, вынудивших гревтунгов умерить свою прыть и сидеть до поры-до времени смиренно. Ибо после долгого периода кровавой чехарды т.н. «солдатских императоров» на римский престол взошел Константин I из рода Флавиев (312–337). Храбрый воин, искусный полководец и хладнокровный, коварный политик типа, названного впоследствии «византийским». Не случайно именно Константин I перенес столицу Римской империи в древний греческий город Византий, названный сначала «(Новым, Вторым) Римом», а позднее – его собственным именем. Хотя первоначально намеревался перенести имперскую столицу в Илион, т.е. Трою – город, равно дорогой как грекам (из-за связанного с ним национального греческого эпоса – поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»), так и римлянам (ведшим свое происхождение от троянского героя Энея и его спутников, воспетых в римском национальном эпосе – поэме Вергилия «Энеида»). Мудрый август Константин «переиграл» всех своих внутривосточных соперников. И оказался, сверх того, «не по зубам» даже самым свирепым, энергичным и жадным до добычи «варварским» племенам, давившим на империю извне. С воцарением Константина I разом прекратились готские сухопутные и морские «походы за зипунами». Прошли для готов времена, когда можно было овладеть даже таким сильно укрепленным городом, как Трапезунд, чей гарнизон не охранял его мощные стены и башни, а предавался пьянству и разгулу в лупанарах. Когда готам удалось шутя взять римскую крепость Питиунт (современный абхазский город Пицунда) в Колхиде (чему весьма способствовало смещение с поста тамошнего выдающегося во всех отношениях наместника Сукцессиана по проискам придворных интриганов). Когда готы могли без помех, нагрузив корабли богатой добычей, включая пленных девушек и женщин, возвращаться по теплому морю в ставшую им родной Тавриду. Поскольку Понтийский флот римлян, видимо, приказал долго жить в вихре гражданских войн. Хотя ему полагалось стоять на якоре в Кизике, бдительно охраняя морские границы «мировой» державы... И готам больше не везло, как при префекте претория Флориане. Сводном брате императора Тацита и опытным полководце, сумевшем в 276 г. окружить готское войско в Киликии. Но выпустившем обреченных, как казалось всем, на неминуемую гибель «варваров» из своих смертельных объятий. Чтобы, провозгласив себя императором, использовать готов против своего соперника в борьбе за императорскую диадему.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.